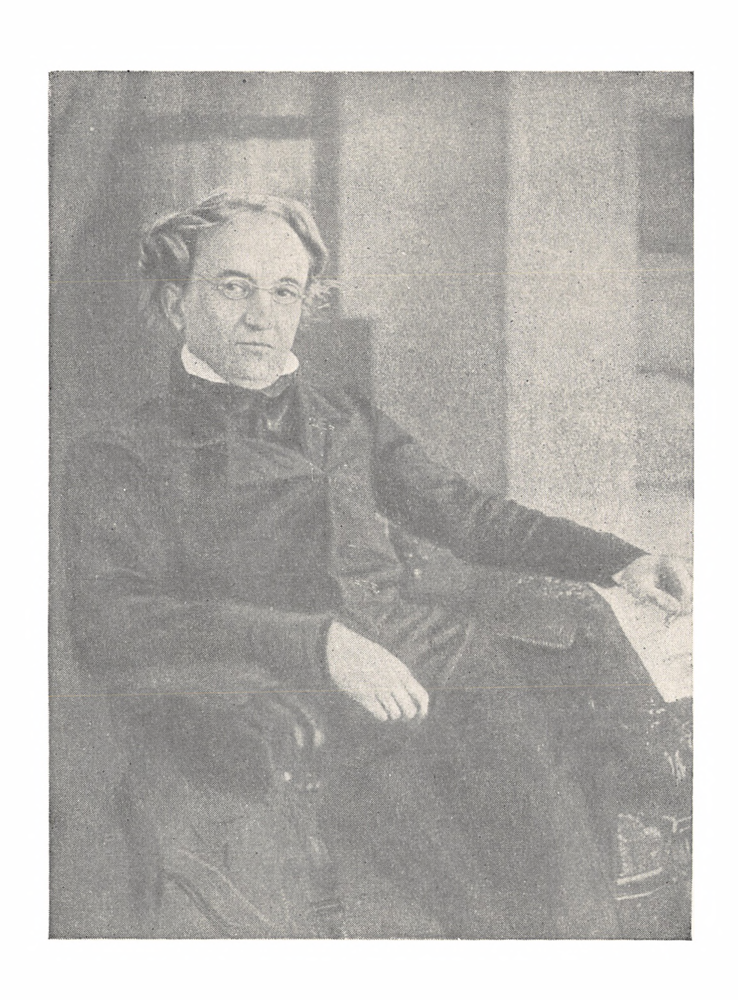
Ф. И.
ТЮТЧЕВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1957

Ф. И. ТЮТЧЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья
Б. Я. Бухштаба
Подготовка текста и примечания
К. В. Пигарева

Ф. И. ТЮТЧЕВ

1

Федор Иванович Тютчев родился 23 ноября (5 декабря) 1803 г. в дворянской семье, в родовом имении Овстуг, Орловской губернии. Его детские годы прошли в Овстуге и в Москве. Воспитателем к нему был приглашен поэт С. Е. Раич, который пробудил в Тютчеве любовь к поэзии и широко знакомил его с произведениями мировой литературы. Стихи Тютчев начал писать с детства. Ему было четырнадцать лет, когда в заседании Общества любителей российской словесности было прочитано его стихотворение и юный поэт был избран сотрудником Общества.

Пройдя дома, под руководством Раича, курс средней школы, Тютчев в 1818 г. поступил в Московский университет, который окончил в 1821 г. Затем он был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел и почти сразу получил назначение в русскую миссию в Баварии. В 1822 г., восемнадцати лет от роду, Тютчев уехал в Мюнхен. Его молодость прошла за границей. Он прожил там свыше двадцати лет и в Россию вернулся уже в сорокалетнем возрасте.

В Мюнхене Тютчев скоро становится заметен в придворном, светском, дипломатическом кругу. В 1826 г. он женился на молодой вдове Элеоноре Петерсон, урожденной графине Ботмер. По жене у него установились близкие связи с баварской аристократией. В то же время Тютчев вызывает интерес к себе в ученом и литературном кругу Мюнхена, бывшего тогда одним из значительных центров европейской культуры. Гейне называл Тютчева «лучшим из своих мюнхенских друзей»,[1] а Шеллинг отзывался о Тютчеве как о «превосходном и образованнейшем человеке, общение с которым всегда доставляет удоволь-

[1] «Русский архив», 1900, № 1, стр. 408.

ствие».[1] Оценить Тютчева-поэта его немецкие друзья, разумеется, не могли; они, может быть, даже не знали о том, что он поэт; Тютчев привлекал их блестящим и глубоким умом, своеобразным и тонким остроумием, жадным интересом к науке, философии, литературе, политике, соединенным с необычайной памятью.

Тютчев, по словам современника, «ревностно изучает немецкую философию», погружается в атмосферу идей и поэзии немецкого романтизма. Тютчев разделял интересы и устремления нарождавшегося русского философского романтизма, которые сказались в особенности в кружке молодых московских писателей, называвших себя «любомудрами». Поэты-любомудры — Веневитинов, Хомяков, Шевырев — стремились создать философскую лирику на основе романтической метафизики и эстетики, преимущественно на основе идеалистической философии Шеллинга. Ряд любомудров — В. Ф. Одоевский, С. П. Шевырев, М. П. Погодин — в начале 20-х годов входил в литературный кружок С. Е. Раича, связь с которым Тютчев продолжал поддерживать и живя за границей; с Погодиным Тютчев был дружен еще в студенческие годы.

В период жизни в Мюнхене (1822—1837) Тютчев написал десятки стихотворений, из которых многие по праву могут считаться шедеврами его лирики («Весенняя гроза», «Бессонница», «Сон на море», «Mal'aria», «Цицерон», «Silentium!», «Как над горячею золой...», «О чем ты воешь, ветр ночной...», «Тени сизые смесились...», «Нет, моего к тебе пристрастья...», «Сижу задумчив и один...» и др.).

На фоне русской поэзии этого времени стихи Тютчева резко выделяются оригинальностью тем и образов, особым колоритом мысли и слова. Вряд ли можно сомневаться в том, что Тютчев был крупнейшим русским поэтом тех лет, — после Пушкина, конечно. Но никто в те годы этого не считал, да почти никто и не знал поэзии Тютчева. Печатался он во второстепенных, малоизвестных изданиях (главным образом, в альманахах и журналах своего учителя Раича) и почти совершенно не был известен даже в литературных кругах России.

В 1836 г. Тютчев переслал в Петербург рукопись собрания своих стихотворений. Они попали через Вяземского к Жуковскому и к Пушкину. Все три поэта высоко оценили стихи, и Пушкин напечатал в двух номерах своего журнала «Современник» целый цикл из 24 стихотворений Тютчева под общим заголовком: «Стихотворения, присланные из Германии». Но и это собрание лучших стихотворений Тютчева, вышедшее под эгидой Пушкина, не вызвало откликов —

---

[1] «Московский вестник», 1830, ч. 1, стр. 115.

в печати по крайней мере. Подписался Тютчев одними инициалами, которые, конечно, не могли широко ассоциироваться с его фамилией. Позднее, в 40-е годы, Тютчев перестает печатать свои стихи, и имя его совсем забывается. Достаточно сказать, что в полном собрании сочинений Белинского Тютчев упоминается один лишь раз — в подстрочном примечании, где перечислены мелкие поэты пушкинской поры: Ротчев, Тютчев, Маркевич, Вердеревский, Раич. [1]

Неизвестность, видимо, не огорчала Тютчева. Как поэт, он всю жизнь ощущал себя дилетантом, в беседах даже с близкими ему по духу поэтами «тщательно избегал не только разговоров, но даже намеков на его стихотворную деятельность». [2]

Крайне скромным было положение Тютчева и в служебной иерархии. После пятнадцати лет службы в Мюнхене он все еще занимает ничтожное место младшего секретаря посольства; по собственным его словам, он «пережил» в Мюнхене всех своих сослуживцев, но не «унаследовал» их должностей. [3] И это было закономерно, несмотря на необычайные способности, на исключительный блеск личности, на жгучий интерес к политике, даже на вполне «благонамеренные» политические взгляды.

Тютчев был человеком, менее всего способным «делать карьеру». Его мюнхенский друг И. С. Гагарин метко сказал о нем: «Его не привлекали ни богатство, ни почести, ни даже слава. Самым задушевным, самым глубоким его наслаждением было наблюдать за картиной, развертывавшейся перед ним в мире, с неослабным любопытством следить за всеми ее изменениями и обмениваться впечатлениями со своими соседями». [4]

Тютчев вообще ощущал себя дилетантом, наблюдателем, а не деятелем, не профессионалом. Это было связано и с полной его неприспособленностью к обязательному труду. Об этом говорят все мемуаристы (да и он сам).

М. П. Погодин, знавший Тютчева с отроческих лет, писал о нем: «. . .барич по происхождению, сибарит по привычке, ленивый и беспечный по природе <. . .> Тютчев не был способен к постоянному занятию, к срочной работе, к строгому исполнению определенной обязанности». [5] Зять и первый биограф Тютчева И. С. Аксаков так харак-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1954, стр. 342.

[2] А. Фет. Мои воспоминания, ч. 1. М., 1890, стр. 134.

[3] «Литературное наследство», № 19—21. М., 1935, стр. 182.

[4] Там же.

[5] М П. Погодин. Воспоминание о Ф. И. Тютчеве. — «Московские ведомости», 1873, № 190, 29 июля.

теризует его: «Ум деятельный, не знавший ни отдыха, ни истомы — при совершенной неспособности к действию, при усвоенных с детства привычках лени, при необоримом отвращении к внешнему труду, к какому бы то ни было принуждению». Такие характеры, по правильному определению Аксакова, создавал «старый дворянский быт, т. е. *обеспеченность*, порождавшая *беспечность*, которую давало крепостное право». [1]

В человеке такого ума, образования, душевной глубины современников удивляла непоседливость, вечная жажда развлечения, рассеяния, перемены места, стремление постоянно находиться на людях — большей частью в шуме и блеске «большого света», в сущности совсем чуждого ему.

Но не жажда веселья гнала его туда, а тоска, скука, меланхолия, постоянно мучившая этого болезненно впечатлительного и нервного человека. «Чувства тоски и ужаса уже много лет как стали обычным моим душевным состоянием», — писал он в 1856 г.; [2] он мог сказать это и много раньше. «Он не находил, — говорит Аксаков, — ни успокоения своей мысли, ни мира своей душе. Он избегал оставаться наедине с самим собою, не выдерживал одиночества и, как ни раздражался «бессмертной пошлостью людской», по его собственному выражению, однако не в силах был обойтись без людей, без общества, даже на короткое время». [3]

В трудном характере Тютчева слабость воли соединялась с силой страсти. Страсти владели им с юности до глубокой старости. «. . .Была область, — пишет И. С. Аксаков, — <. . .> где он жил <. . .> всею полнотою своей личности. То была жизнь сердца, жизнь чувства, со всеми ее заблуждениями, треволнениями, муками, поэзией, драмою страсти; жизнь, которой, впрочем, он отдавался всякий раз не иначе, как вследствие самого искреннего, внезапно овладевшего им увлечения, отдавался без умысла и без борьбы. Но она <. . .> всегда обращалась для него в источник тоски и скорби и оставляла болезненный след в его душе». [4]

В 1833 году Тютчев познакомился на балу с двадцатидвухлетней красавицей вдовой баронессой Эрнестиной Дернберг, урожденной баронессой Пфеффель. Тютчев, видимо, сразу влюбился в нее. В течение нескольких лет назревал и развивался роман. Жена Тютчева покуша-

---

[1] И. С. Аксаков. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886, стр. 296.

[2] «Старина и новизна», кн. 19. П., 1915, стр. 241—242.

[3] И. С. Аксаков. Цит. кн., стр. 48.

[4] Там же, стр. 46.

лась на самоубийство. Русский посланник в Баварии стал просить перевести Тютчева из Мюнхена. В августе 1837 г. Тютчев был назначен в Турин — старшим секретарем русской миссии в Сардинском королевстве.

1 декабря 1837 г. Тютчев встретился с Эрнестиной Дернберг в Генуе. Этим днем помечено стихотворение, начинающееся словами:

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее испепелило
В твоей измученной груди!..

В Турине Тютчев скучал и тосковал. Через месяц после приезда туда он пишет родителям: «Как место, как служба, одним словом как заработок, Турин несомненно один из лучших служебных постов <...>. Но затем, как местопребывание, знайте, что Турин — один из самых унылых и угрюмых городов, сотворенных господом богом. Никакого общества. Дипломатический корпус малочислен, не объединен и вопреки всем его стараниям совершенно отчужден от местных жителей. Зато мало дипломатических чиновников, не считающих себя здесь как в ссылке <...>. Одним словом, в отношении общества и общительности Турин — совершенная противоположность Мюнхену».[1]

В августе 1838 г. умерла жена Тютчева. Биографы связывают ее смерть с нервным потрясением от пожара на пароходе, на котором она ехала с детьми. «Эта катастрофа окончательно потрясла ее и без того расстроенное здоровье», — пишет Аксаков.[2] Умерла она через три месяца после пожара.

По семейному преданию, «Тютчев, проведя ночь у гроба первой жены, поседел от горя».[3]

Находившийся в то время в Италии Жуковский часто виделся с Тютчевым, старался облегчить его горе. В своем дневнике Жуковский отмечает тяжелое душевное состояние Тютчева, но и недоумевает: «Он горюет о жене, которая умерла мученическою смертью, а говорят, что он влюблен в Мюнхене».[4] Душевная раздвоенность Тютчева была непонятна «благостному» Жуковскому.

---

[1] «Литературное наследство», № 19—21. М., 1935, стр. 184.

[2] И. С. Аксаков. Цит. кн., стр. 25.

[3] Ф. Т. <Ф. Ф. Тютчев>. Федор Иванович Тютчев (Материалы к его биографии). — «Исторический вестник», 1903, № 7, стр. 197.

[4] В. А. Жуковский. Дневники. СПб., 1903, стр. 430.

1 марта 1839 г. Тютчев обратился к министру иностранных дел графу Нессельроде с просьбой о разрешении ему «ради покоя и воспитания своих детей жениться на госпоже Дернберг» и взять отпуск.[1] Жениться ему было разрешено, а в отпуске отказано, так как Тютчев в это время был поверенным в делах, замещая посланника, отозванного в Петербург; впервые за семнадцать лет службы Тютчев оказался на ответственном посту. Не получив отпуска, Тютчев просто бросил дела и уехал. По словам одного из его биографов, «намереваясь жениться, этот «поверенный в делах» самопроизвольно эти дела покинул и, взяв с собою дипломатические шифры, отправился в Швейцарию со своей будущей женой, Эрнестиной Федоровной баронессой Дёрнберг, рожденной фон Пфеффель, с нею там обвенчался, а шифры и другие важные служебные документы — в суматохе свадьбы и путешествия потерял». По словам биографа, данный эпизод «передается со слов лица, слышавшего этот рассказ из уст самого Тютчева».[2] Во всяком случае, о самовольной отлучке говорят и другие биографы, начиная с Аксакова. В наказание Тютчев был уволен от должности и лишен придворного звания камергера.

С 1839 по 1844 г. Тютчев вновь живет в Мюнхене, без определенного положения и заработка, при увеличивающейся семье. К концу этого срока Тютчев уже отец пятерых детей.

В 1844 г. Тютчев выпустил в Мюнхене брошюру «Россия и Германия». В ней он призывает немецкое общественное мнение держаться России, естественной союзницы германских государств в их борьбе с Францией. Только союз с Россией, — утверждает Тютчев, — может обеспечить Германии преобладание в Западной Европе. Брошюра была представлена Николаю I и очень ему понравилась. «Я нашел в ней все свои мысли», — заявил царь. Быть может, в связи с этим прерванная служба Тютчева возобновилась. Осенью 1844 г. он вернулся в Россию и был снова зачислен в министерство иностранных дел — с возвращением звания камергера, в 1846 г. назначен чиновником особых поручений при государственном канцлере, в 1848 г. — старшим цензором при особой канцелярии министерства иностранных дел. Служебная деятельность Тютчева с этого времени состояла в рассмотрении иностранных книг для разрешения или запрета их ввоза в Россию. В 1858 г. Тютчев был назначен председателем «Комитета цензуры иностранной» и в этой должности служил до конца жизни.

---

[1] Г. И. Чулков. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.—Л., 1933, стр. 51—52.

[2] Е. П. Казанович. Из мюнхенских встреч Ф. И. Тютчева. — «Урания. Тютчевский альманах». Л., 1928, стр. 132.

Переезд в Россию на первых порах не увеличил литературной известности Тютчева. Начало ей положила статья Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты», напечатанная в 1850 г. в «Современнике» и преимущественно посвященная поэзии Тютчева (и здесь еще называемого «Ф. Т.» и «Ф. Т-в»). Это была вообще первая статья о Тютчеве. Противореча ее заглавию, Некрасов «решительно относит талант г. Ф. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам», видя главное его достоинство «в живом, грациозном, пластически-верном изображении природы».[1]

С того же 1850 г. Тютчев после долгого перерыва вновь начинает печататься — преимущественно в консервативном журнале Погодина «Москвитянин», — а в 1854 г. выходит первое собрание его стихотворений, сперва в виде особого приложения к «Современнику», а потом и отдельно. Издание было выпущено по инициативе и под редакцией Тургенева. Тютчев, дав согласие на выпуск сборника, не принял в его подготовке никакого участия. (То же повторилось со вторым и последним прижизненным собранием 1868 г., которое редактировали сын и зять Тютчева.)

После публикации стихотворений Тютчева в «Современнике» там же появилась статья Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева», в которой Тютчев ставился «решительно выше всех своих собратов»[2] — современных русских поэтов.

Профессиональным литератором Тютчев не стал и на родине. Близкими его знакомыми среди литераторов были только те, кто, как и он, входили в круг «высшего общества»: кн. П. А. Вяземский, гр. В. А. Соллогуб, гр. Е. П. Ростопчина. Поддерживались отношения с сослуживцами-цензорами: А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, А. В. Никитенко. Были редкие встречи с И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым. В основном Тютчев вращался, как и за границей, в придворном и светском кругу, к которому привык смолоду, хотя был ему внутренно чужд:

Ты зрел его в кругу большого света —
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт — и ты презрел поэта!

Яркое описание Тютчева в «свете» (в поздние годы его жизни) оставил М. П. Погодин:

---

[1] Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. 9. М., 1950, стр. 220, 205.
[2] И. С. Тургенев. Сочинения, т. 12. Л.—М., 1933, стр. 164.

«Низенький, худенький старичок, с длинными, отставшими от висков, поседелыми волосами, которые никогда не приглаживались, одетый небрежно, ни с одною пуговицей, застегнутою как надо, вот он входит в ярко освещенную залу; музыка гремит, бал кружится в полном разгаре <...>. Старичок пробирается нетвердою поступью близ стены, держа шляпу, которая сейчас, кажется, упадет из его рук. Из угла прищуренными глазами окидывает все собрание... Он ни на чем и ни на ком не остановился, как будто б не нашел, на что бы нужно обратить внимание... к нему подходит кто-то и заводит разговор... он отвечает отрывисто, сквозь зубы... смотрит рассеянно по сторонам... кажется, ему уж стало скучно: не думает ли он уйти назад... Подошедший сообщает новость, только полученную; слово за слово, его что-то задело за живое, он оживляется, и потекла потоком речь увлекательная, блистательная, настоящая импровизация... ее надо бы записать... вот он роняет, сам не примечая того, несколько выражений, запечатленных особенною силой ума, несколько острот, едких, но благоприличных, которые тут же подслушиваются соседями, передаются шепотом по всем гостиным, а завтра охотники спешат поднести их знакомым, как дорогой гостинец: Тютчев вот что сказал вчера на бале у княгини N...» [1]

50-е годы были для Тютчева годами высшего творческого подъема, связанного с душевными переживаниями особенной силы и напряженности.

В 1850 г., когда Тютчеву было сорок семь лет, началось наиболее значительное любовное увлечение его жизни, обогатившее русскую поэзию бессмертным лирическим циклом. В этом году он познакомился с Еленой Александровной Денисьевой, девушкой двадцати четырех лет, племянницей и воспитанницей инспектрисы Смольного института, в котором учились две дочери Тютчева. Быстрое и страстное увлечение, возникшее с обеих сторон, привело к связи, которая длилась четырнадцать лет, вплоть до смерти Денисьевой. За эти годы родилось трое детей, которые официально усыновлялись Тютчевым, получая его фамилию. Это была вторая семья Тютчева, рядом с признанной «обществом», шокированным «скандальностью» поведения поэта. Тютчев, по словам его сына, «не обращает внимания на выражаемые ему двором неудовольствия, смело бравирует общественным мнением». [2] С тем большей силой и грубостью это «общественное мнение» давит на Денисьеву, создавая ситуацию, мучительную и для нее и для поэта. Нервный характер Денисьевой усугубляет трагичность

---

[1] М. П. Погодин. Цит. статья.
[2] Ф. Т. Цит. статья, стр. 200.

этой ситуации, постоянно вызывая сцены, «которые, — по позднейшим словам Тютчева, — всё больше и больше подтачивали ее жизнь и довели нас — ее до Волкова поля, а меня — до чего-то такого, чему и имени нет ни на каком человеческом языке».[1]

Смерть Денисьевой от туберкулеза в 1864 г. вызвала в поэте взрыв глубочайшего отчаяния, ярко сказавшегося в его стихах 1864—1865 гг. и в письмах:

«Гноится рана, не заживает. Будь это малодушие, будь это бессилие, мне все равно. Только при ней и для нее я был личностью, только в ее любви, в ее беспредельной ко мне любви я сознавал себя... Теперь я что-то бессмысленно живущее, какое-то живое, мучительное ничтожество».[2]

«Что сталось со мною? Чем я теперь? Уцелело ли что от того прежнего *меня*, которого вы когда-то, в каком-то другом мире — там, *при ней*, знали и любили, — не знаю. Осталась обо всем этом какая-то жгучая, смутная память, но и та часто изменяет — одно только присуще и неотступно — это чувство беспредельной, бесконечной, удушающей пустоты».[3]

Смерть Денисьевой не изменила надолго образа жизни Тютчева, даже усилила странную в старике жажду рассеяния, о которой Тютчев писал жене в 1866 г.: «Моему обычному раздражению способствует немало та усталость, которую я испытываю в погоне за всеми способами развлечься и не видеть перед собой ужасной пустоты».[4] Причины, по которым Тютчев так жадно тянулся к людям, так боялся тоски, не были понятны «высшему обществу», в котором его признавали, по словам И. С. Аксакова, «за светского говоруна, да еще самой пустой, праздной жизни». «Его непоседливость, его скитание из дома в дом, тревожные поиски за новыми впечатлениями и интересами могли даже многим казаться несовместимыми с достоинством его „седин"».[5]

Сложный характер Тютчева был странен не только посторонним. Дочь Тютчева пишет в своем дневнике об отце: «Он совершенно вне всяких законов и правил. Он поражает воображение, но в нем есть что-то жуткое и беспокойное».[6]

---

[1] Г. И. Чулков. Последняя любовь Тютчева. М., 1928, стр. 56—57.

[2] Там же, стр. 47—48.

[3] Там же, стр. 53.

[4] «Старина и новизна», кн. 21. П., 1916, стр. 219.

[5] И. С. Аксаков. Цит. кн., стр. 44 и 298.

[6] Цит. по вступительной статье Е. П. Казанович к книге «Ф. И. Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову». Л., 1926, стр. 3.

До самой смерти «страдальческую грудь Волнуют страсти роковые». Прошло два года после кончины Денисьевой — и Тютчев снова влюбился: в близкую знакомую Денисьевой, 45-летнюю вдову Е. К. Богданову, рожденную баронессу Услар. Тютчев хорошо понимает, что теперь любовь не может дать ему уже ничего, кроме позора, утомления и горя. В год, когда она возникла, из-под пера поэта вышли такие знаменательные строки:

И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Новое увлечение уже старого и больного поэта причинило ему много душевной муки, но владело им до конца его жизни.

1 января 1873 г. Тютчев был разбит ударом. Лежа с парализованной половиной тела, с плохо поддающейся усилиям речью, Тютчев требовал, чтобы к нему пускали знакомых, с которыми он мог бы говорить о политических, литературных и прочих интересных вопросах и новостях. Он диктовал письма и стихи. Стихи уже не удавались, Тютчеву изменяло чувство ритма, но письма по-прежнему были полны мысли и оригинального остроумия. К весне Тютчеву стало лучше; он начал выходить.

9 июня 1873 г. дочь Тютчева Дарья Федоровна пишет своей сестре Екатерине: «Бедный папа потерял голову. Страсть как будто бичует его. Эта особа <Е. К. Богданова. — Б. Б.> пытает его медленным огнем <...>. Это она виновница его положения, она возбуждает его, и без того больного, играя на его нервах, натянутых до последней степени». [1]

11 июня последовал новый удар, через несколько дней — третий. Тютчев прожил еще месяц. На смертном одре он острил и требовал политических новостей. Уже после того, как священник прочитал над ним отходную, он еще раскрыл глаза и спросил: «Какие получены подробности о взятии Хивы?»

15 (27) июля 1873 г. Тютчева не стало.

2

Политические взгляды Тютчева в студенческие годы были, видимо, умеренно либеральными. М. П. Погодин записывает в дневнике 1 ноября 1820 г.: «Говорил с Тютчевым о молодом Пушкине, об его

---

[1] Г. И. Чулков. Последняя любовь Тютчева. М., 1928, стр. 69.

оде «Вольность», о свободном, благородном духе, появляющемся у нас с некоторого времени». [1]

На оду Пушкина Тютчев отозвался стихотворением («К оде Пушкина на вольность»), фразеология которого характерна для нарождавшегося стиля «гражданского романтизма», стиля декабристской лирики: «огонь свободы», «звук цепей», «рабства пыль», «чела бледные царей», «тираны закоснелые» и т. п. Тютчев приветствует Пушкина за его смелое выступление в защиту свободы. Однако резкость, с которой Пушкин стремится «на тронах поразить порок», смущает Тютчева, и он заканчивает стихотворение советом:

Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Политические взгляды Тютчева продолжали оставаться либеральными и за границей. Погодин, видевшийся с Тютчевым летом 1825 г., записывает его слова: «В России канцелярии и казармы. Все движется около кнута и чина». [2]

Для тютчевского «вольномыслия» 20-х годов показательно стихотворное подражание отрывку из «Путевых картин» Гейне. Здесь поэт, «ратник свободы», приветствует «счастливейшее племя» будущего, которое расцветет под солнцем свободы, — людей, в чьих душах

Вольнорожденных вспыхнет смело
Чистейший огнь идей и чувствований —
Для нас, рабов природных, непостижный!

На восстание декабристов Тютчев отозвался стихотворением двойственным и противоречивым. Самодержавие названо здесь развращающим самовластьем. Русская монархия предстает в мрачных образах «вечного полюса», «вековой громады льдов», «зимы железной» — образах, имеющих, как увидим дальше, стойкое оценочное значение в поэзии Тютчева. В то же время декабристы трактуются как «жертвы мысли безрассудной», и осудил их, по Тютчеву, не только «беспристрастный» закон, но и чуждый «вероломству» народ.

Столь же двойствен отклик Тютчева на другое революционное

---

[1] И. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1. СПб., 1888, стр. 194.

[2] Там же, стр. 310.

событие начала царствования Николая I — на польское восстание 1831 г. Тютчев приветствует подавление восстания — и в то же время твердо отмежевывает русский народ от царских «рабов», «янычар» и «палачей»:

Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!

Она лилась, по Тютчеву, не только за «России целость и покой», но и за «свободу» и «просвещенье». «Высшее сознанье Вело наш доблестный народ» к тому, чтобы

Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Тютчев пытается сочетать идеалы свободы и просвещения с утопией о мессианском призвании России как «всеславянского царства».

Политические взгляды Тютчева складываются, очевидно, в 30-е годы. В 40-е годы он выступает на поприще политической публицистики. В 1844 г. он выпускает, как уже сказано, брошюру «Россия и Германия», в 1849 г. в Париже выходит его брошюра «Россия и революция», в следующем году в журнале «Revue de Deux Mondes» печатается его статья «Папство и римский вопрос». Все эти работы написаны на французском языке. Тютчев имел намерение включить их как главы в книгу «Россия и Запад», конспект которой, относящийся к 1849 г., сохранился среди его бумаг. Но книга не была написана.

Мысли Тютчева были выношены за границей, в полемике с иностранными авторами, нападавшими не только на уклад жизни тогдашней России, но и на свойства национального характера русского народа. Идеи Тютчева перекликаются с возникавшими в России в начале 40-х годов идеями славянофилов.

Подобно славянофилам, Тютчев исходит из противопоставления России и Запада, как двух миров, органически различных по своему жизненному строю. Запад, утверждает он, не знает ничего подобного цельности и единству России, которые являются результатом подлинно христианского характера русского народа. Основа нравственной природы его — чувство смирения, способность к самоотвержению и самопожертвованию, на которых зиждется подлинно христианское православное братство. Это «основное начало не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности

разъединения и раздробления».[1] На Западе же государственность, право, религия основаны на культе отдельной личности и ее прав. Это культ антихристианский, ибо «человеческое я, предоставленное самому себе, противно христианству по существу».[2] Для Запада характерен дух индивидуализма, приводящий человека к гордыне и высокомерию, а общество — к непрестанной междоусобной борьбе лиц и сословий, эгоистически бьющихся за свои права и преимущества.

Буржуазный индивидуализм Тютчев осуждает не слева, а справа, с феодальных позиций, борясь с самым принципом свободы и независимости личности, явившимся в свое время безусловно прогрессивным завоеванием буржуазной мысли. Духом индивидуализма, по мнению Тютчева, отмечены и религии Запада; крайнее же его выражение, «апофеоз человеческого *я*», есть дух революции, который и одерживает победы на Западе, не могущем эффективно бороться с порождением собственной основной идеи.

Единственная подлинная сила, противостоящая революции, — это Россия. «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия, — пишет Тютчев в 1848 г. — Эти две силы противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу».[3]

В 40-е годы могущество и процветание России выражалось для Тютчева прежде всего в крепости и силе русского монархического государства. Назревавшие с начала 50-х годов внешнеполитические конфликты сперва вызвали в нем надежды на объединение всего славянского мира в составе России, мечты о «венце и скиптре Византии» для русского царя. Но неудачи Крымской войны отрезвили Тютчева. «Он понял, — пишет Аксаков, — что черед, в самой России, не за исполинскими, мировыми политическими задачами, а за делом, и за долгим делом собственного внутреннего устроения. Этим объясняется, почему с окончанием Восточной войны Тютчев почти совершенно замолк о своих политических чаяниях и верованиях, в устных беседах и в письмах».[4]

После неудачного окончания Крымской войны Тютчев пишет жене: «В конце концов это только справедливо, и было бы даже неестественно, чтобы тридцатилетний режим глупости, развращенности и злоупотреблений мог привести к успехам и славе».[5]

---

[1] Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений. СПб., 1913, стр. 292.

[2] Там же, стр. 312.

[3] Там же, стр. 295.

[4] И. С. Аксаков. Цит. кн., стр. 259.

[5] «Литературное наследство», № 19—21, стр. 198.

Умершему Николаю I Тютчев пишет такую эпитафию:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

В письмах 50-х годов и более поздних Тютчев разражается негодованием на глупость, бездарность, нечестность правящих кругов России, на систему подавления мысли, приведшую к несчастиям. В 1857 г. Тютчев пишет записку «О цензуре в России». Он исходит из положения, «что в наше время везде, где свобода прений не существует в довольно обширных размерах, ничто невозможно, решительно ничто в нравственном и умственном смысле»,[1] и настаивает на максимальной цензурной свободе. Эту точку зрения Тютчев стремился проводить в своей служебной цензорской деятельности, стараясь держать «не арестантский, а почетный» караул, «у мысли стоя на часах». Он говорил министрам горькие истины «об управлении печатью, не обладающем ни умом, ни честностью»,[2] в Совете по делам печати постоянно оказывался в оппозиции и горько сетовал на материальную невозможность бросить службу. «Не будь я так нищ, — пишет он жене, — я с наслаждением бросил бы им в лицо содержание, которое я получаю, и открыто сразился бы с этим стадом скотов, которые, невзирая ни на что, и на развалинах мира, рухнувшего под тяжестью их глупости, осуждены роком жить и умереть безнаказанно в своем кретинизме».[3]

В более поздних письмах Тютчев постоянно возвращается к мысли о разложении русской монархии, о неизбежности крушения существующего порядка вещей.

Формально Тютчев и в старости солидаризировался со славянофилами, но при этом явно презирая их узость и доктринерство. Он пишет жене о каком-то «славянском обеде»: «Я не присутствовал, <...> чтобы не подвергаться скуке слышать бесполезное и смешное пережевывание общих мест, которые тем более мне опротивели, что я сам этому содействовал».[4]

Без сомнения, в славянофильстве Тютчева было что-то парадоксальное. Уж слишком не похож Тютчев на славянофилов с их

---

[1] Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений. СПб., 1913, стр. 329.

[2] «Старина и новизна», кн. 21, стр. 228.

[3] «Старина и новизна», кн. 19, стр. 213.

[4] «Старина и новизна», кн. 22. П., 1917, стр. 253.

армяками и бородами, с их истовой религиозностью и барским мужиколюбием, с их твердыми жизненными правилами и добродетелями, с их бодрым самодовольством и безмятежной уверенностью в прочности, чуть ли не вечности «обоснованного» ими уклада: он-де зиждется на «духе народа», и никакие революции ему не грозят.

Как чужд всему этому Тютчев — «европеец самой высшей пробы»,[1] привыкший и любивший жить за границей, дважды женатый на иностранках, говоривший по-русски только с теми, кто не мог хорошо говорить по-французски; светский остроумец, отточенные mots которого дышат таким тонким скептицизмом; человек, носивший клеймо «безнравственного»; болезненно нервный, постоянно терзаемый невыносимой тоской, безвольно следовавший своим влечениям, фатально приводившим к трагедиям и катастрофам; и — самое главное — человек, глубоко, обостренно чувствовавший непрочность и обреченность всей окружавшей его жизни.

Славянофил И. С. Аксаков подробно останавливается в своей книге на своеобразном отношении Тютчева к славянофильским доктринам.

«Все «национальные идеи» Тютчева, — пишет Аксаков, — представлялись обществу чем-то *отвлеченным* (чем, по-видимому, они в нем и были отчасти), делом *мнения*, а не делом жизни <...>. Они не видоизменяли его привычек, не пересоздавали его частного быта, не налагали на него никакого клейма ни партии, ни национальности <...>. Странно в самом деле подумать, <...> что эта любовь к русскому народу не выносила жизни с ним лицом к лицу и уживалась только с петербургскою, высшею общественною, почти европейскою средою».[2] «Он даже в течение двух недель не в состоянии был переносить пребывания в русской деревенской глуши <...>. Не получать каждое утро новых газет и новых книг, не иметь ежедневного общения с образованным кругом людей, не слышать около себя шумной общественной жизни — было для него невыносимо <...>. Даже мудрено себе и вообразить Тютчева в русском селе, между русскими крестьянами, в сношениях и беседах с мужиком».[3]

Таким же было отношение Тютчева к православию, за которое он так ратовал в своей публицистике. Тютчев был, по словам Аксакова, «совершенно чужд в своем домашнем быту не только православноцерковных обычаев, но и прямых отношений к церковнорусской стихии».[4] Не будучи в силах принудить себя к чему-нибудь скучному,

---

[1] И. С. Аксаков. Цит. кн., стр. 54.
[2] Там же, стр. 75—76.
[3] Там же, стр. 56—57.
[4] Там же, стр. 65.

он по-школьнически убегал с дворцовых молебствий, на которых должен был присутствовать как камергер. Вообще, его религиозная вера сомнительна; она характеризуется Аксаковым как «вера, признаваемая умом, призываемая сердцем, но не владевшая ими всецело, не управлявшая волею, недостаточно освящавшая жизнь, а потому не вносившая в нее ни гармонии, ни единства».[1] Многие сохранившиеся «mots» Тютчева для человека подлинно религиозного должны были бы звучать кощунственно: «Вам словно сообщили, что умер бог», «Надо сознаться, что должность русского бога — не синекура», «Бьюсь об заклад, что в день Страшного суда в Петербурге найдутся люди, делающие вид, что не подозревают этого», «Будь я полугодовой мертвец, я не преминул бы воскреснуть как можно быстрей, чтобы быть свидетелем того, что происходит и произойдет» и т. п.

Но что более всего отдаляет Тютчева от славянофилов — это ощущение — с годами растущее — непрочности того социально-политического уклада, за который он вместе с ними ратовал.

Мысль о непрочности всего в жизни — один из лейтмотивов поэзии Тютчева. То же в его письмах: «Когда испытываешь ежеминутно с такою болезненною живостью и настойчивостью сознание хрупкости и непрочности всего в жизни, то существование, помимо цели духовного роста, является лишь бессмысленным кошмаром».[2] Из писем Тютчева достаточно ясен и социально-политический аспект этих мыслей: «Наступает минута страшных переворотов»,[3] «Что же это, наконец? Может быть, это хаос перед новым творением или же неурядица распадения?»,[4] «Я сознаю, как тщетны все отчаянные усилия нашей бедной человеческой мысли разобраться в том ужасном вихре, в котором погибает мир... Да, действительно, мир рушится, и как не потеряться в этом страшном крушении?»[5]

Тютчев не менее, чем славянофилы, дворянский идеолог, защитник господствующего класса и существующего уклада, — но защитник, глубоко чувствовавший непрочность, обреченность того мира, который был ему дорог.

Несоответствие между социально-политическими идеями, которые Тютчев проповедовал устно, письменно и печатно, и всем его внутренним обликом требует ответа на вопрос: каково же значение этих идей в духовном мире Тютчева? Думается, что эти идеи были для него,

---

[1] И. С. Аксаков. Цит кн. стр. 47—48.
[2] «Старина и новизна», кн. 18. СПб., 1914, стр. 37.
[3] «Старина и новизна», кн. 21, стр. 226.
[4] «Старина и новизна», кн. 22, стр. 235.
[5] Там же, стр. 275.

так сказать, убежищем от самого себя, от мучительного сознания раздвоенности, разорванности, хаотичности своего существа.

Душевная раздвоенность была глубочайшим страданием Тютчева. Он как о высшей казни поколения говорил о «страшном раздвоеньи, В котором жить нам суждено», он более всего ценил в людях цельность («В нем не было ни лжи, ни раздвоенья», — говорит он о Жуковском). Когда он боролся с «западной идеей», основанной на «принципе личности», он прежде всего боролся с самим собой. «Принцип личности, — пишет он, — доведенный до какого-то болезненного неистовства, — вот чем мы все заражены, все без исключения».[1] Он прежде всего в себе самом ощущал и казнил этот «принцип личности», злую стихию беззаконных страстей, разрушительное начало неверия, иронии, скепсиса, личного мнения, противопоставленного авторитету.

Аксаков говорит: «Россия представлялась ему не в подробностях и частностях, а в своем целом объеме, в своем общем значении, — не с точки зрения нынешнего дня, а с точки зрения мировой истории».[2] В этом «общем значении» Россия мерещилась Тютчеву контрастом ко всему тому, что его терзало. Это было утопическое царство цельности, единства, смирения, твердой веры, устойчивой жизни, — царство, в котором нет места мятежу личной воли, революционной в существе своем. Для Тютчева несомненно было великим наслаждением сознавать себя частью этого цельного мира. Но этим сознанием он наслаждался издалека: вблизи устойчивая жизнь могла вызывать в нем чувство почтения, зависти («...не могу без зависти, без печального сравнения с самим собой видеть эти упорядоченные, оседлые существования, покоя которых, кажется, ничто не может нарушить»[3]), но вместе с тем неизбежно вызывала чувство гнетущей скуки, — а одна перспектива скуки всю жизнь заставляла Тютчева испытывать подлинный ужас.

3

Можно развить нашу мысль и дальше: можно думать, что и в шеллингианской философии Тютчева особенно влекли идеи, сулящие разорванной, отъединенной от мира душе исцеление в слиянии с цельным, единым, всеобщим.

---

[1] Цит. по статье Д. Д. Благого «Жизнь и творчество Тютчева» в кн.: Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. М.—Л., 1933, стр. 43.

[2] И. С. Аксаков. Цит. кн., стр. 76.

[3] «Старина и новизна», кн. 21, стр. 164.

Некоторые философские мотивы сильно ощутимы в поэзии Тютчева, и дореволюционные критики — особенно идеалистическо-символистского толка — пытались построить из его высказываний в стихах систему философских тезисов. Но «тезисы» противоречили друг другу и «примирялись» очень искусственно. Сборник стихов — не философский трактат; сам Тютчев сказал об этом как-то в свойственной ему шутливой манере: «Стихи никогда не доказывали ничего другого, кроме большего или меньшего таланта их сочинителя». [1]

Тургенев писал о стихах Тютчева: «Если мы не ошибаемся, каждое его стихотворение начиналось мыслию, но мыслию, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления». [2]

Связь поэзии Тютчева с философской мыслью не дает, разумеется, права трактовать его стихи как звенья некой философской системы. Нужно другое: понять, какие впечатления и чувства стоят за его, иногда «тезисообразными», поэтическими мыслями.

Один из основных мотивов поэзии Тютчева, как мы уже упомянули, — мотив хрупкости, «призрачности» бытия. Призрачно минувшее, всё, что было и чего уже нет. «Призрак» — обычный эпитет прошедшего у Тютчева: «Минувшее, как призрак друга, Прижать к груди своей хотим», «О бедный призрак, немощный и смутный, Забытого, загадочного счастья», «призраки минувших лучших дней». От «живой жизни» остаются только воспоминания, но и они неизбежно выветриваются и исчезают: душа осуждена «следить, как вымирают в ней все лучшие воспоминанья». «Бесследно всё».

Но и настоящее, раз оно непрестанно, неумолимо и полностью исчезает, — тоже лишь призрак. Символ призрачности жизни — радуга. Она прекрасна, но это лишь «виденье»:

> Смотри — оно уж побледнело,
> Еще минута, две — и что ж?
> Ушло, как то уйдет всецело,
> Чем ты и дышишь и живешь.

Резко выражено это ощущение в таких стихотворениях, как «День и ночь», где весь внешний мир осознан как призрачный «покров, накинутый над бездной»:

> Но меркнет день — настала ночь;
> Пришла, и с мира рокового

---

[1] «Старина и новизна», кн. 18, стр. 17.

[2] И. С. Тургенев. Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева. — Сочинения, т. XII. М.—Л., 1933, стр. 166.

Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

Этот образ повторяется даже в деталях (ср. цитированное стихотворение «День и ночь» и стихотворение «Святая ночь на небосклон взошла...»). День отодвигается, как пелена, уходит, «как виденье», «как призрак», — и человек остается в подлинной реальности, в безграничном одиночестве: «На самого себя покинут он», «В душе своей, как в бездне, — погружен, И нет извне опоры, ни предела». Обнажается стихия «ночной души», стихия первозданного хаоса, и человек оказывается «лицом к лицу пред пропастию темной», «И в чуждом, неразгаданном, ночном Он узнает наследье родовое».

Связь образов ночи и хаоса, мысль о «ночной стороне» человеческой психики как бессознательной подпочве жизни идет от Шеллинга. По Шеллингу основа истории вселенной и жизни человеческой души — борьба света с мраком, с «хаотическим движением первоначальной природы», с бессознательной, темной, «слепой волей» в природе и в человеке, стремящейся к первозданному хаосу, к гибели.

Но для понимания поэзии Тютчева существенно не это. Существенно, что за подобными стихами стоит чувство одиночества, оторванности от мира, в котором живет поэт, глубокое неверие в его силы, сознание неизбежности его гибели.

Мотив одиночества звучит и в стихах Тютчева о бездомном, чуждом миру страннике (стих. «Странник», «Пошли, господь, свою отраду...»), о жизни прошлым и отказе от настоящего (в особенности «Душа моя — элизиум теней...»), о поколении, вытесненном из жизни и «занесенном забвением» (это не старческие сетования; ср. стихотворение 20-х годов «Бессонница», стихотворение 30-х годов «Как птичка с раннею зарей...»), об отвращении к шуму, к толпе, о жажде уединения, тишины, мрака, безмолвия.

Чувству призрачности мира и своей отъединенности от мира противостоит в поэзии Тютчева горячее «пристрастье» к земле с ее наслажденьями, грехами, злом и страданьем, и прежде всего страстная любовь к природе:

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.

Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?

Страстное стремление к слиянию с природой опосредствовано в стихах Тютчева шеллингианской идеей живого единства и цельности всего мироздания. Шеллинг утверждал, что вся природа одушевлена, что она обладает единой «мировой душой». «Вся природа говорит нам,— писал Шеллинг, — что она существует отнюдь не в силу простой геометрической необходимости; в ней жив не один лишь чистый разум, а личность и дух».[1]

Эта мысль нашла в поэзии Тютчева выражение почти столь же афористическое:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

«Мировая душа», «вселенская воля» — полярна обособленной воле индивидуального, отдельного человеческого существа. Отпадение «частной воли» человека от «универсальной воли» природы, по Шеллингу, — принцип зла; очищение от «самости», стремление к единству со «всеобщей жизнью природы», к слиянию с «мировой душой» — условие блаженства. И эта идея также декларируется в поэзии Тютчева:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

(«Певучесть есть в морских волнах...»)

Человек призрачен в своем отрыве от единого и цельного «мира природы», в своей иллюзорной отъединенности («жизни частной») и свободе. «Человеческое я» — только «нашей мысли обольщенье» (стих. «Смотри, как на речном просторе...»).

Тот жизненный разлад, который постоянно ощущал Тютчев, осознавался им в метафизическом плане как разлад между челове-

[1] Шеллинг. Философские исследования о сущности человеческой свободы. СПб., 1908, стр. 57.

ком и природой, путь преодоления разлада — в слиянии, в ощущении слитности своей жизни с общей жизнью природы.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

Тут за искусственными конструкциями Шеллинговой философии чувствуется безграничная любовь к природе, подлинная жажда погружения в «мир природы». Но восторженный призыв сопровождается характерным ограничением:

И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

За этим «мигом» вновь неизбежно наступает «разлад»:

Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник.[1]

Тютчеву не чужда и характерная для романтической философии и поэзии мистическая тема «откровения», «высшего познания» в акте слияния человеческой души с «душой мира». Она сказалась, например, в стихотворениях «Проблеск», «Видение». Но рядом другие стихотворения раскрывают скептическое отношение к «высшему познанию» или даже насмешливое отрицание его.

В мистической символике излюблен образ «искателя ключевых вод». Мы находим его в стихотворении Тютчева «Иным достался от природы. . .»

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой —
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной. . .

Здесь это символ сверхопытного познания, «мистического откровения». Но тот же образ — в стихотворении «Безумие», где поиски

---

[1] Образ, заимствованный у Паскаля: «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но это — тростинка мыслящая»,

«откровения» приписаны «безумью жалкому», которое в пустыне ищет ключевых вод и воображает, что слышит их «пенье» под землей:

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

Еще один тютчевский образ с налетом романтического мистицизма — порыв к небу, в «горний выспренний предел». Ряд стихотворений основан на противопоставлении неба земле (например, стих. «И гроб опущен уж в могилу...», «С поляны коршун поднялся...», «Кончен пир, умолкли хоры...») или горных вершин — долине (стих. «Какое дикое ущелье...», «Над виноградными холмами...», «Яркий снег сиял в долине...», «Хоть я и свил гнездо в долине...» и др.). Все это стихи о том,

Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как всё удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

Но и этот образ пародирован в стихотворении «Безумие», где «безумье жалкое» «стеклянными очами Чего-то ищет в облаках».

Скептическая тема невозможности «запредельного» знания и крайней бедности и ограниченности человеческого познания вообще проходит уже в лирике Тютчева 30-х годов («Фонтан», «Безумие», «С горы скатившись, камень лег в долине...»). К старости скептические тенденции усиливаются.

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе, —
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой.

Природа и человеческая душа сходны уже не тем глубоким смыслом, который заключен в их жизни, а глубоким бессмыслием. И тогда естествен совет: «Не рассуждай, не хлопочи! Безумство ищет, глупость судит» (1850 г.). Натурфилософские поиски заканчиваются внушительным афоризмом (1869 г.):

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

За «философскими» мыслями Тютчева стоит чувство глубокого одиночества, и стремление преодолеть его, найти путь к окружающему миру, поверить в его ценность и прочность, — и отчаяние от сознания тщетности попыток преодолеть свою отторгнутость, свою замкнутость в собственном «я».

4

Литературное наследие Тютчева очень невелико. Ни художественная проза, ни драматургия, ни эпос никогда его не влекли, да и лирических стихотворений им было создано за полвека очень немного. Лишь ограниченный круг переживаний и настроений побуждал Тютчева к поэтическому творчеству, лишь на немногие темы он чувствовал потребность говорить языком искусства. Постоянно проходят сквозь все творчество Тютчева основные темы, настойчиво повторяются основные образы, из стихотворения в стихотворение переходят излюбленные выражения, превращаясь в своего рода формулы («дальний гул», «пенье волн», «всемирное молчанье», «звездная слава», «безлюдный край» и многие другие).

Создаются стихотворения на одинаковые темы, со схожей образностью, часто с повторением тех же выражений. Это как бы новые попытки выразить всё те же мысли и чувства, с которыми в поэзии Тютчева сочетаются те же образы. Можно указать ряд подобных «параллельных» стихотворений: о дне и ночи («День и ночь» и «Святая ночь на небосклон взошла. . .»), о зарницах летней ночью («Не остывшая от зною. . .» и «Ночное небо так угрюмо. . .»), о прелести увяданья («Есть в светлости осенних вечеров. . .» и «Обвеян вещею дремотой. . .»), о взгляде, направленном из долины к горным высям, где животворно «струя воздушная течет» (а во втором стихотворении «бежит воздушная струя» — «Над виноградными холмами. . .» и «Хоть я и свил гнездо в долине. . .») и т. д. При этом обычно «повторные» стихотворения создаются через много лет (в приведенных примерах от пятнадцати до двадцати пяти).[1]

Эти особенности творчества Тютчева вызывают впечатление

[1] О повторениях, «дублетах», параллелях в творчестве Тютчева см. в статье Л. В. Пумпянского «Поэзия Ф. И. Тютчева» в сборнике «Урания. Тютчевский альманах». Л., 1928.

исключительно тесной связи между его стихотворениями; каждое воспринимается на фоне всех остальных: настойчиво повторяющиеся темы, образы, словосочетания создают впечатление особой значительности, заставляют искать философского смысла, заложенного в них.

При этом единстве поэзия Тютчева в то же время является поэзией контрастов и антитез, поэзией романтического дуализма. С удивительным постоянством в ней юг противопоставляется северу, зима весне, день ночи, земля небу, горы долине, гроза тишине, дремотное блаженство — злой страсти, любовь «небесная» — любви «роковой». Природа и человек сопоставляются и противопоставляются в сне и в пробуждении, в расцвете и в увядании, в буре и в тишине. Обычно аналогия идет от природы к душе, от образа, так сказать, к его символическому смыслу, реже — от душевного явления к его образу в природе.

Сопоставление нередко дается в форме прямого сравнения, так что ряд стихотворений начинается словом «как», с последующим «так», по типу:

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает...
...Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом...

Ср. формулы: «Так иногда», «Не так ли», «Таков», «Ты скажешь» и т. п.

Принцип аналогии постоянно является стержнем стихотворения, часто деля его на две симметрические части. Обратим внимание на то, что у Тютчева наиболее распространенной строфической формой, далеко оставляющей за собой все другие, является двухстрофная, а за ней следует четырехстрофная, то есть опять-таки форма, дающая возможность симметрического членения.

Само собой разумеется, что здесь нет стандартов. Сопоставление может не развертываться симметрически и не подчеркиваться никакими формулами. Второй член сопоставления может появиться лишь в заключении стихотворения, лишь как намек, лишь в словоупотреблении, переводящем описание природы в психологический план.

Есть достаточно стихотворений о природе и без всяких видимых признаков психологической аналогии, — но в системе тютчевской поэзии не воспринимаются нейтрально, вне зависимости от общего круга тем и чувств, стихи ни о тишине в природе («Вечер»), ни о грозе и успокоении («Успокоение»), ни о весеннем возрождении («Первый

лист»), ни об утренней заре и первых солнечных лучах («Восход солнца»).

Тютчев раньше всего был оценен как автор стихов о природе, — и это понятно. Природа в его поэзии играет первенствующую роль, является основным объектом художественных переживаний. Но сила Тютчева вовсе не в особой зоркости пейзажиста. В его стихи вкраплены тонкие наблюдения, и критики недаром восхищались такими строками, как «Зеленеющие нивы зеленее под грозой», «Вдруг ветр повеет теплый и сырой», «Лишь паутины тонкий волос висит на праздной борозде». Но вообще явления природы, попадающие в поле его зрения, немногообразны и восприняты не детализированно.

Этим Тютчев резко отличается от таких пейзажистов русской поэзии, как Некрасов или Фет. Тютчев часто говорит о цветах, но почти никогда не назовет конкретного цветка (кроме розы и, в одном стихотворении, гвоздики). Он говорит о нивах, но мы не узнаём, какие посевы видит он перед собой. Он стремится не к выявлению неповторимого своеобразия той или иной картины природы, а к передаче эмоций, возбуждаемых природой. Картина природы часто прямо вводится у него выражением чувства. Характерны начальные строки стихотворений Тютчева: «Люблю грозу в начале мая», «Как сладко дремлет сад темно-зеленый», «Как весел грохот летних бурь», «Как хорошо ты, о море ночное», «Грустный вид и грустный час», «Еще земли печален вид», «Ночное небо так угрюмо» и т. п.

При этом поэтическую мысль и чувство Тютчева вызывают, прежде всего, явления самого общего характера: свет и тьма, тепло и холод, шум и безмолвие... Свет, тепло, тишина всегда возбуждают в поэте ощущение блаженства — и через все творчество Тютчева проходит устойчивый образ «блаженного мира».

Это, как правило, — летний и южный мир:

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провевает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

(«Вновь твои
я вижу очи..»)

В ряде стихотворений перед нами все та же картина: на лазурном небе «солнце светит золотое», летний зной умеряется тихим ветром,

веяньем моря, дыханьем «высей ледяных», тенью деревьев, сумраком грота, прохладой фонтана. Этот мир погружен в тишину, лишь подчеркнутую тихими, мелодичными звуками: «далекий колокольный звон», шелест листьев, плеск фонтана или, чаще всего, пенье волн (волны у Тютчева всегда поют: «Звучнее пела река в померкших берегах», «Окликалися ветры и пели валы», «Месяц слушал, волны пели», «И я заслушивался пенья Великих Средиземных волн», «И слово русское, хоть на одно мгновенье, Прервало для тебя волн средиземных пенье». Ср. «тезисную» формулировку: «Певучесть есть в морских волнах»).

Это — мир, застывший в дремотном блаженстве. Таким предстает он еще в раннем (1823 г.) стихотворении «Слезы»:

Люблю смотреть, когда созданье
Как бы погружено в весне,
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне! ..

Дремотное блаженство природы и сливающейся с ней души поэта — один из лейтмотивов поэзии Тютчева («. . .полусонный Наш дольний мир, лишенный сил, Проникнут негой благовонной, Во мгле полуденной почил», «И всю природу, как туман, Дремота жаркая объемлет», «И много лет и теплых южных зим Провеяло над нею полусонно», «В сладкий сумрак полусонья Погрузись и отдохни», «Дремотою обвеян я», сад «тихой полумглою Как бы дремотою объят» и т. п.).

В стихах этого эмоционального строя находит выражение глубокая любовь поэта к природе, жажда «слиянья» с ней, блаженного «уничтоженья» в ней.

Вечер в поэзии Тютчева — это прежде всего освобождение от томительного зноя, замирание резкого света и громкого звука, наступление блаженной тишины и восторг перед целительным сумраком, погружающим душу в полудремотное забвение:

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край! ..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Ночь в стихотворениях той же тональности — как и день, теплая, светлая и тихая, но не мертвенно-безмолвная, а с приглушенным мерным звуком, «дальним гулом» («Жизнь, движенье разрешились В сумрак зыбкий, в дальний гул», «Слышал, тайно очарован, Дальний гул как бы во сне», «Над спящим градом, как в вершинах леса, Проснулся чудный, еженочный гул»). Это ночь столь же красочная и того же колорита, как и «день лазурно-золотой», — только в тонах, смягченных лунным светом:

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Для стихов этого настроения характерны и особая «сладкозвучная» фонетика, и особые эпитеты, такие, как «блаженный», «благодатный», «благовонный», «золотой», «сладостный», «волшебный», «очарованный» — и в особенности «тихий», «светлый» и «теплый». Последние эпитеты связаны с особой эмоциональной оценкой света, тепла и тишины; это не простые прилагательные, утверждающие данные качества, это эпитеты, в которых эмоциональность преобладает над предметным смыслом (ср. «тихая лазурь», «сумрак тихий» и т. п.); таково же употребление эпитетов «лазурный», «воздушный», «легкий» и многих других.

Традиции этой линии тютчевской лирики лежат в поэзии Жуковского и Батюшкова. Для стиля обоих поэтов характерно превращение качественных характеристик объективного мира в эмоциональные характеристики. Жуковскому в особенности свойственно превращение пейзажа в «пейзаж души». От Батюшкова идет у Тютчева восхищение «южным» миром как миром спокойного и светлого наслаждения, создание эмоциональных оценок путем нагнетания «сладостных» эпитетов, само стремление к «итальянскому» благозвучию, основанному на особом подборе звуков.

Светлому миру гармонического наслаждения в поэзии Тютчева противопоставлен мрачный мир холода, тьмы и мертвенной неподвижности. Противопоставлен не только в творчестве Тютчева в целом, но в большом ряде стихотворений, темой которых является именно контраст между «светлым» и «мрачным» краем. Это противопоставление не только погоды и сезона, но именно края; это тема севера и юга. В то же время это и тема зимы и лета, ибо север в поэзии Тютчева обычно дается зимой или поздней осенью, юг — весной или летом.

Север — царство тьмы, «Киммерийской грустной ночи» (Кимме-

рия, по Гомеру, — страна, куда никогда не доходят солнечные лучи). Как и «юг блаженный», этот край, его жизнь, его природа характеризуются обильными оценочными эпитетами: мрачный, грустный, немой, пустынный, бесцветный, мертвенный, безлюдный, безымянный, бедный, скудный, угрюмый и т. п.

Конкретными деталями стихи о севере еще беднее, чем стихи о юге. «Свинцовый небосклон», «снег обильный», «царство вьюги», «морозный туман», «оледенелая река», лишь изредка конкретнее: «бледные березы, кустарник редкий, мох седой». Природу севера Тютчев стремится показать как пустынную, безмолвную, бесцветную: «Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья, Жизнь отошла. . .». Живительному началу противопоставлено мертвящее: «мертвенный покой», «сон полумогильный». На севере и месяц встает «как призрак гробовой», на юге — «тот же месяц, но живой». Север в поэзии Тютчева — как бы символ угасания жизни, угасания души «в однообразьи нестерпимом».

Зимний мир — оледенелый, оцепенелый, «околдованный». Отсюда — тема чародея («О Север, Север-чародей, Иль я тобою околдован?», «И холод, чародей всесильный, Один здесь царствует вполне», «Как околдованный зимой», «Чародейкою Зимою Околдован, лес стоит»), тема жизни замороженной и таящейся лишь в глубине, тема весны, расколдовывающей природу от зимних чар. При этом часты прямые психологические аналогии: жизни ключа под леденеющим потоком и ключа жизни «подо льдистою корой» «в груди осиротелой, убитой хладом бытия»; природы, пробуждающейся от зимнего сна, и пробуждения души и т. п.

Но хоть и резко противопоставлены в поэзии Тютчева «дивный сон» и «сон полумогильный», «торжественный покой» и «мертвенный покой», — это все же лишь два аспекта неподвижного, статического мира. Однако для поэзии Тютчева более существен динамический аспект мира. В ней рядом с образом мира в покое дан образ мира в грозе и буре, — и этот образ в поэзии Тютчева особенно важен, связан с наиболее глубокими думами и значительными переживаниями поэта.

В ранних стихах мы находим образ грозы, восхищающей и подымающей душу своим веселым буйством. Особенно характерно известное стихотворение «Весенняя гроза» (конца 20-х годов), с «молодыми раскатами» «как бы резвяся и играя» грохочущего грома, которому «вторит весело» «и гам лесной и шум нагорный»; стихотворение завершается смехом «ветреной Гебы». Эта веселая гроза разражается в знакомом нам «светлом мире»: гром грохочет «в небе голубом», и солнце золотит нити дождя. Близка по настроению картина буйных вод в весеннем разливе («Весенние воды» — конец

20-х годов) или морской волны, мчащейся к берегу в «бурном беге», «с веселым ржаньем» («Конь морской» — 1830 г.).

Позже изображение грозы или бурных вод лишается «светлой» окраски. Мир грозы и бури дается в основном ночью, — и это особый образ ночи у Тютчева, рядом с «лазурной» и «мертвенной» ночью; эта ночь грозовая, пронизанная молниями, оглашаемая воем ночного ветра, обрисованная сильными акустическими образами, с сохранением часто и цветовой колоритности (см., напр., стих. «Под дыханьем непогоды...» с его «пасмурно-багровым» колоритом).

В картине грозовой ночи Тютчев особенно выделяет стихию огня, пламя ночных молний. Два стихотворения («Не остывшая от зною...», 1850 г., и «Ночное небо так угрюмо...», 1865 г.) говорят о грозовых зарницах как носителях небесного пламени, как бы символизирующего демоническое начало в природе («Как демоны глухонемые, Ведут беседу меж собой»).

И в цикле стихов о грозе и буре некоторые стихотворения построены на прямых аналогиях «грозовых» явлений в природе и в душе человека. Таково стихотворение «В душном воздуха молчанье...», где предгрозовая духота и гроза сопоставлены со страстным женским томленьем, разрешающимся слезами.

В других произведениях бурная стихия в природе и в человеке еще более сближены. Таково знаменитое стихотворение «О чем ты воешь, ветр ночной?..». Голос ночного ветра будит бури в человеческом сердце, «взрывает» в нем «неистовые звуки», поет «страшные песни» «про древний хаос, про родимый».

Подобные стихи обнаруживают в поэте блаженного «полусонья» необычайную силу мятежной страсти и тягу к роковому, трагическому, к хаотическим стихиям природы и души.

С образами вихря, грозы, бури связана важная для поэзии Тютчева тема беспощадного рока в жизни человека, в мировой истории, особенно в любви.

Тема «рока» развивается в поэзии Тютчева в основном независимо от темы «блаженного мира», выявляя различные настроения поэта, — но там, где эти темы сталкиваются, «роковая» стихия, стихия «хаоса» оказывается изначальной и подлинной, а «светлый мир» представляется иллюзией, сном, призраком.

На фоне «блаженной» природы так же терзается человеческая душа:

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет...

«Прекрасная» природа таит под собой болезнь, разрушение, смерть:

Всё та ж высокая, безоблачная твердь,
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Всё тот же теплый ветр верхи дерев колышет,
Всё тот же запах роз, и это всё — есть Смерть! ..

В стихотворении «Сон на море» недвижный сияющий мир оказывается лишь «тихой областью видений и снов». Сон об этом мире развился «в лучах огневицы» (то есть лихорадки), реальность же, над которой водружен «волшебно-немой» мир, — это «гремящая тьма», «хаос звуков», «грохот пучины морской».

Образы природы, связанные с устойчивыми эмоциональными комплексами, определяют и образную систему любовной лирики Тютчева. Через все его творчество проходит противопоставление тихого рассвета любви бурному разгару страстей. Образ полной свежей прелести «младой феи» вписывается в «светлый» пейзаж «сердцу милого края». Судьба, еще не отмеченная печатью роковых страданий, покой, не разорванный еще страстями сердца, рисуются в одинаковых образах «блаженной» природы; ср.: «Играй, покуда над тобою Еще безоблачна лазурь», «Ничто лазури не смутило Ее безоблачной души». Этим образам соответствует и любовь — как «солнца луч приветный», как «воздух благовонный» «с лазуревых высот».

Но «златому рассвету небесных чувств» противостоит «ночь греха», «небесному свету» — «пламень адский». Образы пламени, молнии преобладают в изображении любовной страсти («страстный взор... немой, как опаленный Небесной молнии огнем», «сквозь опущенных ресниц Угрюмый, тусклый огнь желанья» и т. д.). Любовь предстает в обычных тютчевских образах грозы и бури («Но поздние, живые грозы, Но взрыв страстей, но страсти слезы», «Мне сладок сей бури порывистый глас, На ложе любви он баюкает нас»).

Уже с конца 20-х годов в стихах Тютчева сказывается тяга к греховному, болезненному, губительному. Воспевается «угрюмое» сладострастье (стих. «Люблю глаза твои, мой друг...»), чары лукавой обманщицы, наслаждающейся притворством и изменой («К N. N.»), сила «злой жизни с ее мятежным жаром», разрушающей гармонию «светлого мира» («Итальянская вилла»), прелесть «ущерба», «изнеможенья», «увяданья» в природе и в человеке («Есть в светлости осенних вечеров...», «Обвеян вещею дремотой...»), «незримо Во всем разлитое, таинственное Зло» смертоносной заразы («Mal'aria»), «ужасное обаянье» самоубийства («Близнецы»), «родимый хаос» — разрушительная и темная стихия человеческого существа.

Тютчев близок Достоевскому в своем трагическом ощущении жизни, в своей психологической разорванности, в двойственном отношении к душевному хаосу, темному сладострастию, в тщетных поисках «очищения» религиозной «благодатью» («Не знаю я, коснется ль благодать Моей души болезненно-греховной») и «откровением»:

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Любовь в поэзии Тютчева — грозовая, губительная страсть. Эта любовь с гениальной лирической проникновенностью изображена в знаменитом «денисьевском» цикле 50-х годов. Но такой предстает она и в гораздо более ранних стихах. Группа стихотворений 30-х годов — «Сижу задумчив и один...», «Так здесь-то суждено нам было...», «Не верь, не верь поэту, дева...», «С какою негою, с какой тоской влюбленной...» — это стихи о роковой любви, трагической для женщины, трагической и для мужчины, сознающего себя слепым орудием судьбы.

Эти мотивы сгущены и разработаны психологически тоньше в цикле стихотворений, посвященных Е. А. Денисьевой. «Денисьевский цикл» — своего рода роман, психологические перипетии которого и самый облик героини напоминают нам романы Достоевского. Цикл этот почти целиком обращен к переживаниям женщины, иногда речь и ведется от ее лица. С первых стихотворений этого цикла любовь предстает как грозный рок; характерно настойчивое повторение эпитета «роковой» (встреча роковая, роковое слиянье, поединок роковой, взор, как страданье, роковой, страсти роковые). «В буйной слепоте страстей» любовник разрушает радость и очарованье любви. То, чему женщина «молилась с любовью, что как святыню берегла», оборачивается для нее «судьбы ужасным приговором», толпа «вламывается» и топчет в грязь «то, что в душе ее цвело». Любимый человек, в ее представлении, «бесчеловечно губит» ее. Наконец от «любви и радости убитой» остается только «злая боль ожесточенья» — и трагически растерзанная душа погибает, оставляя своего невольного палача в непомерной муке страданья от утраты и раскаянья.

5

В некоторых изданиях Тютчева из общего ряда стихотворений выделены так называемые «политические стихотворения». Всеми критиками Тютчева, независимо от их идейных позиций, эти стихотворения всегда признавались наиболее слабой частью его поэтического наследия. Они программны, основаны на «головных» мыслях Тютчева, вовсе не совпадающих с теми мыслями-эмоциями, которые одушевляют лучшую часть его наследия. Говорят ли эти стихи о славянстве, о папстве, о лютеранстве, о Востоке и Западе, о судьбе и призвании России или о войнах и революциях, современных Тютчеву, — они ближе к статьям Тютчева, чем к основным его поэтическим произведениям.

Тургенев писал Фету о Тютчеве: «Он был славянофил, но не в своих стихах, а те стихи, в которых он был им, те-то и скверны». [1]

Стихи в особенности обнаруживают, насколько политические идеи Тютчева были «головной» утопией.

Постоянное чувство тоски вызывала у Тютчева скудость, бедность, которую он видел в русской жизни и переносил и на русскую природу. С какой тоскливой грустью пишет он о «впечатлении полной заброшенности и одиночества, которое неизменно вызывают эти серые избы и тропинки, теряющиеся в полях». [2] Между тем в программном стихотворении («Эти бедные селенья, эта скудная природа. . .») те же удручавшие поэта бедность и скудость рассматриваются почти как достоинства России, ибо такая жизнь и природа гармонируют с «долготерпеньем» и «смирением» русского народа. Стихотворение заканчивается натянутой аллегорией Христа, в рабском виде исходившего Россию из конца в конец под ношей креста. В другом стихотворении («Над этой темною толпой непросвещенного народа. . .») прорвалось подлинное чувство, но и оно сейчас же спряталось за елейной церковной аллегорией:

Смрад, безобразье, нищета, —
Тут человечество немеет;
Кто ж это всё прикрыть сумеет? . .
Ты, риза чистая Христа!

А в окончательной редакции и вся строфа приняла сглаженно-риторическую окраску.

В подлинно эмоциональных, а не программных стихах Тютчева сказываются совсем не те взгляды на современную ему русскую жизнь, какие он прокламировал в своих статьях. Мы говорили уже об образе

---

[1] А. Фет. Мои воспоминания, ч. 1. М., 1890, стр. 279.
[2] «Старина и новизна», кн. 22, стр. 236.

зимнего, оледенелого, безжизненного мира в поэзии Тютчева. Замечательно, что олицетворением этого мира у него является императорская столица:

> О Север, Север-чародей,
> Иль я тобою околдован?
> Иль в самом деле я прикован
> К гранитной полосе твоей?

Стихотворение начинается словами: «Глядел я, стоя над Невой. . .». Значит, «гранитная полоса» — это парапет набережной Невы. Характерная архитектурная деталь Петербурга представляется поэту атрибутом «Севера-чародея», замораживающего жизнь.

Петербург — столица царства тьмы и холода. Мы уже отмечали, что в раннем стихотворении «14-е декабря 1825» царская Россия предстает в образе «вечного полюса». И с тем же образом полюса связан Петербург во французском стихотворении 1848 г., где на ином языке повторяются характерные образы оледенения, безжизненности, нависшего неба, ранней темноты, снежной пыли на гранитных набережных. Стихотворение кончается строкой: «Le pôle attire à lui sa fidèle cité («Полюс притягивает к себе свой верный город»). Мертвенный, оледенелый Петербург — символ николаевской России.

Образы Севера и Юга в поэзии Тютчева связаны с его биографией. Русского юга Тютчев не знал. Юг для него — это Бавария и Италия, это его молодость; Север — это Петербург, это годы, когда жизнь уже начала покрываться «льдистою корой». Однако содержание контрастных образов Севера и Юга у Тютчева не только географическое и биографическое, но и политическое. Такие стихотворения, написанные в конце 40-х годов, в самую пору великодержавных мечтаний Тютчева, как «Русской женщине» или «Итак, опять увиделся я с вами. . .», показывают, как глубоко Тютчев чувствовал то, что он замалчивал или отвергал в своих статьях, предназначенных для иностранного читателя и написанных в опровержение постоянных нападок западных публицистов на Россию. Стихи показывают, какое тоскливое и горькое чувство вызывала в Тютчеве действительность николаевской России. Недаром стихотворение «Русской женщине» впоследствии полностью привел Добролюбов в своей статье «Когда же придет настоящий день?» с такой сочувственной характеристикой: «Безнадежно-печальные, раздирающие душу предвещания поэта, так постоянно и беспощадно оправдывающиеся над самыми лучшими, избранными натурами в России».[1]

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. Л., 1935, стр. 238.

Мы знаем, как глубоко ощущал в себе Тютчев то, что он называл «принципом личности» и считал основой революционного мировоззрения. Но это значит, что его внутреннее отношение к революции не могло совпадать с тем, которое он декларировал в статьях и политических стихах. Д. Д. Благой не без оснований называет «автопсихологичными» слова, сказанные Тютчевым о борьбе Наполеона с революцией:

Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе...

Исследователи предполагают, что стихотворение «Цицерон», относящееся к 1830 г., написано под впечатлением Июльской революции во Франции.[1] Какое же чувство внушила Тютчеву революция? «Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые». Чувство совершенно «незаконное» для врага революции, консерватора, защитника устойчивых жизненных форм.

Революция 1848 г. внушает Тютчеву стихотворение «Море и утес». Это уже гораздо более программное стихотворение. Революция и Россия, которые Тютчев считал единственными действительными силами современной истории, воплощены в образы бури и утеса, о который разбиваются «неистовые волны» взбушевавшегося моря. Но этот образ бури в поэзии Тютчева нам знаком: это образ хаоса, мятежной стихии, к которой поэт всегда влёкся — с таким ужасом и с такой неудержимостью!

Мы обнаружили в поэзии Тютчева три основных эмоциональных комплекса, реализованные в трех картинах мира: это, условно говоря, «блаженный» мир, «мертвый» мир и «бурный» мир. Первые два всегда даны с одними и теми же эмоциональными ореолами, последний — в сложном сочетании притяжения и отталкивания. «Дух вольности, бессмертная стихия» в поэзии Тютчева всегда включается в этот комплекс «бурного» мира и окрашивается тем смешанным чувством влечения и ужаса, которое, очевидно, переживал поэт в «минуты роковые» и в напряженном ожидании грядущего «катаклизма». В то же время противоположная сила, императорская Россия, образ реакционного противовеса всем революционным силам мира, — эта Россия в поэзии Тютчева включается, как мы видим, не в «блаженный» мир света, тепла и тишины, но в «мертвый» мир мрака и стужи. Такая эмоциональная оценка основных борющихся сил в творчестве Тютчева

---

[1] Д. Благой. Жизнь и творчество Тютчева. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. М.—Л., 1933, стр. 43 и 33.

и глубже и существеннее для понимания его влечений, чем риторическая патетика его французских статей, в которых он скликал реакционные силы на борьбу с революцией — во имя рушащихся устоев феодального мира.

6

Поэтическое словоупотребление Тютчева связано со стремлением сблизить, слить человеческие переживания с «душой природы». Вслед за Жуковским, но гораздо более смело и явно, Тютчев переносит центр тяжести с предметного значения слова на его эмоциональный ореол. Он придает, например, такие эпитеты «сумраку»:

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Всё залей и утиши.

Здесь обычное для Жуковского и развитое Тютчевым смешение различных ощущений: зрительных — «сумрак», слуховых — «тихий», обонятельных — «благовонный». Но, конечно, дело не только в этом. Тютчев хочет сказать не только то, что с появлением сумерек устанавливается тишина и разливается приятный запах; ведь самые слова «тихий» и «благовонный» — это у Тютчева слова эмоционального значения, связанные с комплексом «блаженного мира», так же как эпитеты «томный» и «сонный», по прямому смыслу еще менее подходящие к «сумраку». Тем самым слово «сумрак» становится не столько обозначением неполной тьмы, сколько выразителем определенного эмоционального состояния.

Эмоции поэта как бы разливаются в природе, одушевляя предметы, явления и качества. В самом деле, «сумрак сонный» или «очарованная мгла», «чуткая темнота» или «чуткое молчанье» благодаря эпитетам становятся как бы живыми существами. В поэзии Тютчева оживают и персонифицируются любые понятия: лазурь небесная смеется, блеск очей тоскует, страх летает, бури спят, звук уснул, труд уснул, детский возраст смотрит туманными очами, весенние дни хороводом толпятся за идущей весной, время глухо стенает, наша жизнь стоит пред нами как призрак на краю земли и т. д.

Идея единства и одушевленности природы связана в поэзии Тютчева 20—30-х годов с мифологической персонификацией. Мир изображается как единое существо: «И мир заснул в благоуханье И улыбается во сне», «Наш дольний мир, лишенный сил <...> Во мгле

полуденной почил». Этот мир в стихотворении «Полдень» назван и своим мифологическим именем: «великий Пан».

В женском образе этот единый и персонифицированный мир выступает как «природа»:

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды...

Этот образ природы в женском обличьи также имеет свое мифологическое имя: Великая матерь (Magna mater). В стихотворении «А. А. Фету» Тютчев называет поэта «Великой Матерью любимый».

Но таким же персонажем в поэзии Тютчева является и весна («Бессмертьем взор ее сияет <...> В условный час слетает к вам, Светла, блаженно-равнодушна, Как подобает божествам») и другие времена года, страны света, светила и т. д. В этом превращении природы в целом и ее явлений и качеств в самостоятельные существа Тютчев примыкает к традиции XVIII века, но его «мифологизм» нельзя рассматривать изолированно от общего явления персонификации и одушевления понятий в его поэзии.

Применение традиционной античной мифологии — это лишь частный случай персонификации у Тютчева. В мире его поэзии былое «Словно дышит в забытьи, Дремлет сладко, беззаботно» или как «какой-то призрак бродит По оживающей земле»:

Сны играют на просторе
Под магической луной,
И баюкает их море
Тихоструйною волной;

...смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном.

Солнечные лучи в одном стихотворении дремлют на полу, в другом сходят в душу, в третьем звучат весельем, в четвертом благовестят («Раздастся благовест всемирный Победных солнечных лучей»). Это создает основу для таких стихотворений, как «Вчера в мечтах обвороженных...», где молодая женщина разбужена «румяным, громким восклицаньем» первого луча, пробравшегося в комнату. Четыре строфы говорят об этом луче, как о живом существе.

Тут открывается возможность овеществлять, одушевлять, очелове-

чивать любые явления, предметы и понятия и ставить их в произвольные отношения с другими предметами и понятиями.

В поэзии Тютчева есть оттенок произвольности в изображении мира, уклон в импрессионистическую манеру.

Тютчев пишет:

Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет, —

то есть не дыхание теплого воздуха согревает розы, но дыхание роз греет воздух.

Он назовет листья березового леса грезами берез:

И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной, —

а березы могут сами превратиться в «лихорадочные грезы» «усталой природы».

После всего пути, пройденного русской поэзией со времени Тютчева, зачатки импрессионизма в его стихах могут не привлекать нашего внимания, но в историко-литературном плане они достаточно заметны.

К старости то, что было раньше связано с романтической метафизикой, все больше становится орудием лирического произвола. Тютчев пишет в 1866 г.:

В этом ласковом сиянье,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознанье,
Есть сочувственный прием.

Это напоминает ранние стихи об одушевленности природы:

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Но теперь шеллингианский догмат о душе и свободе природы использован для условного придворного комплимента: природа встречает солнцем и лазурью невесту русского наследника принцессу Дагмару, будущую императрицу Марию Федоровну.

Идеалистическая философия Шеллинга не вывела и не могла вывести Тютчева из пустыни индивидуализма. Принцип описания и словоупотребления, связанный с попыткой показать мир одушевленным и целостным, дать картину слияния природы и человеческой души в гармоническом единстве, — этот принцип лишь обеспечил торжество лирического произвола, торжество романтического субъективизма.

Тенденция к импрессионизму заложена уже в поэзии Жуковского, у Тютчева она развивается при содействующем влиянии немецкой романтической поэзии и особенно поэзии Гейне.

Гейне как лирик стал сильно влиять на русскую поэзию в 40-е годы. У него учились капризной лирической фрагментарности, романтической метафоре, свободе поэтического преображения мира, методу описания природы, как выражения настроений лирического «я». Тютчев оценил Гейне гораздо раньше и был первым его русским переводчиком: переводы Тютчева относятся в основном ко второй половине 20-х годов, к эпохе формирования тютчевской лирики. К овладению своими темами и методами Тютчев идет с помощью Гейне.

Это можно показать на первом тютчевском переводе из Гейне «С чужой стороны». В этом стихотворении Тютчевым впервые разработана одна из кардинальных тем его лирики: противопоставление севера югу и мечта о юге в северной стране. При этом мысль Гейне деформирована изменением одного стиха. У Гейне сосна одинока «на голой вершине», а пальма «на утесе горючем» (по точному переводу Лермонтова). Тютчев же переводит «Auf brennender Felsenwand» (на утесе горючем) стихом: «Под мирной лазурью, на светлом холму». Гейневский параллелизм заменяется тютчевским контрастом (который усиливается внесенным Тютчевым эпитетом «на севере *мрачном*»).

Уклон в импрессионизм, наметившийся в поэзии Тютчева, связан с особым значением звуковой организации стиха, со стремлением навеять настроение самой мелодией стиха. Для всей «мелодической» линии русской поэзии характерны и обилие вопросительных и восклицательных (у Тютчева особенно восклицательных) интонаций, создающих «мелодию» стиха, и подчеркнутость звуковой организации стиха. Укажу для примера на подбор в стихотворении «Cache-cache» губных *п* и *б* в соединении с плавным *л*:

*П*о*л*уденный *л*уч задрема*л* на *пол*у...
...Во*л*шебную *бл*изость, как *б*ы *бл*агодать...
...Как *пл*яшут *п*ы*л*инки в *пол*дневных *л*учах...

или подбор свистящих звуков в «Сумерках»:

Тени си*з*ые сме*с*или*с*ь,
*Ц*вет поблекнул, *з*вук уснул

и т. д.[1]

[1] Большой материал о звуковой организации стиха Тютчева собран в статье Н. К. Гудзия «Аллитерация и ассонанс у Тютчева». — «Slavia», 1927, стр. 456—469. О мелодике стиха Тютчева см. в книге Б. М. Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха», П., 1922, стр. 76—90.

Для Тютчева, как и для Жуковского, характерно разнообразие и смелое новаторство в области строфики. У него часты пятистишия, шестистишия и более сложные строфы, — например, десятистишия с рифмовкой через пять-шесть стихов в стихотворении «Кончен пир, умолкли хоры...». Он применяет смелые ритмические ходы, резкие отступления от классической метрики. Такие отступления тщательно выправлялись редакторами Тютчева, которые, видимо, считали их недопустимыми причудами поэта.[1]

Как и у всякого большого поэта, ритм у Тютчева тесно и глубоко связан со смыслом, с идеей стихотворения. В строфе

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет —

последний стих был следующим образом изменен заботливыми друзьями:

За льдиной льдина вслед плывет.

Четырехстопный ямб получился правильный, но ритмическое изображение медленно и неровно плывущих льдин утратилось.

В стихотворении «Сон на море» в четырехстопный амфибрахий как бы врываются лишние слоги, превращая амфибрахий в анапест. Тютчев живописует звуками, как «в тихую область видений и снов Врывалася пена ревущих валов»:

Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.

В стихотворении же «Последняя любовь» наращение добавочных слогов как бы передает выходящее за грани душевное волнение:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

---

[1] Изменения, заведомо или вероятно вносившиеся в тексты Тютчева лицами, подготовлявшими его прижизненные публикации, сделали весьма сложной проблему канонического текста тютчевских стихотворений. См. об этом в примечаниях.

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Поразительна ритмическая структура стихотворения «Silentium!». В нескольких строках четырехстопный ямб заменен трехстопным амфибрахием. Но это размеры совершенно несхожего ритмического рисунка. Между ними нет ничего общего, кроме числа слогов: и в том и в другом стихе по восемь слогов при мужских рифмах. Но одинаковость слогового объема можно ощутить лишь при произнесении стихов как силлабических, то есть с приглушенными ударениями. Именно приглушенность звука и нужна здесь, где говорится о молчании, о безмолвии:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

. . . .

Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

Мелодическая линия, традиция, идущая от Жуковского и Батюшкова, сочетается в поэзии Тютчева с иной линией, с иной традицией. Б. М. Эйхенбаум справедливо указал на различие «напевного» и «декламативного» стиля у Тютчева. «В поэзии Тютчева наблюдается интересное сочетание традиций русской лирики (Державин и Жуковский)». «Тютчев — иногда певец, иногда оратор, и эти две стихии своеобразно уравновешены в его поэзии, придавая ей совершенно специальный характер. Многие его стихотворения, и не только политические, — маленькие речи, построенные либо на заключительных афористических pointes, либо на приемах ораторского „слова"».[1]

Державинской традиции у Тютчева посвящена статья Ю. Н. Тынянова «Вопрос о Тютчеве». Связь с Державиным автор видит в архаистичности языка, в ораторской композиции произведений, ораторских синтаксических конструкциях, в напряженной образности, в тра-

---

[1] Б. Эйхенбаум. Мелодика русского лирического стиха. П., 1922, стр. 76, 78.

дициях дидактической поэмы и философской лирики, воспринятых Тютчевым, но сведенных им к «малой форме», к фрагменту. [1]

Тютчев — поэт необычайной лапидарности. Мы уже видели, что любимый тип его стихотворений — двухстрофный. Стихотворения свыше пяти строф попадаются у Тютчева (если не считать переводов) лишь в виде исключения. Однострофные стихотворения — не в качестве эпиграмм, надписей и т. п. «мелких стихотворений», но в качестве философски значительных стихотворений — нововведение Тютчева, связанное с фрагментарностью его поэзии. Объединенные тесным кругом идей, тем и образов, стихи Тютчева часто носят характер как бы нарочитой отрывочности. Они могут начинаться словом «Он» или «Она» — без дальнейшего пояснения, о ком идет речь («Он, умирая, сомневался», «Она сидела на полу», «Весь день она лежала в забытьи», «Как он любил родные ели Своей Савойи дорогой» и др.). Стихи как бы обращены к слушателю, знающему, о ком говорит с ним поэт. Ряд стихотворений начинается союзом «И» («И чувства нет в твоих очах», «И гроб опущен уж в могилу», «И опять звезда ныряет», «И ты стоял, — перед тобой Россия», «И, распростясь с тревогою житейской», «И тихими, последними шагами» и т. п.) или словами: «Да», «Нет», «Так», «И вот», «Итак». Текст как бы примыкает к сказанному раньше, и это также создает впечатление обращенности к конкретному слушателю.

В самом деле, в творчестве Тютчева необыкновенно велика доля стихотворений, обращенных не непосредственно к читателю, но к слушателю, с имитацией реального общения. К такой «обращенной» лирике принадлежит более половины стихотворений Тютчева. «Ты» или «вы», к которому обращено стихотворение, может быть и определенным лицом, и представителем какой-то, более или менее определенной, группы, и совершенно неопределенным «вторым лицом», с которым поэт делится своими впечатлениями. Существенна иллюзия непосредственного общения, вносящая интонацию живой устной речи и даже представление жеста, — например, указательного жеста в типическом начале стихотворения: «Смотри, как»:

«Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится. . .»,

«Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей. . .»,

---

[1] Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 367—385. См. также в упомянутой выше статье Л. В. Пумпянского.

«Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита. . .».

Такое же представление указательного жеста создают многочисленные «смотрите», «взглянь», «не видите ль», «вы зрите», «вот», «а там» и т. п.

Любовная лирика Тютчева почти вся состоит из монологов или реплик, обращенных к любимой, заключающих признания, оправдания, воспоминания, выражения сочувствия и горя. Дидактическая философская лирика и политические стихотворения Тютчева носят обычно тот же характер обращения — с советом («Не рассуждай, не хлопочи! . .», «Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои»), с полемическим опровержением или выпадом («Не то, что мните вы, природа», «Как перед ней не гнитесь, господа, Вам не снискать признанья от Европы» и т. п.). Такие выпады обращены непосредственно к противнику («О раб ученой суеты И скованный своей наукой!», «О жертвы мысли безрассудной!», «Нет, карлик мой! трус беспримерный!» и т. п.). Мысль развивается в споре и окрашивается всей эмоциональностью взволнованной и едкой полемики. Стихотворение приобретает вид проповеди или отповеди. Стихи пронизываются логическими формулами, знаками развития и аргументации мысли («Мы видим», «Поистине», «Так! Но», «Но нет», «Но есть», «Но есть еще», «Но может быть», «Как ведать, может быть и есть», «И даже», «Хотя», «Но всё же», «Но если», «Так и», «А между тем», «Не то, что мните вы», «Не то совсем», «Итак» и т. п.). Подобного рода формулы подчеркнуты тем, что они связаны с определенными ритмическими ходами. Например, двойное «Как ни» всегда располагается анафорически, начиная два первых стиха строфы:

«Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман. . .»,

«Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилося над ней. . .»,

«Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их. . .».

Стихи Тютчева исключительно богаты риторическими вопросами и восклицаниями: («Ужель», «Не таково ль», «И что ж теперь», «Что это?», «Но что ж?», «Увы, не так ли», «А днесь?», «Нет, нет!», «Ах, нет!», «О как», «Так!», «Ах, если бы», «Поверь», «Так пусть

же», «Но так и быть» и мн. др.). Стиховая речь имитирует интонации и стиль ораторской речи.

В поэзии Тютчева нередки дидактические формулировки типа: «Мысль изреченная есть ложь», «Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые», «Природа знать не знает о былом», «Не плоть, а дух растлился в наши дни» и т. п. Обратим внимание на частую постановку слова «есть» в начале стихотворения, чем подчеркивается обобщающий характер первой фразы — как бы исходного тезиса: «Есть некий час в ночи всемирного молчанья», «Есть близнецы — для земнородных Два божества, — то Смерть и Сон», «Две силы есть, две роковые силы», «В разлуке есть высокое значенье», «Певучесть есть в морских волнах, Гармония в стихийных спорах» и т. д.

Подобные афоризмы становятся особенно вескими, когда они образуют целое стихотворение. У Тютчева, как уже сказано, есть ряд однострофных стихотворений (преимущественно четверостиший) афористического характера. Вот пример подобного стихотворения-афоризма:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Того же типа — стихотворения «Природа — сфинкс. И тем она верней...», «Когда пробьет последний час природы...», «Когда сочувственно на наше слово...», «Умом Россию не понять...», «Как ни тяжел последний час...» и др.

«Учительный» дух подчеркивается резкой архаистичностью словаря и синтаксиса, создающей «высокий», торжественный тон.

Примечательна в произведениях этого стиля сложность и запутанность синтаксических периодов. Тютчевым излюблены некоторые «докарамзинские» синтаксические формы, например постановка существительного между двумя определениями к нему: «Прелестный мир и суетный», «Преступный лепет и шальной», «Вселенский день и православный», «Народный праздник и семейный», «Железный мир и дышащий Велением одним». Тютчевская расстановка слов, даже в небольших фразах, нередко ведет к затрудненности восприятия, например: «Есть некий час в ночи всемирного молчанья» (т. е. есть в ночи некий час всемирного молчанья), «И осененный опочил Хоругвью горести народной» (то есть опочил, осененный хоругвью горести народной), «Ты любишь, ты притворствовать умеешь» (то есть любишь и умеешь притворствовать).

Легко выискать у Тютчева множество нарочито-архаических слов,

вроде «горе́», «долу́», «ввыспрь», «толикий», «днесь», «поднесь», «се», «огнь», «петел», «бреги», «зрак», «мета́», «доблий», «дхновенье» и т. п. Показательнее, однако, будет взять связный текст. Вот строфа, типичная для «ораторского» стиля Тютчева:

День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Здесь все выдержано в одной тональности: «сей», а не «этот», «блистательный», а не «блестящий», «болящей», а не «больной», «земнородных» и «человеков», а не «людей». Торжественный и книжный оттенок несут и остальные слова: «покров» (ср. покрывало), «исцеленье» (ср. выздоровление), «оживленье» (в значении действия, а не состояния).

Бросается в глаза обилие у Тютчева составных прилагательных (огнезвездный, громокипящий, молниевидный и т. п.; или составленные из наречия и прилагательного: «пророчески-прощальный глас», «длань незримо-роковая», «с игрой их пламенно-чудесной», «град безлюдно-величавый» и т. п.). Это связано с державинской традицией и также придает слогу особенную «высокость».

Ярким средством создания «торжественности» является у Тютчева и архаическая фонетика, игнорирующая произношение графического *е*, как *ё*. Конечно, это может сказаться только в рифме, например: *свет — жжет*, *веселый — белый*, *меда — беседа* и т. п. Такие рифмы очень заметны, и легко может создаться впечатление, что у Тютчева все подобные слова звучат по-старинному: с *е* вместо *ё*. Но это совершенно неверно. В значительном большинстве случаев — притом на протяжении всего творчества, начиная с ранних стихов, — рифмы Тютчева показывают обычную огласовку — на *ё*. Уже в стихах первой половины 20-х годов находим рифмы *увьет — вод*, *трон — рожден*, *живою — струею*, *устаем — огнем* и т. п. Таким образом, архаическая рифма у Тютчева не простой реликт, но способ создания «торжественного» речевого ореола в соответствующем жанре.

В общем строе ораторско-публицистической речи архаистическую «высокость» не разбивают прозаические варваризмы, которых Тютчев вовсе не чуждается: «Инстинкт пророчески-слепой», «Пощады нет, протесты нестерпимы», «Или оптическим обманом Ты обличишься навсегда?», «Цивилизация для них фетиш, Но недоступна им ее идея» и т. п. Прозаизмы не нарушают стиля стиховой речи, имитирующей непосредственно обращенную к слушателю живую речь.

9

На полувековом творческом пути Тютчев сравнительно мало эволюционировал. Достаточно показательны изложенные выше наблюдения над самоповторениями Тютчева: он мог создавать «дублетные» стихотворения, разъединенные четвертью века. Но, конечно, общее движение русской поэзии не могло не оказать воздействия на Тютчева.

Творчество Тютчева можно условно разделить на два периода, рубежом между которыми окажутся 40-е годы, когда Тютчев почти не печатал и, видимо, почти не писал стихов.

В стихах второго периода нет уже характерного для стихов 20—30-х годов налета натурфилософской романтической метафизики. Устраняется подчеркнутый параллелизм как принцип композиции стихотворений: аналогия между природой и человеком теперь часто создается самим эмоциональным тоном описания, самой поэтической образностью. Отпадает употребление классической мифологии, слишком уже старомодное в 50-е — 60-е годы, менее броской становится архаистичность.

Наиболее значительна эволюция Тютчева в любовных стихотворениях. Психологичность, конкретность образа героини, переключение основного внимания на переживания женщины делают «денисьевский цикл» одной из наиболее значительных частей творческого наследия Тютчева. Г. А. Гуковским высказано заслуживающее внимания предположение о влиянии на «денисьевский цикл» некрасовской любовной лирики. Г. А. Гуковский связывает с этим влиянием «драматичность» денисьевского цикла, «то есть манеру рисовать в коротком лирическом стихотворении сцену, в которой оба участника даны и зрительно, и с «репликами», и в сложном душевном конфликте», образ лирического героя, «несущего в себе и в своей любви душевные болезни больного века», образ героини, «как конкретного и исторически определенного, типического для эпохи характера», тягу «к объединению лирического цикла в своего рода роман, близко подходящий по манере, смыслу, характерам, «сюжету» к прозаическому роману той же эпохи».[1]

Даже относясь с осторожностью к утверждению о прямом влиянии Некрасова на Тютчева, самую аналогию можно считать убедительной. А это показывает, что эволюция Тютчева шла в несомнен-

---

[1] Г. А. Гуковский. Некрасов и Тютчев (К постановке проблемы). — «Научный бюллетень Ленинградского гос. университета», № 16—17. Л., 1947, стр. 52—53.

ном соответствии с великим движением русской литературы от романтизма к реализму.

Отсюда и возможность влияния Тютчева на корифеев русского реализма. Еще Аполлон Григорьев отмечал влияние Тютчева на пейзажи Тургенева и Льва Толстого.[1] Тургенев и Толстой близки Тютчеву манерой изображать природу в соответствии с душевными настроениями персонажей и с общей эмоциональной тональностью произведения. Отмечу, что для Тургенева поэзия Тютчева была мерилом художественного вкуса. «О Тютчеве не спорят, — пишет он Фету, — кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии».[2] Еще более ценил Тютчева Лев Толстой. Для него это был лучший русский поэт. Как указывает ряд мемуаристов, Толстой ставил Тютчева выше Пушкина. «Без Тютчева нельзя жить»,[3] — говорил он. Достоевский считал Тютчева «первым поэтом-философом, которому равного не было, кроме Пушкина».[4] Для Фета Тютчев — «один из величайших лириков, существовавших на земле».[5] Но это все отзывы писателей. Любопытно, что писатели выступали в роли критиков Тютчева (Некрасов, Тургенев, Фет[6]), а профессиональные критики о нем не писали. Отметим лишь существенное, хоть и попутное, замечание Добролюбова. В своей знаменитой статье «Темное царство» Добролюбов пишет:

«Судя по тому, как глубоко проникает взгляд писателя в самую сущность явлений, как широко захватывает он в своих изображениях различные стороны жизни, — можно решить и то, как велик его талант. Без этого все толкования будут напрасны. Например, у г. Фета есть талант, и у г. Тютчева есть талант: как определить их относительное значение? Без сомнения, не иначе, как рассмотрением сферы, доступной каждому из них. Тогда и окажется, что талант одного способен во всей силе проявиться только в уловлении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы; а другому доступны, кроме

---

[1] А. Григорьев. И. С. Тургенев и его деятельность. — А. Григорьев. Сочинения, т. 1. СПб., 1876, стр. 310—311.

[2] А. Фет. Мои воспоминания, ч. 1. М., 1890, стр. 283. О личных отношениях, взаимной оценке и творческой близости Тютчева и Тургенева см. в обстоятельной статье А. Лаврецкого «Тургенев и Тютчев» в сборнике «Творческий путь Тургенева». П., 1923.

[3] Свод отзывов Л. Толстого о Тютчеве — в статье Д. Д. Благого «Читатель Тютчева — Лев Толстой» в сборнике «Урания. Тютчевский альманах». Л., 1928.

[4] «Искусство», 1929, № 5—6, стр. 46.

[5] А. Фет. Мои воспоминания, ч. 2. М., 1890, стр. 3.

[6] Фет поместил статью «О стихотворениях Ф. Тютчева» в журнале «Русское слово», 1859, кн. 2.

того, и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни. В показании всего этого и должна бы собственно заключаться оценка таланта обоих поэтов. Тогда читатели и без всяких эстетических (обыкновенно очень туманных) рассуждений поняли бы, какое место в литературе принадлежит и тому и другому поэту».[1]

Тютчев и при жизни был «поэтом для поэтов», неизвестным широкому кругу читателей; после смерти его известность еще уменьшается — до конца XIX века, когда его подняли на щит идеалистические философы и поэты-символисты. Они объявили Тютчева поэтом-провидцем, визионером и мистиком, коснувшимся в поэзии глубочайших мировых тайн, «подлинным родоначальником истинного символизма», «первым русским символистом».

Темы философии романтического идеализма в поэзии Тютчева, иногда «преддекадентское» воспевание «во всем разлитого, таинственного зла», уклон к импрессионизму — все это, может быть, и давало символистам какие-то основания считать Тютчева своим предшественником. Но то, что у Тютчева было уклоном, тенденцией, для символистов стало основным принципом, то же, что в творчестве Тютчева, в его постижении природы и души, перекликалось с реалистическим движением русской поэзии, — у символистов не нашло продолжения.

Настоящее признание поэзия Тютчева получила только в советскую эпоху. Его стихи многократно издавались и впервые стали предметом серьезных исследований. Советские любители поэзии хорошо знают и ценят Тютчева. Сохранились свидетельства о том, что Тютчева глубоко ценил В. И. Ленин. По словам П. И. Лепешинского, он относился к поэзии Тютчева «с особенным благорасположением».[2]

«Из старых поэтов и писателей, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — мы всегда могли видеть у Владимира Ильича и Пушкина, и Лермонтова, но особенно кого он ценил — это был Ф. Тютчев. Он восторгался его поэзией. Зная прекрасно, из какого класса он происходит, совершенно точно давая себе отчет в его славянофильских убеждениях, настроениях и переживаниях, он говорил о стихийном бунтарстве гениального поэта, предвкушавшего величайшие события, назревавшие в то время в Западной Европе.

На этажерочке около стола Владимира Ильича в его кабинете в Совнаркоме, а нередко и на самом столе мы могли видеть томик Тют-

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1935, стр. 52.
[2] П. И. Лепешинский. На повороте. Л., 1925, стр. 96.

чева, который он перечитывал, перелистывал и вновь и вновь читал любимые им стихи».[1]

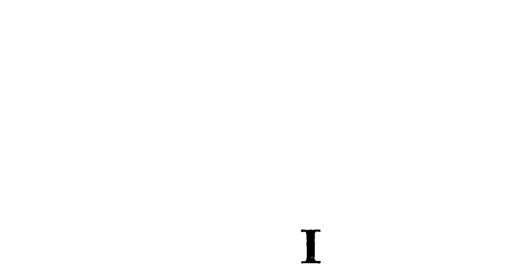
Поэзия Тютчева с потрясающей силой передает мятежные состояния, выражает бунтарскую стихию человеческой души. Она проникнута горячим и глубоким чувством природы. Это — поэзия мысли, мысли, которая, по словам Тургенева, «всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им и сама его проникает нераздельно и неразрывно».[2] Это поэзия сильных, смелых и оригинальных образов, разнообразная по тональности, замечательная по ритмам и звучаниям, самобытная, темпераментная, эмоциональная, умная.

Б. Бухштаб

---

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. Владимир Ильич о художественной литературе, критике и публицистике. Воспоминания. — «Литературный Ленинград», 1935, № 4, 20 января.

[2] И. С. Тургенев. Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева. — И. С. Тургенев. Сочинения, т. 12. Л.—М., 1933, стр. 166.

I

НА НОВЫЙ 1816 ГОД

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! —
И се! Одеянный блистательной зарею,
Пронзив эфирных стран белеющийся свод,
Слетает с урной роковою
Младый сын Солнца — Новый год! ..

Предшественник его с лица земли сокрылся,
И по течению вратящихся времен,
Как капля в океан, он в вечность погрузился!
Сей год равно пройдет! .. Устав небес священ...
О Время! Вечности подвижное зерцало! —
Всё рушится, падет под дланию твоей! ..
Сокрыт предел твой и начало
От слабых смертного очей! ..

Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;
Что может избежать от гнева Крона злого?
Что может устоять пред грозным богом сим?
Пустынный ветр свистит в руинах Вавилона!
Стадятся звери там, где процветал Мемфис!
И вкруг развалин Илиона
Колючи терны обвились! ..

А ты, сын роскоши! о смертный сладострастный,
Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег
Спокойно катится! .. Но ты забыл, несчастный:
Мы все должны узреть Коцита грозный брег! ..
Возвышенный твой сан, льстецы твои и злато
От смерти не спасут! Ужель ты не видал,
Сколь часто гром огнекрылатый
Разит чело высоких скал? ..

И ты еще дерзнул своей рукою жадной
Отъять насущный хлеб у вдов и у сирот;
Изгнать из родины семейство безотрадно! ..
Слепец! стезя богатств к погибели ведет! ..
Разверзлась пред тобой подземная обитель!
О жертва Тартара! о жертва Евменид,
Блеск пышности твоей, грабитель!
Богинь сих грозных не пленит! ..

Там вечно будешь зреть секиру изощренну,
На тонком волоске висящу над главой;
Покроет плоть твою, всю в язвах изможденну,
Не ткани пурпурны — червей кипящий рой! ..
Возложишь не на одр растерзанные члены,
Где б неге льстил твоей приятный мягкий пух,
Но нет — на жупел раскаленный, —
И вечный вопль пронзит твой слух!

Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени
С улыбкой злобною, они к тебе спешат! ..
Они прияли смерть от варварских гонений!
От них и ожидай за варварство наград! —
Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! —
Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! —
И навсегда со гласом лести
Умолкла о тебе молва!

Конец 1815 — начало 1816

ПОСЛАНИЕ ГОРАЦИЯ К МЕЦЕНАТУ, В КОТОРОМ ПРИГЛАШАЕТ ЕГО К СЕЛЬСКОМУ ОБЕДУ

Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди, — тебя здесь ждет и кубок круговой,
И розовый венок, и песней нежных сладость!
Возженны не льстеца рукой,
Душистый анемон и крины
Лиют на брашны аромат,
И полные плодов корзины
Твой вкус и зренье усладят.
Приди, муж правоты, народа покровитель,
Отчизны верный сын и строгий друг царев,
Питомец счастливый кастальских чистых дев,
Приди в мою смиренную обитель!
Пусть велелепные столпы,
Громады храмин позлащенны
Прельщают алчный взор несмысленной толпы;
Оставь на время град, в заботах погруженный,
Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой.
Под кровом сельского Пената,
Где всё красуется, всё дышит простотой,
Где чужд холодный блеск и пурпура и злата, —
Там сладок кубок круговой!
Чело, наморщенное думой,
Теряет здесь свой вид угрюмый;
В обители отцов всё льет отраду нам!
Уже небесный лев тяжелою стопою
В пределах зноя стал — и пламенной стезею
Течет по светлым небесам! ..
В священной рощице Сильвана,
Где мгла таинственна с прохладою слиянна,
Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет,
Игривый ручеек едва-едва течет
И шепчет в сумраке с прибрежной осокою;
Здесь в знойные часы, пред рощею густою,
Спит стадо и пастух под сению прохлад,
И в розовых кустах зефиры легки спят.
А ты, Фемиды жрец, защитник беззащитных,
Проводишь дни свои под бременем забот;

И счастье сограждан — благий, достойный плод
Твоих стараний неусыпных! —
Для них желал бы ты познать судьбы предел;
Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.
Благоговейте, персти чада! —
Как! прах земной объять небесное посмеет?
Дерзнет ли разорвать таинственный покров?
Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет,
И буйный сей мудрец — посмешище богов! —
Мы можем, странствуя в тернистой сей пустыне,
Сорвать один цветок, ловить летящий миг;
Грядущее не нам — судьбине;
Так предадим его на произвол благих! —
Что время? Быстрый ток, который в долах мирных,
В брегах, украшенных обильной муравой,
Катит кристалл валов сапфирных;
И по сребру зыбей свет солнца золотой
Играет и скользит; но час — и бурный вскоре,
Забыв свои брега, забыв свой мирный ход,
Теряется в обширном море,
В безбрежной пустоте необозримых вод!
Но час — и вдруг нависших бурь громады
Извергли дождь из черных недр;
Поток возвысился, ревет, расторг преграды,
И роет волны ярый ветр!..
Блажен, стократ блажен, кто может в умиленьи,
Воззревши на Вождя светил,
Текущего почить в Нептуновы владенья,
Кто может, радостный, сказать себе: *я жил!*
Пусть завтра тучею свинцовой
Всесильный бог громов вкруг ризою багровой
Эфир сгущенный облечет,
Иль снова в небесах рассыплет солнца свет, —
Для смертных всё равно; и что крылаты годы
С печального лица земли
В хранилище времен с собою увлекли,
Не пременит того и сам Отец природы.
Сей мир — игралище Фортуны злой.
Она кичливый взор на шар земной бросает
И всей вселенной потрясает
По прихоти слепой!..

Неверная, меня сегодня осенила;
Богатства, почести обильно мне лиет,
Но завтра вдруг простерла крыла,
К другим склоняет свой полет!
Я презрен — не ропщу, — и, горестный свидетель
И жертва роковой игры,
Ей отдаю ее дары
И облекаюсь в добродетель! ..
Пусть бурями увитый Нот
Пучины сланые крутит и воздымает,
И черные холмы морских кипящих вод
С громовой тучею сливает,
И бренных кораблей
Рвет снасти, всё крушит в свирепости своей...
Отчизны мирныя покрытый небесами,
Не буду я богов обременять мольбами;
Но дружба и любовь, среди житейских волн,
Безбедно приведут в пристанище мой челн.

<1819>

УРАНИЯ

Открылось! — Не мечта ль? Свет новый! Нова сила
Мой дух восторженный, как пламень, облекла!
Кто, отроку, мне дал парение орла! —
Се муз бесценный дар! — се вдохновенья крыла!
Несусь, — и дольный мир исчез передо мной, —
Сей мир, туманною и тесной
Волнений и сует обвитый пеленой, —
Исчез! — Как солнца луч златой,
Коснулся вежд эфир небесный...
И свеял прах земной...
Я зрю превыспренних селения чудесны...
Отсель — отверзшимся таинственным вратам —
Благоволением судьбины
Текут к нам дщери Мнемозины,
Честь, радость и краса народам и векам! ..

Безбрежное море лежит под стопами,
И в светлой лазури спокойных валов

С горящими небо пылает звездами,
Как в чистом сердце — лик богов;
Как тихий трепет — ожиданье;
Окрест священное молчанье.

И се! Как луна из-за облак, встает
Урании остров из сребряной пены;
Разлился вокруг немерцающий свет,
Богинь улыбкою рожденный...
Несутся свыше звуки лир;
В очарованьях тонет мир!..

Эфирного тени сложив покрывала
И пояс волшебный всесильных харит,
Здесь образ *Урания* свой восприяла,
И звездный венец на богине горит!
Что нас на земле *мечтою* пленяло,
Как *Истина*, то нам и здесь предстоит!

Токмо здесь под ясным небосклоном
Прояснится жизни мрачный ток;
Токмо здесь, забытый Аквилоном,
Льется он, и светел и глубок!
Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где вечны розы чистых наслаждений,
Вечно юн Поэзии венок!..

Как Фарос для душ и умов освященных,
Высоко воздвигнут *Небесныя* храм; —
И *Мудрость* приветствует горним плененных
Вкусить от трапезы питательной там.
Окрест благодатной в зарях златоцветных,
На тронах высоких, в сияньи богов,
Сидят велелепно спасители смертных,
Создатели блага, устройства, градов;
Се *Мир* вечно-юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижными вечно весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, *Благосердие*, скорби отрада!
Ты, *Верность*, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне — отчизны ограда,

И хладная *Доблесть* с горящим мечом!
Ты, с светлыми вечно очами, *Терпенье*,
И *Труд*, неуклонный твой врач и клеврет...
Так вышние силы свой держат совет!..

Средь них, вкруг них в святом благоговенье
Свершает по холмам облаковидных гор
В кругах таинственных теченье
Наук и знаний светлый хор...
Урания одна, как солнце меж звездами,
Хранит Гармонию и правит их путями:
По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещенье;
Где прежде мрачна ночь была,
Там светозарна дня явленье;
Как звезд река, по небосклону вкруг
Простершися, оно вселенну обнимает
И блага жизни изливает
На Запад, на Восток, на Север и на Юг...
Откройся предо мной, протекших лет вселенна!
Урания, вещай, где первый был твой храм,
Твой трон и твой народ, учитель всем векам? —
Восток таинственный! — Чреда твоя свершенна!..
Твой ранний день протек! Из ближних Солнце врат
Рожденья своего обителью надменно
Исходит и течет, царь томный и сомненный...
Где Вавилоны здесь, где Фивы? — где мой град?
Где славный Персеполь? — где Мемнон, мой глашатай?
Их нет! — Лучи его теряются в степях,
Где скорбно встретит их ловец или оратай,
Бесплодно роющий во пламенных песках;
Или, стыдливые, скользят они печально
По мшистым ребрам пирамид...
Сокройся, бренного величья мрачный вид!..
И солнце в путь стремится дальний:
Эгея на брегах приветственной главой
К нему склонился лавр; и на холмах Эллады
Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады;
Его во гимнах звал Певец к себе слепой,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставивших Олимп собрание богов;

Удары гибельны Ареевой десницы,
И сладки песни пастухов; —
Рим встал, — и Марсов гром и песни сладкогласны
Стократ на Тибровых раздалися холмах;
И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,
Вознесся и разлил свет вечный на морях! ..
Но что сретает взор? — Куда, куда ты скрылась,
Небесная! — Бежит, как бледный в мгле призрáк,
Денница света закатилась,
Везде хаос и мрак!
«Нет! вечен свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод
И не умрет! ..» —
Рекла *Урания* и скиптром помавает,
И бледную, изъязвленну главу
Италия от склеп железных свобождает,
Рвет узы лютых змей, на выю ставши льву! ..
Всего начало здесь! .. Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! ты, бездна раскаленна,
Природы грозныя ужасная краса!
Всё возвратили вы, что в ярости несытой
Неистовый Сатурн укрыть от нас хотел!
Эллады, Рима цвет из пепела исшел!
И солнце потекло вновь в путь свой даровитый! ..
Феррарскому Орлу ни грозных боев ряд,
Ни чарования, ни прелести томимы,
Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад
Превыспренних путей нигде не воспретят:
На пламенных крылах принес он в храм Солимы
Победу и венец; —
Там нимфы Тага, там валы Гвадалквивира
Во сретенье текут тебе, младой Певец,
Принесший песни к нам с брегов другого мира; —
Но кто сии два гения стоят?
Как светоносны серафимы,
Хранители Эдемских врат
И тайн жрецы непостижимых? —
Един с Британских вод, другой с Альпийских гор,
Друг другу подают чудотворящи длани;
Земного чуждые, возносят к небу взор
В огне божественных мечтаний! ..

Почто горит лицо морских пучин?
Куда восторженны бегут Тамизы воды?
Что в трепете святом вы, Альпы, Апеннин!..
Благоговей, земля! Склоните слух, народы!
Певцы бессмертные вещают бога вам:
Един, как громов сын, гремит средь вас паденье;
Другой, как благодать, благовестит спасенье
И путь, ведущий к небесам.
И се! среди снегов Полунощи глубокой,
Под блеском хладных зарь, под свистом льдистых вьюг,
Восстал от Холмогор, — как сильный кедр, высокой,
Встает, возносится и всё объемлет вкруг
Своими крепкими ветвями;
Подъемлясь к облакам, глава его блестит
Бессмертными плодами.
И тамо, где металл блистательный сокрыт,
Там роет землю он глубокими корнями, —
Так Росский Пиндар встал! — взнес руку к небесам,
Да воспретит пылающим громам;
Минервы копием бьет недра он земные —
И истекли сокровища златые;
Он повелительный простер на море взор —
И свет его горит, как Поллюкс и Кастор!..

Певец, на гроб *отца, царя-героя,*
Он лавры свежие склонил,
И дни бесценные блаженства и покоя
Елизаветы озарил!

Тогда, разлившись, свет от северных сияний
Дал отблеск на крутых Аракса берегах;
И гении туда простерли взор и длани,
И Фивы новые зарделися в лучах...
Там, там, в стране денницы,
Возник *Певец Фелицы!* ..

Таинственник судеб пророк
Царя-героя в колыбели...

Он с нами днесь! *Он* с неба к нам притек,
Соборы гениев с *ним* царственных слетели;
Престол *его* обстали вкруг;
Над *ним* почиет божий дух!
И музы радостно воспели
Тебя, о царь сердец, на троне Человек!

Твоей всесильною рукою
Закрылись Януса врата!
Ты оградил нас тишиною,
Ты слава наша, красота!
Смиренно к *твоему* склоняяся престолу,
Перуны спят горé и долу.

И здесь, где всё — от благости *твоей*,
Здесь паки гений просвещенья,
Блистая светом обновленья,
Блажит своих веселье дней! —
Здесь клятвы он дает священны,
Что постоянный, неизменный,
В своей блестящей высоте,
Монарха следуя заветам и примеру,
Взнесется, опершись на Веру,
К своей божественной мете.

1820

* * *

Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..
Ужель тогда челнок свой многомощный,
Восторженный, цветами не увьет?..
Под блеском их и зеленью роскошной
Следов не скроет мрачных бурь и вод?..

И ты рассек с отважностью и славой
Моря обширные своим рулем, —

И днесь, о друг, спокойно, величаво
Влетаешь в пристань с верным торжеством.
Скорей на брег — и дружеству на лоно
Склони, певец, склони главу свою —
Да ветвию от древа Аполлона
Его питомца я увью!..

14 сентября 1820

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея.
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

1820

ОДИНОЧЕСТВО

<Из Ламартина>

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени древес густой,
И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится
око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
Светлеет в тишине глубокой.
По темной зелени дерев
Зари последний луч еще приметно бродит,
Луна медлительно с полуночи восходит
На колеснице облаков,
И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, — и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.
Прекрасен мир! Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.
С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте;
Но, ах, где стречу то, что б взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте!..
И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
И что мне в вас теперь, бездушные картины!..
Нет в мире одного — и мир весь опустел!
Встает ли день, нощные ль сходят тени, —
И мрак и свет противны мне...
Моя судьба не знает изменений —
И горесть вечная в душевной глубине!
Но долго ль страннику томиться в заточенье?
Когда на лучший мир покину дольний прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере исполненье;
Где солнцы истины в нетленных небесах?..
Тогда, быть может, прояснится
Надежд таинственных спасительный предмет,

К чему душа и здесь еще стремится,
И токмо там, в отчизне, обоймет...
Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
Живые мысли божества!
Какая ночь сгустилась над землею,
И как земля, в виду небес, мертва!..
Встают гроза и вихрь, и лист крутят пустынный!
И мне, и мне, как мертвому листу,
Пора из жизненной долины, —
Умчите ж, бурные, умчите сироту!..

Между 1820—1822

ВЕСНА

(Посвящается друзьям)

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам!..
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..

Дух жизни, силы и свободы
Возносит, обвевает нас!..
И радость в душу пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как бога животворный глас!..

Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..

Как в полном, пламенном расцвете,
При первом утра юном свете,
Блистают розы и горят;
Как зе́фир в радостном полете
Их разливает аромат, —

Так разливайся жизни сладость,
Певцы!.. за вами по следам!..

Так порхай наша, други, младость
По светлым счастия цветам! ..

Вам, вам сей бедный дар признательной любви,
Цветок простой, не благовонный,
Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
Приносит матери на лоно
В лугу им сорванный цветок! ..

<1821>

А. Н. М.

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников — их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным! ..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно без очков! ..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.

О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь — сам опыт в том порукой, —
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденье — веселей,
Чем наяву — томиться скукой
В убогой хижине твоей! ..

13 декабря 1821

ГЕКТОР И АНДРОМАХА

(Из Шиллера)

Андромаха

Снова ль, Гектор, мчишься в бурю брани,
Где с булатом в неприступной длани
Мстительный свирепствует Пелид?..
Кто же призрит Гекторова сына,
Кто научит долгу властелина,
Страх к богам в младенце поселит?..

Гектор

Мне ль томиться в тягостном покое?..
Сердце жаждет прохлажденья в бое,
    Мести жаждет за Пергам!..
Древняя отцов моих обитель!
Я паду!.. но, родины спаситель,
Сниду весел к Стиксовым брегам...

Андромаха

Суждено ль мне в сих чертогах славы
Видеть меч твой праздный и заржавый? —
Осужден ли весь Приамов род?..
Скоро там, где нет любви и света, —
Там, где льется сумрачная Лета,
Скоро в ней любовь твоя умрет!..

Гектор

Все души надежды, все порывы,
Всё поглотят воды молчаливы, —
    Но не Гектора любовь!..
Слышишь?.. мчатся... Пламя пышет боя!..
Час ударил!.. Сын, супруга, Троя!..
Бесконечна Гектора любовь!..

<1822>

* * *

На камень жизни роковой
  Природою заброшен,
Младенец пылкий и живой
  Играл — неосторожен,
Но Муза сирого взяла
  Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
  Ковер под ним роскошный.

Как скоро Музы под крылом
  Его созрели годы —
Поэт, избытком чувств влеком,
  Предстал во храм Свободы, —
Но мрачных жертв не приносил,
  Служа ее кумиру, —
Он горсть цветов ей посвятил
  И пламенную лиру.

Еще другое божество
  Он чтил в младые лета, —
Амур резвился вкруг него
  И дани брал с поэта.
Ему на память стрелку дал,
  И в сладкие досуги
Он ею повесть начертал
  Орфеевой супруги.

И в мире сем, как в царстве снов,
  Поэт живет, мечтая, —
Он так достиг земных венцов
  И так достигнет рая...
Ум скор и сметлив, верен глаз,
  Воображенье — быстро...
А спорил в жизни только раз —
  На *диспуте магистра.*

1822 (?)

ПОСЛАНИЕ К А. В. ШЕРЕМЕТЕВУ

Насилу добрый гений твой,
Мой брат по крови и по лени,
Увел тебя под кров родной
От всех маневров и учений,
Казарм, тревог и заточений,
От жизни мирно-боевой.
В кругу своих, в халате, дома,
И с службой согласив покой,
Ты праздный меч повесил свой
В саду героя-агронома.
Но что ж? Ты мог ли на просторе
Мечте любимой изменить?
Ты знаешь, друг, что праздность — горе,
Коль не с кем нам ее делить.
Прими ж мой дружеский совет
(Оракул говорил стихами
И убеждал, бывало, свет):
Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет,
С умом, душою и душами.
Оставь на время плуг Толстого,
Забудь химеры и чины,
Женись и в полном смысле слова
Будь адъютант своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудит музу Гименей,
Своей пожертвую я ленью,
Лишь ты свою преодолей!

Январь 1823

ПЕСНЬ РАДОСТИ

(Из Шиллера)

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!

Всё, что делит прихоть света,
Твой алтарь сближает вновь,
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!

Хор

В круг единый, божьи чада!
Ваш отец глядит на вас!
Свят его призывный глас,
И верна его награда!

Кто небес провидел сладость,
Кто любил на сей земли,
В милом взоре черпал радость, —
Радость нашу раздели.
Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить, — из круга
Прочь с слезами отойди!..

Хор

Душ родство! о, луч небесный!
Вседержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает *Неизвестный!*

У грудей благой природы
Всё, что дышит, Радость пьет!
Все созданья, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье —
Гроздий сок, венки харит,
Насекомым — сладострастье,
Ангел — богу предстоит.

Хор

Что, сердца, благовестите?
Иль творец сказался вам?

Здесь лишь тени — солнце там, —
Выше звезд его ищите! ..

Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы — хаос развила
И в пространствах — звездочету
Неподвластных — разлила!

Хор

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом,
К нашей цели потечем —
Бодро, как герой к победам!

В ярком истины зерцале
Образ *твой* очам блестит;
В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.
Ты, как облак прохлажденья,
Нам предходишь средь трудов;
Светишь утром возрожденья
Сквозь расселины гробов!

Хор

Верьте правящей деснице! —
Наши скорби, слезы, вздох
В ней хранятся как залог
И искупятся сторицей!

Кто постигнет провиденье?
Кто явит стези его?
В сердце сыщем откровенье,
Сердце скажет божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!

Жертвой мести — купим друга,
Пурпур — вретища ценой.

Хор

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит *бог*, как *мы* судили!..

Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живит!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья, — на колена!
Всеблагому кубок сей!..

Хор

Ты, чья мысль духов родила,
Ты, чей взор миры зажег!
Пьем тебе, великий бог!
Жизнь миров и душ светило!

Слабым — братскую услугу,
Добрым — братскую любовь,
Верность клятв — врагу и другу,
Долгу в дань — всю сердца кровь!
Гражданина голос смелый
На совет к земным богам;
Торжествуй святое дело —
Вечный стыд его врагам.

Хор

Нашу длань к твоей, отец,
Простираем в бесконечность!
Нашим клятвам даруй вечность!
Наши клятвы — гимн сердец!

Февраль 1823

СЛЕЗЫ

O lacrimarum fons...
Gray.[1]

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листами
Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда созданье
Как бы погружено в весне,
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Весенний воздух пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами,
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

[1] О источник слез... (лат.). Грей. (англ.) — *Ред.*

ДРУЗЬЯМ

при посылке «Песни радости» из Шиллера

Что пел божественный, друзья,
В порыве пламенном свободы
И в полном чувстве Бытия,
Когда на пиршество Природы
Певец, любимый сын ея,
Сзывал в единый круг народы;
И с восхищенною душей,
Во взорах — луч животворящий,
Из чаши Гения кипящей
Он пил за здравие людей.

И мне ли петь сей гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке,
В неразделяемой тоске, —
Мне ль Радость петь на лире онемелой?
Веселье в ней не сыщет звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена, —
И порвала ее Разлука!

Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткий миг в сердечном упоенье
Я жребий свой невольно забывал
(Минутное, но сладкое забвенье!), —
К протекшему душою улетал,
И Радость пел — пока о вас мечтал.

1823 (?)

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

(Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму всё снится ему,
    Что в дальных пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
    Стоит и цветет одинока...

Между 1823—1826

(ИЗ ГЕЙНЕ)

Друг, откройся предо мною —
Ты не призрак ли какой,
Как выводит их порою
Мозг поэта огневой!..

Нет, не верю: этих щечек,
Этих глазок милый свет,
Этот ангельский роточек —
Не создаст сего поэт.

Василиски и вампиры,
Конь крылат и змий зубаст —
Вот мечты его кумиры, —
Их творить поэт горазд.

Но тебя, твой стан эфирный,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор лукаво-смирный —
Не создаст сего поэт.

Между 1823—1830

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог — увы! — умилостивить их —
Он служит им укорою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодеянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горé духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огнь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

К НИСЕ

Ниса, Ниса, бог с тобою!
Ты презрела дружний глас,
Ты поклонников толпою
Оградилася от нас.

Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.

Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой, —
Наших чувств тебе, знать, мало, —
Ниса, Ниса, бог с тобой!

<1825>

ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ

<Из Гердера>

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
Бодрей, бодрей
На пир мечей,
На брань! ..

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други,
И вслед за могучим
Ударим грозой! ..

Вихрем помчимся,
Сквозь тучи и гром,
К солнцу победы
Вслед за орлом! ..

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит — перун вседробящий —
И след огнезвездный и кровью горящий
Пророет дружине в железной ночи.

За ним, за ним — в ряды врагов,
Смелей, друзья, за ним! ..
Как груды скал, как море льдов —
Прорвем их и стесним! ..

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь! ..

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;

Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;
Но вас, обновленных прохладою сна, —
Кровавыя битвы подымет волна!..

Дружина, воспрянь!..
Смерть иль победа!..
На брань!..

<1825>

ПРОБЛЕСК

Слыхал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полуночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшися, потух!

Дыханье каждое зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —

И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон,
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

<1825>

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

(Из Байрона)

Как медлит путника вниманье
  На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
  Руки знакомой начертанье! ..

Чрез много, много лет оно
  Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в вашем круге;
  Но сердце здесь погребено! ..»

<1826>

САКОНТАЛА

(Из Гете)

Что юный год дает цветам —
    Их девственный румянец;
Что зрелый год дает плодам —
    Их царственный багрянец;

Что нежит взор и веселит,
    Как перл, в морях цветущий;
Что греет душу и живит,
    Как нектар всемогущий:
Весь цвет сокровищниц мечты,
    Весь полный цвет творенья,
И, словом, небо красоты
    В лучах воображенья, —
Всё, всё Поэзия слила
    В тебе одной — *Саконтала́*.

<1826>

14-е ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

1826

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,

Как шум от стаи журавлиной, —
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

1826 (?)

(ИЗ ГЕЙНЕ)

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч, —
Так, один, в ночи былого
Светит мне отрадный луч.

Все на палубе сидели,
Вдоль по Реину неслись,
Зеленеющие бреги
Перед нами раздались.

И у ног прелестной дамы
Я в раздумии сидел,
И на милом, бледном лике
Тихий вечер пламенел.

Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца,
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.

Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах —
И светились, отражаясь,
В милых спутницы очах.

Между 1827—1829

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

(Из Гете)

На старой башне, у реки,
Дух рыцаря стоит
И, лишь завидит челноки,
Приветом их дарит:

«Кипела кровь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок до конца!

Пробушевал полжизни я,
Другую проволок:
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток!»

Между 1827—1829

(ИЗ ГЕЙНЕ)

Закралась в сердце грусть, — и смутно
Я вспомянул о старине:
Тогда всё было так уютно
И люди жили как во сне.

А нынче мир весь как распался:
Всё кверху дном, все сбились с ног, —
Господь-бог на небе скончался,
И в аде сатана издох.

Живут как нехотя на свете,
Везде брюзга, везде раскол, —
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.

Между 1827—1830

ВОПРОСЫ

(Из Гейне)

Над морем, диким полуночным морем
Муж-юноша стоит —
В груди тоска, в уме сомненья —
И, сумрачный, он вопрошает волны:
«О, разрешите мне загадку жизни,
Мучительно-старинную загадку,
Над коей сотни, тысячи голов —
В египетских халдейских шапках,
Гиероглифами ушитых,
В чалмах, и митрах, и скуфьях,
И с париками и обритых —
Тьмы бедных человеческих голов
Кружилися, и сохли, и потели, —
Скажите мне, что значит человек?
Откуда он, куда идет,
И кто живет над звездным сводом?»
По-прежнему шумят и ропщут волны,
И дует ветр, и гонит тучи,
И звезды светят холодно и ясно, —
Глупец стоит — и ждет ответа!

Между 1827—1830

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

(Из Гейне)

Надежда и любовь — всё, всё погибло! . .
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу! . .
Передо мной — пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дщери неба!
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,

И с ношей вдаль, усталые, влекутся,
И снова выливают в море!..
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..
Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу —
Былые сны, потухшие виденья,
Мучительно-отрадные встают!
Живет на севере жена!
Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой сладострастной тканью;
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного, умильного лица,
И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное око
Как черное сияет солнце!..
О черно-пламенное солнце,
О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,
И пил, и млел, и трепетал, —
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста
Дышали тихими, как лунный свет, речами
И сладкими, как запах роз...
И дух во мне, оживши, воскрылялся
И к солнцу, как орел, парил!..
Молчите, птицы, не шумите, волны,
Всё, всё погибло — счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здесь один, —
На дикий брег заброшенный грозою,
Лежу простерт — и рдеющим лицом
Сырой песок морской пучины рою!..

Между 1827—1830

‹ИЗ „ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА“ ГЕТЕ›

I

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот незнаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят —
Заводят слабость в преступленья,
И после муками казнят:
Нет на земли проступка без отмщенья!

II

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд, —
Ах, людям есть кого любить,
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня, —
С ней не расстанусь я!

Как крадется к милой любовник тайком:
«Откликнись, друг милый, одна ль?»
Так бродит ночию и днем
Кругом меня тоска,
Кругом меня печаль!..
Ах, разве лишь в гробу
От них укрыться мне —
В гробу, в земле сырой —
Там бросят и оне!

Между 1827—1830

(ИЗ ГЁТЕВА „ЗАПАДО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА“)

Запад, Норд и Юг в крушеньи,
Троны, царства в разрушеньи, —
На Восток укройся дальный,
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пированье
Обнови существованье!..

Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу божиих велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших,

Память праотцев святивших,
Иноземию претивших,
Где во всем хранилась мера,
Мысль — тесна, пространна вера,
Слово — в силе и почтенье,
Как живое откровенье!..

То у пастырей под кущей,
То в оазисе цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгуя:
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья.

Песни Гафица святые
Усладят стези крутые:
Их вожатый голосистый,
Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звезды будит
И шаги верблюдов нудит.

То упьюся в банях ленью,
Верен Гафица ученью:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает, —

И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!..

И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова поэта
Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся рая,
Дар бессмертья вымоляя!..

Между 1827—1830

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый;
Лениво катится река;
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Между 1827—1830

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,

И гам лесной и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

<1828>, <1854>

МОГИЛА НАПОЛЕОНА

Душой весны природа ожила,
И блещет всё в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

Давно ль умолк Перун его побед,
И гул от них стоит доселе в мире...
. . . .
. . . .
И ум людей великой тенью полн,
А тень его, одна, на бреге диком,
Чужда всему, внимает шуму волн
И тешится морских пернатых криком.

<1828>

ОЛЕГОВ ЩИТ

1

«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой — Магомет!..»

2

«О наша крепость и оплот!
Великий бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..»

Глухая полночь! Всё молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула —
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

1828 или 1829

CACHE-CACHE[1]

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!

[1] Игра в прятки (франц.). — *Ред.*

Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

<1829>

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли,
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною,

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

<1829>

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

<1829>

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносилися порой
Все звуки жизни благодатной —
И всё в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилося молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

<1829>, <1851>

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

<1829>

БАЙРОН

(Отрывок <из Цедлица>)

1

Войди со мной — пуста сия обитель,
Сего жилища одичали боги,
Давно остыл алтарь их — и без смены
На страже здесь молчанье. На пороге

Не встретит нас с приветствием служитель,
На голос наш откликнутся лишь стены.
Зачем, о сын Камены
Любимейший, — ты, наделенный даром
Неугасимо-пламенного слова,
Зачем бежал ты собственного крова,
Зачем ты изменил отцовским ларам?
Ах, и куда, безвременно почивший,
Умчал тебя сей вихрь, тебя носивший!..

2

Так некогда здесь был жилец могучий,
Здесь песнями дышал он — и дыханье
Не ветерка в черемухе душистой
Казалося игривое журчанье, —
Нет, песнь его грозней гремящей тучи,
Как божий гнев, то мрачный, то огнистый,
Неслась по тверди мглистой, —
Вдруг над зеленой нивой или садом
Невыцветшим заклепы расторгала,
И мрак, и лед, и пламень извергала,
Огнем палила, бороздила градом, —
Местами лишь, где туча разрывалась,
Лазурь небес прелестно улыбалась!

3

Духов, гласят, неистовое пенье
Внимающих безумьем поражало, —
Так и его, как неземная сила,
Все пропасти душевные взрывало,
На самом дне будило преступленье,
Дыханье замирало, сердце ныло,
И нечто грудь теснило,
Как бы кругом воздушный слой, редея,
Земную кровь сосал из нашей жилы,
И нам, в борьбе, недоставало силы
Стряхнуть с себя господство чародея,
Пока он сам, как бы для посмеянья,
Своим жезлом не рушил обаянья!

4

И мудрено ль, что память о высоком
Невольной грустью душу осенила!..
Не лебедем ты создан был судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,
Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
Между двойной зарею, —
Ты был орел — и со скалы родимой,
Где свил гнездо — и в нем, как в колыбели,
Тебя качали бури и метели,
Во глубь небес нырял, неутомимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но трупов лишь твое искало око!..

5

Злосчастный дух! Как в зареве пожара
Твое кроваво-тусклое зерцало,
Блестящее в роскошном, свежем цвете,
И мир и жизнь так дико отражало!..
С печатью на челе святого дара
И скиптром власти в неземном совете,
Любил ты в мутном свете
Земную жизнь виденьями тревожить!..
В тебе самом, как бы в иносказанье,
Для нас воскресло грозное преданье, —
Но распознать наш взор тебя не может —
Титан ли ты, чье сердце снедью врана,
Иль сам ты вран, терзающий титана!..

6

Своих отцов покинул он обитель,
Где тени их скитаются безмолвны,
Где милые осталися залоги, —
И как весь день метет крылами волны
Морская птица, скал пустынных житель, —
Так и ему по жизненной дороге
Пройти судили боги,
Нигде не встретив мирной, светлой кущи! —

И тщетно он, в борьбе с людьми, с собою,
Рвался схватить земное счастье с бою.
Над ним был Рок, враждебный, всемогущий!
Всходил за ним на снежные вершины,
Спускался в дол, переплывал пучины!..

7

То мчится бард, беглец родного края,
Навстречу солнца, по стихии бурной,
Где Лиссабон, на жарком небе рдея,
Златым венцом объял залив лазурный, —
Там, где земля горит, благоухая,
И где плоды, на пыльных ветвях зрея,
Душистей и свежее, —
Тебя потом он огласил приветом,
Страна любви, геройства, приключений,
Где и поднесь их сладкопевный гений
Как бы волшебным обвевает светом
Узорчатой Альгамбры колоннады
Иль рощи благовонные Гренады!

8

То совершитель тризны благочестной,
Теней погибших окруженный роем,
Равнину ту обходит он с тоскою,
Где жребий мира выпал славным боем,
Где был судим сей страшный суд железный!..
Сия земля, клейменная судьбою,
Под чуткою стопою
Дрожит еще невольно и поныне,
Как тундра крови,— здесь, в мученьях страшных,
Притоптаны ряды сердец отважных,
И слоем лег их пепел по равнине, —
Враждебные, они затихли вместе,
Те с жаждою, те в упоеньи мести!..

9

Но дале бард — и видит пред собою
Гроздоносящий вечно-юный Реин, —
И там и сям, на выси виноградной,

Мелькает замок, и поднесь обвеян
Волшебной былью, мглисто-золотою!..
И вот, вдали, сияющий и хладный,
Возник титан громадный —
Швейцария!.. Там мир как за оградой;
Звучит рожок, поют вольней потоки,
В горах, как в чаше, озера глубоки,
Свет на холмах, в долинах тень с прохладой
И надо всем вершины ледяные,
То бледные, то огненно-живые!..

10

Потом с высот, где, разлучаясь, воды
В широкие, полдневные равнины,
Как бы на пир, стремят свое теченье,
Отколь не раз, как льдистые лавины,
Полночные срывалися народы, —
В Италию, родимое владенье,
Он сводит вдохновенье —
Небесный дух сей край чудес обходит,
Высокий лавр и темный мирт колышет,
Под сводами чертогов светлых дышит,
С цветущих персей запах роз уводит
И шевелит прозрачной пеленою
Над дремлющей в руинах стариною!..

11

Но на Восток цветущий и пустынный
Влекло певца всесильное пристрастье,
В любимый край его воображенья!..
Сей мир насильства, лени, сладострастья
Он зрел еще перед его кончиной —
Где обнялись в роскошном запустенье
И жизнь и разрушенье,
И дружески цвели в вечернем свете
Вершины гор, где жил разбой веселый,
Там, за скалой, пирата парус белый,
Здесь рог луны, горящий на мечети,
И чистые остатки Парфенона
На девственном румянце небосклона.

12

Но ты расторг союз сего творенья,
Дух вольности, бессмертная стихия!
И бой вспылал Отчаяния с Силой!..
Кровь полилась, как воды ключевые,
В ночи земля пила их без зазренья,
Лишь зарево, как светоч над могилой,
Горе́ над ней светило, —
И скоро ли — то провиденье знает —
Взойдет заря и бурный мрак развеет!..
Но юный день с любовью да светлеет
На месте том, где дух певца витает,
Где в сумраке болезненной надежды
Сомкнула смерть его земные вежды!..

13

Певец угас пред жертвенником брани!..
Но песнь его нигде не умолкала, —
Хоть из груди, истерзанной страстями,
Она нередко кровью вытекала,
Волшебный жезл не выпадал из длани,
Но двигал он лишь адскими властями!..
И в распре с небесами
Высокая божественность мученья
Была ему загадкою враждебной —
И, упиваясь чашею врачебной,
Отравы жаждал он, не исцеленья, —
Вперенные в подземный ужас очи
Он отвращал от звездной славы ночи!..

14

Таков он был, могучий, величавый,
Восторженный хулитель мирозданья!..
Но зависти ль удел его достоин?..
Родительским добром существованья
Он приобрел даруемое славой!
Но был ли он сим демоном присвоен,
Иль счастлив, иль спокоен?
Сиянье звезд, денницы луч веселый
Души его, где вихри бушевали,

Лишь изредка угрюмость провевали.
Он стихнул днесь, вулкан перегорелый.
И позднее бессмертия светило
С ночных небес глядит в него уныло...

Конец 1820-х годов

<ИЗ „ФЕДРЫ" РАСИНА>

Едва мы вышли из Трезенских врат,
Он сел на колесницу, окруженный
Своею, как он сам, безмолвной стражей.
Микенскою дорогой ехал он,
Отдав коням в раздумии бразды.
Сии живые, пламенные кони,
Столь гордые в обычном их пылу,
Днесь, с головой поникшей, мрачны, тихи,
Казалося, согласовались с ним.
Вдруг из морских пучин исшедший крик
Смутил вокруг воздушное молчанье,
И в ту ж минуту страшный некий голос
Из-под земли ответствует стенаньем.
В груди у всех оледенела кровь,
И дыбом стала чутких тварей грива.
Но вот, белея над равниной влажной,
Подъялся вал, как снежная гора, —
Возрос, приблизился, о брег расшибся
И выкинул чудовищного зверя.
Чело его ополчено рогами,
Хребет покрыт желтистой чешуей.
Ужасный вол, неистовый дракон,
В бесчисленных изгибах вышел он.
Брег, зыблясь, стонет от его рыканья;
День, негодуя, светит на него;
Земля подвиглась; вал, его извергший,
Как бы объятый страхом, хлынул вспять.
Всё скрылося, ища спасенья в бегстве, —
Лишь Ипполит, героя истый сын,
Лишь Ипполит, боязни недоступный,
Остановил коней, схватил копье,

И, меткою направив сталь рукою,
Глубокой язвой зверя поразил.
Взревело чудо, боль копья почуя,
Беснуясь, пало под ноги коням
И, роя землю, из кровавой пасти
Их обдало и смрадом и огнем!
Страх обуял коней — они помчались,
Не слушаясь ни гласа, ни вожжей, —
Напрасно с ними борется возница,
Они летят, багря удила пеной;
Бог некий, говорят, своим трезубцем
Их подстрекал в дымящиеся бедра...
Летят по камням, дебрям... ось трещит
И лопнула... Бесстрашный Ипполит
С изломанной, разбитой колесницы
На землю пал, опутанный вожжами, —
Прости слезам моим!.. сей вид плачевный
Бессмертных слез причиной будет мне!
Я зрел, увы! как сына твоего
Влекли, в крови, им вскормленные кони!
Он кличет их... но их пугает клик —
Бегут, летят с истерзанным возницей.
За ним вослед стремлюся я со стражей, —
Кровь свежая стезю нам указует.
На камнях кровь... на терниях колючих
Клоки волос кровавые повисли...
Наш дикий вопль равнину оглашает!
Но наконец неистовых коней
Смирился пыл... они остановились
Вблизи тех мест, где прадедов твоих
Прах царственный в гробах почиет древних!..
Я прибежал, зову... с усильем тяжким
Он, вежды приподняв, мне подал руку:
«Всевышних власть мой век во цвете губит.
Друг, не оставь Ариции моей!
Когда ж настанет день, что мой родитель,
Рассеяв мрак ужасной клеветы,
В невинности сыновней убедится,
О, в утешенье сетующей тени,
Да облегчит он узнице своей
Удел ее!.. Да возвратит он ей...»

При сих словах героя жизнь угасла,
И на руках моих, его державших,
Остался труп, свирепо искаженный,
Как знаменье богов ужасной кары,
Не распознаемый и для отцовских глаз!

Конец 1820-х годов

‹ИЗ МАНЦОНИ›

Высокого предчувствия
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье
И замыслов событие
Несбыточных, как сон, —

Всё испытал он! — счастие,
Победу, заточенье,
И всё судьбы пристрастие,
И всё ожесточенье! —
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон!..

Явился: два столетия
В борении жестоком,
Его узрев, смирились вдруг,
Как пред всесильным роком.
Он повелел умолкнуть им
И сел меж них судьей!

Исчез — и в ссылке довершил
Свой век неимоверный —
Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,
Предмет вражды неистовой,
Преданности слепой!..

Как над главою тонущих
Растет громадой пенной

Сперва игравший ими вал —
И берег вожделенный
Вотще очам трепещущим
Казавший свысока, —

Так память над душой его,
Скопившись, тяготела!..
Как часто высказать себя
Душа сия хотела,
И, обомлев, на лист начатый
Вдруг падала рука!

Как часто пред кончиной дня —
Дня безотрадной муки, —
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он — и минувшее
Овладевало им!..

Он зрел в уме: подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев —
Железный мир и дышащий
Велением одним!..

О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось
И дух упал... Но сильная
К нему рука спустилась —
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..

Конец 1820-х годов

ЛЕБЕДЬ

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

Конец 1820-х — начало 1830-х годов

‹ИЗ „ФАУСТА“ ГЕТЕ›

I

Звучит, как древле, пред тобою
Светило дня в строю планет
И предначертанной стезею,
Гремя, свершает свой полет!
Ему дивятся серафимы,
Но кто досель его постиг!
Как в первый день, непостижимы
Дела, всевышний, рук твоих!

И быстро, с быстротой чудесной,
Кругом вратится шар земной,
Меняя тихий свет небесный
С глубокой ночи темнотой.
Морская хлябь гремит валами
И роет каменный свой брег,
И бездну вод с ее скалами
Земли уносит быстрый бег!

И беспрерывно бури воют,
И землю с края в край метут,
И зыбь гнетут, и воздух роют,
И цепь таинственную вьют.
Вспылал предтеча-истребитель,
Сорвавшись с тучи, грянул гром,

Но мы во свете, вседержитель,
Твой хвалим день и мир поем.

Тебе дивятся серафимы!
Тебе гремит небес хвала!
Как в первый день, непостижимы,
Господь! руки твоей дела!

II

«Кто звал меня?» —
«О страшный вид!» —
«Ты сильным и упрямым чаром
Мой круг волшебный грыз недаром —
И днесь. . .» —
«Твой взор меня мертвит!» —
«Не ты ль молил, как исступленный,
Да узришь лик и глас услышишь мой?
Склонился я на клич упорный твой,
И се предстал! Какой же страх презренный
Вдруг овладел, титан, твоей душой?..
Та ль эта грудь, чья творческая сила
Мир целый создала, взлелеяла, взрастила
И, в упоении отваги неземной,
С неутомимым напряженьем
До нас, духов, возвыситься рвалась?
Ты ль это, Фауст? И твой ли был то глас,
Теснившийся ко мне с отчаянным моленьем?
Ты, Фауст? Сей бедный, беспомощный прах,
Проникнутый насквозь моим дхновеньем,
Во всех души своей дрожащий глубинах? . .» —
«Не удручай сим пламенным презреньем
Главы моей! Не склонишь ты ея!
Так Фауст я, дух, как ты! твой равный я! . .» —
«Событий бурю и вал судеб
Вращаю я,
Воздвигаю я,
Вею здесь, вею там, и высок и глубок!
Смерть и Рождение, Воля и Рок,
Волны в бореньи,
Стихии во преньи,

Жизнь в измененьи —
Вечный, единый поток!..
Так шумит на стану моем ткань роковая,
И богу прядется риза живая!» —
«Каким сродством неодолимым,
Бессмертный дух! влечешь меня к себе!» —
«Лишь естеством, тобою постижимым,
Подобен ты — не мне!..»

III

Чего вы от меня хотите,
Чего в пыли вы ищете моей,
Святые гласы, там звучите,
Там, где сердца и чище и нежней.
Я слышу весть — но веры нет для ней!
О вера, вера, мать чудес родная,
Дерзну ли взор туда поднять,
Откуда весть летит благая!
Ах, но к нему с младенчества привычный,
Сей звук родимый, звук владычный, —
Он к бытию манит меня опять!
Небес, бывало, лобызанье
Срывалось на меня в воскресной тишине,
Святых колоколов я слышал содроганье
В моей душевной глубине,
И сладостью живой была молитва мне!
Порыв души в союзе с небесами
Меня в леса и долы уводил —
И, обливаясь теплыми слезами,
Я новый мир себе творил.
Про игры юности веселой,
Про светлую весну благовестил сей глас —
Ах, и в торжественный сей час
Воспоминанье их мне душу одолело!
Звучите ж, гласы, вторься, гимн святой!
Слеза бежит! Земля, я снова твой!

IV

Зачем губить в унынии пустом
Сего часа благое достоянье?

Смотри, как хижины с их зеленью кругом
Осыпало вечернее сиянье.
День пережит, — и к небесам иным
Светило дня несет животворенье.
О, где крыло, чтоб взвиться вслед за ним,
Прильнуть к его лучам, следить его теченье?
У ног моих лежит прекрасный мир
И, вечно вечереющий, смеется...
Все выси в зареве, во всех долинах мир,
Сребристый ключ в златые реки льется.
Над цепью диких гор, лесистых стран
Полет богоподобный веет,
И уж вдали открылся и светлеет
С заливами своими океан.
Но светлый бог главу в пучины клонит,
И вдруг крыла таинственная мощь
Вновь ожила и вслед за уходящим гонит,
И вновь душа в потоках света тонет.
Передо мною день, за мною нощь.
В ногах равнина вод, и небо над главою.
Прелестный сон!.. и суетный!.. прости!..
К крылам души, парящим над землею,
Не скоро нам телесные найти.
Но сей порыв, сие и ввыспрь и вдаль стремленье,
Оно природное внушенье,
У всех людей оно в груди...
И оживает в нас порою,
Когда весной, над нашей головою,
Из облаков песнь жавронка звенит,
Когда над крутизной лесистой
Орел, ширяяся, парит,
Поверх озер иль степи чистой
Журавль на родину спешит.

V

Державный дух! ты дал мне, дал мне всё,
О чем молил я! Не вотще ко мне
Склонил в лучах сияющий свой лик!
Дал всю природу во владенье мне
И вразумил ее любить. Ты дал мне

Не гостем праздно-изумленным быть
На пиршестве у ней, но допустил
Во глубину груди ее проникнуть,
Как в сердце друга! Земнородных
строй
Провел передо мной и научил —
В дуброве ль, в воздухе иль в лоне
вод —
В них братий познавать и их любить!
Когда ж в бору скрыпит и свищет
буря,
Ель-великан дерев соседних с треском
Крушит в паденьи ветви, глухо гул
Встает окрест и, зыблясь, стонет холм,
Ты в мирную ведешь меня пещеру,
И самого меня являешь ты
Очам души моей — и мир ее,
Чудесный мир, разоблачаешь мне!
Подымется ль, всеуслаждая, месяц
В сияньи кротком, и ко мне летят
С утеса гор, с увлаженного бора,
Сребристые веков минувших тени
И строгую утеху созерцанья
Таинственным влияньем умиляют!

Конец 1820-х — начало 1830-х годов

* * *

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства,
речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный, —
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

Конец 1820-х — начало 1830-х годов

* * *

Ты зрел его в кругу большого света —
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт — и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог, —
Настала ночь — и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

Конец 1820-х — начало 1830-х годов

<ИЗ «ПУТЕВЫХ КАРТИН» ГЕЙНЕ>

«Прекрасный будет день», — сказал товарищ,
Взглянув на небо из окна повозки. —
Так, день прекрасный будет, — повторило
За ним мое молящееся сердце
И вздрогнуло от грусти и блаженства!..
Прекрасный будет день! Свободы солнце
Живей и жарче будет греть, чем ныне
Аристократия светил ночных!
И расцветет счастливейшее племя,
Зачатое в объятьях произвольных,
Не на одре железном принужденья,
Под строгим, под таможенным надзором
Духовных приставов, — и в сих душах
Вольнорожденных вспыхнет смело
Чистейший огнь идей и чувствований —
Для нас, рабов природных, непостижный!

Ах, и для них равно непостижима
Та будет ночь, в которой их отцы
Всю жизнь насквозь томились безотрадно
И бой вели отчаянный, жестокий,
Противу гнусных сов и ларв подземных,
Чудовищных Ерева порождений!..

Злосчастные бойцы, все силы духа,
Всю сердца кровь в бою мы истощили —
И бледных, преждевременно одряхших
Нас озарит победы поздний день!..
Младого солнца свежее бессмертье
Не оживит сердец изнеможенных,
Ланит потухших снова не зажжет!
Мы скроемся пред ним, как бледный месяц!

Так думал я и вышел из повозки
И с утренней усердною молитвой
Ступил на прах, бессмертьем освященный!..

Как под высоким триумфальным сводом
Громадных облаков всходило солнце,
Победоносно, смело и светло,
Прекрасный день природе возвещая.
Но мне при виде сем так грустно было,
Как месяцу, еще заметной тенью
Бледневшему на небе. — Бедный месяц!
В глухую полночь, одиноко, сиро,
Он совершил свой горемычный путь,
Когда весь мир дремал — и пировали
Одни лишь совы, призраки, разбой;
И днесь пред юным днем, грядущим в славе,
С звучащими веселием лучами
И пурпурной разлитою зарей,
Он прочь бежит... еще одно воззренье
На пышное всемирное светило —
И легким паром с неба улетит.

Не знаю я и не ищу предвидеть,
Что мне готовит Муза! Лавр поэта
Почтит иль нет мой памятник надгробный?
Поэзия душе моей была
Младенчески-божественной игрушкой —
И суд чужой меня тревожил мало.
Но меч, друзья, на гроб мой положите!
Я воин был! я ратник был свободы,
И верою и правдой ей служил
Всю жизнь мою в ее священной брани!

Конец 1820-х — начало 1830-х годов

К N. N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —
Когда, в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей —
Ты мне ответ даешь и не краснеешь!

Всё тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих младых ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

<1830>

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

<1830>

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилася гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

<1830>

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

<1830>

* * *

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
    Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

<1830>

* * *

За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного — ослабеем,
Убавим шагу — отстаем.

<1830>

ПЕВЕЦ

(Из Гете)

«Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами?..
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..»
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!..»

«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесть!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор — не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»

Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо —
У смелых взор смелей горит,
У жен — поник стыдливо.
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой
Почтить певца седого!..

«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,
Ее ты рыцарям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..

На божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою —
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной,
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом сам бог благословил,
Где это — скудным даром!..
Свою вам милость он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..»

1830

ЗАВЕТНЫЙ КУБОК

(Из Гете)

Был царь, как мало их ныне, —
По смерть он верен был:
От милой, при кончине,
Он кубок получил.

Ценил его высоко
И часто осушал, —
В нем сердце сильно билось,
Лишь кубок в руки брал.

Когда ж сей мир покинуть
Пришел его черед,
Он делит все наследство, —
Но кубка не дает.

И в замок, что над морем,
Друзей своих созвал,
И с ними на прощанье,
Там сидя, пировал.

В последний раз упился
Он влагой огневой,
Над бездной наклонился
И в море — кубок свой...

На дно пал кубок морское, —
Он пал, пропал из глаз,
Забилось ретивое, —
Царь пил в последний раз!..

1830

<ИЗ „ЭРНАНИ" В. ГЮГО>

Великий Карл, прости! — Великий, незабвенный,
Не сим бы голосом тревожить эти стены —
И твой бессмертный прах смущать, о исполин,
Жужжанием страстей, живущих миг один!
Сей европейский мир, руки твоей созданье,
Как он велик, сей мир! Какое обладанье!..
С двумя избранными вождями над собой —
И весь багрянородный сонм — под их стопой!..
Все прочие державы, власти и владенья —
Дары наследия, случайности рожденья, —
Но папу, кесаря сам бог земле дает,

И промысл через них нас случаем блюдет.
Так соглашает он устройство и свободу!
Вы все, позорищем служащие народу,
Вы, курфюрсты, вы, кардиналы, сейм, синклит,
Вы все ничто! Господь решит, господь велит!..
Родись в народе мысль, зачатая веками,
Сперва растет в тени и шевелит сердцами —
Вдруг воплотилася и увлекла народ!..
Князья куют ей цепь и зажимают рот,
Но день ее настал, — и смело, величаво
Она вступила в сейм, явилась средь конклава,
И, с скипетром в руках иль митрой на челе,
Пригнула все главы венчанные к земле...
Так папа с кесарем всесильны — всё земное
Лишь ими и чрез них. Как таинство живое
Явило небо их земле, — и целый мир —
Народы и цари — им отдан был на пир!..
Их воля строит мир и зданье замыкает,
Творит и рушит. — Сей решит, тот рассекает.
Сей Истина, тот Сила — в них самих
Верховный их закон, другого нет для них!..
Когда из алтаря они исходят оба —
Тот в пурпуре, а сей в одежде белой гроба,
Мир, цепенея, зрит в сияньи торжества
Сию чету, сии две полы божества!..
И быть одним из них, одним! О, посрамленье
Не быть им!.. и в груди питать сие стремленье!
О, как, как счастлив был почивший в сем гробу
Герой! Какую бог послал ему судьбу!
Какой удел! и что ж? Его сия могила.
Так вот куда идет — увы! — всё то, что было
Законодатель, вождь, правитель и герой,
Гигант, все времена превысивший главой,
Как тот, кто в жизни был Европы всей владыкой,
Чье титло было кесарь, имя Карл Великий,
Из славимых имен славнейшее поднесь,
Велик — велик, как мир, — а всё вместилось здесь!
Ищи ж владычества и взвесь пригоршни пыли
Того, кто всё имел, чью власть как божью чтили.
Наполни грохотом всю землю, строй, возвысь
Свой столп до облаков, всё выше, высь на высь —
Хотя б бессмертных звезд твоя коснулась слава,

Но вот ее предел!.. О царство, о держава,
О, что вы? всё равно — не власти ль жажду я?
Мне тайный глас сулит: твоя она — моя —
О, если бы моя! Свершится ль предвещанье
Стоять на высоте и замыкать созданье,
На высоте — один — меж небом и землей
И видеть целый мир в уступах под собой:
Сперва цари, потом — на степенях различных —
Старейшины домов удельных и владычных,
Там доги, герцоги, церковные князья,
Там рыцарских чинов священная семья,
Там духовенство, рать, — а там, в дали туманной,
На самом дне — народ, несчетный <*нрзб*>.
Пучина, вал морской, терзающий свой брег,
Стозвучный гул, крик, вопль, порою горький смех,
Таинственная жизнь, бессмертное движенье,
Где, что ни брось во глубь, и все они в движенье —
Зерцало грозное для совести царей,
Жерло, где гибнет трон, всплывает мавзолей!
О, сколько тайн для нас в твоих пределах темных!
О, сколько царств на дне — как остовы огромных
Судов, свободную теснивших глубину,
Но ты дохнул на них — и груз пошел ко дну!
И мой весь этот мир, и я схвачу без страха
Мироправленья жезл! Кто я! Исчадье праха!

1830

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,

Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И — в брызги разлетишься!..

1830

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

1830

ДВУМ СЕСТРАМ

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!

И всё, как в зеркале волшебном,
Всё обозначилося вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

1830

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла — еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалася,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

1830

СТРАННИК

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит всё и славит бога!..

1830

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

1830

* * *

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня всё было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Всё нá душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, — мыслил я, — пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с брегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, —
Так отрок, чар ночных свидетель быв
случайный,
Про них и днем молчание хранит.

1830

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

1830

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

1830

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

1830

АЛЬПЫ

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари,
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалеет,
Чарам гибельным конец —
Первый, в небе, просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из злата
Вся воскресшая семья!..

1830

* * *

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздымалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Всё жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..

1830

MAL'ARIA[1]

Люблю сей божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима.
Всё та ж высокая, безоблачная твердь,
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Всё тот же теплый ветр верхи дерев колышет,
Всё тот же запах роз, и это всё — есть Смерть! ..

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса,
Предвестники для нас последнего часа́
И усладители последней нашей муки.
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!

1830

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так! но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величьи видел ты
Закат звезды ее кровавой! ..

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир;

---

[1] Зараженный воздух (итал.). — *Ред.*

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

1830

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огнь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает:

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразьи нестерпимом!..

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

1830 (?)

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

1830 (?)

SILENTIUM![1]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

1830 (?)

* * *

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Прося попутных бурь дыханья

[1] Молчание! (лат.). — *Ред.*

У негодующих небес, —
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Сие-то высшее сознанье
Вело наш доблестный народ —
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

1831

* * *

«Всё бешеней буря, всё злее и злей,
Ты крепче прижмися к груди моей». —
«О милый, милый, небес не гневи,
Ах, время ли думать о грешной любви!» —
«Мне сладок сей бури порывистый глас,
На ложе любви он баюкает нас». —
«О, вспомни про море, про бедных пловцов,
Господь милосердый, будь бедным покров!» —
«Пусть там, на раздолье, гуляет волна,
В сей мирный приют не ворвется она». —
«О милый, умолкни, о милый, молчи,
Ты знаешь, кто на море в этой ночи?!»
И голос стенящий дрожал на устах,
И оба, недвижны, молчали впотьмах.
Гроза приутихла, ветер затих,
Лишь маятник слышен часов стенных, —
Но оба, недвижны, молчали впотьмах,
Над ними лежал таинственный страх...
Вдруг с треском ужасным рассыпался гром,
И дрогнул в основах потрясшийся дом.
Вопль детский раздался, отчаян и дик,
И кинулась мать на младенческий крик.
Но в детский покой лишь вбежала она,
Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена.
Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу,
Тень мужа над люлькой сидела в углу.

Между 1831—1836

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

(Из Гете)

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви — и ввек не знали!

Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

<1832>

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ

(Из Уланда)

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травою,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

<1832>

* * *

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

С его великою душою
Созвучней всех на нем ты трепетал,
Пророчески беседовал с грозою
Иль весело с зефирами играл!

Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней,
И сам собою пал, как из венка!

1832

(ИЗ ШЕКСПИРА)

I

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!..
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец, то есть); сей равно безумный,
Любовник страстный, видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом исступленьи,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли —
И, лишь создаст воображенье виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и названье!..

II

ПЕСНЯ

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Выпускают мертвецов!..

<1832>

К ***

Уста с улыбкою приветной,
Румянец девственных ланит
И взор твой светлый, искрометный —
Всё к наслаждению манит...
Ах! этот взор, пылая страстью,
Любовь на легких крыльях шлет
И некою волшебной властью
Сердца в чудесный плен влечет.

<1833>

* * *

С горы скатившись, камень лег в долине. —
Как он упал? никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины *сам* собой,
Или низвергнут *мыслящей* рукой?
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса!

15 января 1833

<ИЗ БЕРАНЖЕ>

Пришлося кончить жизнь в овраге:
Я слаб и стар — нет сил терпеть!
«Пьет, верно», — скажут о бродяге, —
Лишь бы не вздумали жалеть!

Те, уходя, пожмут плечами,
Те бросят гривну бедняку!
Счастливый путь, друзья! Бог с вами!
Я и без вас мой кончить век могу!

Насилу годы одолели,
Знать, люди с голода не мрут.
Авось, — я думал, — на постели
Они хоть умереть дадут,
Но их больницы и остроги —
Всё полно! Силой не войдешь!
Ты вскормлен на большой дороге —
Где жил и рос <?>, старик, там
и умрешь.

Я к мастерам ходил сначала,
Хотел кормиться ремеслом.
«С нас и самих работы мало!
Бери суму, да бей челом».
К вам, богачи, я потащился,
Грыз кости с вашего стола,
Со псами вашими делился, —
Но я, бедняк, вам не желаю зла.

Я мог бы красть, я — Ир убогой,
Но стыд мне руки оковал;
Лишь иногда большой дорогой
Я дикий плод с дерев сбивал...
За то, что нищ был, между вами
Век осужден на сиротство...
Не раз сидел я за замками,
Но солнца свет — кто продал вам его?

Что мне до вас и вашей славы,
Торговли, вольностей, побед?
Вы все передо мной неправы —
Для нищего отчизны нет!
Когда пришлец вооруженный
Наш пышный город полонил,
Глупец, я плакал, раздраженный,
Я клял врага, а враг меня кормил!

Зачем меня не раздавили,
Как ядовитый гад какой?
Или зачем не научили —
Увы! — полезной быть пчелой!
Из ваших, смертные, объятий
Я был извержен с первых <лет>,
Я в вас благословил бы братий, —
Днесь при смерти бродяга вас клянет!

Между 1833—1836

АРФА СКАЛЬДА

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоем углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул —
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

21 апреля 1834

* * *

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:

Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... молитесь богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

(ИЗ ГЕЙНЕ)

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь и мать прекрасна,
Различно милы, но равно.

Неопытно-младые члены
Как сладко ум тревожат мой! —
Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.

В раздумье, хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг
Меж двух стогов стоял, глазея:
Который лакомей из двух? ..

Между 1834—1836

* * *

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей? .. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветр принес:
Любви последнее прости...

За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди! ..

«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать? ..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжалься над своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Всё милое душе твоей
Ты покидаешь на пути! ..»

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

Между 1834—1836

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Между 1834—1836

СОН НА МОРЕ

И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лавиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,

По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

<1836>

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набресть на свежий дух синели
Или на светлую мечту...

<1836>

* * *

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музы́ки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса;
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

<1836>

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток,
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?

Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

<1836>

* * *

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

<1836>

* * *

Вечер мглистый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

<1836>

* * *

И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилося вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит...

Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

<1836>

* * *

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало, —
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало, —
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...

Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя, —
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

<1836>

* * *

Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

<1836>

* * *

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем...

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

<1836>

* * *

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит —
Он в дол спешит на новоселье...
Я лезу вверх, где ель стоит.

Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спешишь в долину —
Попробуй, каково у них!

<1836>

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земли!..

<1836>

* * *

Над виноградными холмами
Плывут златые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там, в горнем неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

<1836>

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененьи ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она всё льется и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот.

<1836>

* * *

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

<1836>

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

<1836>

* * *

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам године буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

<1836>

* * *

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи...

Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели,
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.

И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,

И беседу продолжали
Тихомолком меж собой.

В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальный гул, как бы во сне.

Чуть дремотой забывался,
Гул яснел и грохотал...
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.

Всё прошло, всё взяли годы —
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Нынче рыщут по тебе.

<1836>

* * *

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
  Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
  Не нахожу.

Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда?..
  Оно пройдет —
Пройдет оно, как всё прошло,
И канет в темное жерло
  За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
  Сей злак земной!..

Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом новый злак
И лист иной.

И снова будет всё, что есть,
И снова розы будут цвесть,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской,
То знает бог!..
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох.

<1836>

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,

Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

<1836>

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

<1836>

* * *

Яркий снег сиял в долине, —
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине, —
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..

<1836>

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, знать, не дышат
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,

В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!

<1836>

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебль колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну послышала она,
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

<1836>

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.

Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

<1836>

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья.

<1836>

* * *

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах, томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вкруг тебя молчанье,
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно,
Вдруг что-то порхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям, —

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента развеваясь,
Меж пологами развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

1836(?)

29-е ЯНВАРЯ 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он высшею рукою
В «*цареубийцы*» заклеймен.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И, осененный, опочил,
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

1837

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA[1]

И распростясь с тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь, —
Блаженной тенью, тенью элисейской,
Она заснула в добрый час.

И вот, уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... всё было так спокойно!
Так всё от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.
. . . .

---

[1] Вилла (итал.). — *Ред.*

Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал.

Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, — увы! — что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?

Декабрь 1837

1-е ДЕКАБРЯ 1837

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее испепелило
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

1837

* * *

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль — хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как *во время оно*,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они всё те же и поныне —
Всё так же блещут и звучат;
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине —
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге,
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей —
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!

1837 (?)

* * *

С какою негою, с какой тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И, матери нежней, тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнялось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,
Иль в сон иной бы перешла.

1837(?)

* * *

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не съединяет их?

<1838>

ВЕСНА

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,

И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея;
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет;
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, —
И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

<1838>

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.

День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла, и с мира рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

<1839>

* * *

Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всесилен, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змеею сердце жалит,
Он, как пчела, его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

<1839>

* * *

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!

Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив.

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины мелькнет,

И человеческим сознаньем
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, —

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай служить он не умеет, —
Боготворить умеет он!

1840

К ГАНКЕ

Территориальные Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?

Веки мы слепцами были,
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.

А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь, —
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.

И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.

Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех обезъязычил немец,
Этих — турок осрамил.

Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах.

О, какими вдруг лучами
Озарились все края!
Обличилась перед нами
Вся Славянская земля!

Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал.

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил!

И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, —
Наяву увидят внуки
То, что снилося отцам!

26 августа 1841

* * *

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...

21 ноября 1844

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты за́весу расторг божественной рукой —
И новый мир, неведомый, нежданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

МОРЕ И УТЕС

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрянуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила —
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской,
С ревом, свистом, визгом, воем,
Бьет в утес береговой, —
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,

Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!

И озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час, другой —
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмиреет вновь она —
И без вою и без бою,
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

1848

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

* * *

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой!
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой!..
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..

1848

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

1848 или 1849

* * *

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

1848 или 1849

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.

1848 или 1849, 1850

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальный гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

6 июня 1849

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,
При свете вечереющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах,
Как брат меньшой, умерший в пеленах...

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Всё, чем я жил и чем я дорожил!

13 июня 1849

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

23 июля 1849

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит — и жизнь, как камней груда,
Лежит на нас, — вдруг, знает бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее долы,
Вдруг ветр подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

22 сентября 1849

* * *

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей, —
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской,

С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.

Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал...
Все звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал...

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.

Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

29 ноября 1849

РАССВЕТ

Не в первый раз кричит петух;
Кричит он живо, бодро, смело;
Уж месяц на небе потух,
Струя в Босфоре заалела.

Еще молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.

Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им огласися!

Тебя зовет и будит он, —
Вставай, мужайся, ополчися!

В доспехи веры грудь одень,
И с богом, исполин державный!..
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!

Ноябрь 1849

* * *

Вновь твои я вижу очи —
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной — родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой
Моря тихое дыханье
Провевает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

1849(?)

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

1849(?)

НАПОЛЕОН

I

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил — и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!..
    Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе...

II

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе — орлы парили,
В его груди — змии вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
И в самом буйстве дерзновений
Змииной мудрости расчет.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...
Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл — презритель волн, —
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

III

И ты стоял — перед тобой Россия!
И, вещий волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы! . .»
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой! . .
Но новою загадкою в изгнанье
Ты возразил на отзыв роковой...

Года прошли — и вот, из ссылки тесной
На родину вернувшийся мертвец,
На берегах реки, тебе любезной,
Тревожный дух, почил ты наконец...
Но чуток сон — и по ночам, тоскуя,
Порою встав, ты смотришь на Восток,
И вдруг, смутясь, бежишь, как бы почуя
Передрассветный ветерок.

<1850>

ПОЭЗИЯ

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

<1850>

РИМ НОЧЬЮ

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Всё тот же мир, волшебный, но отживший!..

<1850>

ВЕНЕЦИЯ

Дож Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей.

И недаром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы),
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...

И чета в любви и мире
Много славы нажила —
Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от *львиного крыла.*

А теперь?
В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья, —
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

<1850>

* * *

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом,
В горнем выспреннем пределе,
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

<1850>

ПРОРОЧЕСТВО

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде —
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он — и грянет час!»

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь.
Пади пред ним, о царь России, —
И встань как всеславянский царь!

1 марта 1850

* * *

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жаркой мостовой;

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освежит.

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

НА НЕВЕ

И опять звезда ныряет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездою
Он скользит как бы во сне,
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.

Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,
Пышноструйная волна,
Приюти в твоем просторе
Тайну скромного челна!

Июль 1850

* * *

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

12 августа 1850

* * *

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участьем умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

ГРАФИНЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

(в ответ на ее письмо)

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!

И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне...

Знакомый голос... голос чудный...
То лирный звук, то женский вздох...
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог...

Я спал в оковах тяжкой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.

Но этот сон полумогильный,
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всесильный,
Ко мне на помощь подоспел.

Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил —
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...

Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом —
И в замке феи-*Нелюдимки*
Вдруг очутились мы вдвоем!..

Вдвоем! — и песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.

1850

* * *

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где все тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцаньи полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.

1850(?)

* * *

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей *всё* пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава богу!

1850(?)

ДВА ГОЛОСА

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850(?)

ПОМИНКИ

(Из Шиллера)

Пала царственная Троя,
Сокрушен Приамов град,
И ахеяне, устроя
Свой на родину возврат,
На судах своих сидели,
Вдоль эгейских берегов,
И пэан хвалебный пели,
Громко славя всех богов...
Раздавайся, глас победный!
Вы к брегам родной земли
Окрыляйтесь, корабли,
В путь возвратный, в путь безбедный!

И сидела в длинном строе
Грустно-бледная семья:
Жены, девы падшей Трои,
Голося и слезы лья,
В горе общем и великом
Плача о себе самих,
И с победным, буйным кликом
Дико вопль сливался их...
«Ждет нас горькая неволя
Там, вдали, в стране чужой.
Ты прости, наш край родной!
Как завидна мертвых доля!»

И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертв, Калхас,
Градозиждущей Палладе,
Градорушащей молясь,
Посейдона силе грозной,
Опоясавшего мир,
И тебе, эгидоносный
Зевс, сгущающий эфир!
Опрокинут, уничтожен
Град великий Илион!
Долгий, долгий спор решен, —
Суд бессмертных непреложен.

Грозных полчищ воевода,
Царь царей, Атреев сын,
Обозрел толпы народа,
Уцелевший строй дружин.
И внезапною тоскою
Омрачился царский взгляд:
Много их пришло под Трою,
Мало их пойдет назад.
   Так возвысьте ж глас хвалебный!
   Пой и радуйся стократ,
   У кого златой возврат
   Не похитил рок враждебный!

Но не всем сужден от бога
Мирный, радостный возврат:
У домашнего порога
Многих Керы сторожат...
Жив и цел вернулся с бою —
Гибнет в храмине своей!.. —
Рек, Афиной всеблагою
Вдохновенный Одиссей...
   Тот лишь дом и тверд и прочен,
   Где семейный свят устав:
   Легковерен женский нрав,
   И изменчив, и порочен.

И супругой, взятой с бою,
Снова счастливый Атрид,
Пышный стан обвив рукою,
Страстный взор свой веселит.
Злое злой конец приемлет!
За нечестьем казнь следит —
В небе суд богов не дремлет!
Право царствует Кронид...
   Злой конец началу злому!
   Правоправящий Кронид
   Вероломцу страшно мстит —
   И семье его и дому.

Хорошо любимцам счастья, —
Рек Аякса брат меньшой, —
Олимпийцев самовластье

Величать своей хвалой!..
Неподвластно высшей силе
Счастье в прихотях своих:
Друг Патрокл давно в могиле,
А Терсит еще в живых!..
    Счастье жеребия сеет
    Своевольною рукой.
    Веселись и песни пой
    Тот, кого светило греет!

Будь утешен, брат любимый!
Память вечная тебе!..
Ты — оплот несокрушимый
Чад ахейских в их борьбе!..
В день ужасный, в день кровавый
Ты один за всех стоял!
Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжал...
    Не врага рукой победной —
    От руки ты пал своей...
    Ах, и лучших из людей
    Часто губит гнев зловредный!

И твоей теперь державной
Тени, доблестный Пелид,
Сын твой, Пирр, воитель славный,
Возлияние творит...
«Как тебя, о мой родитель,
Никого, — он возгласил, —
Зевс, великий промыслитель,
На земле не возносил!»
    На земле, где всё изменно,
    Выше славы блага нет.
    Нашу персть — земля возьмет,
    Имя славное — нетленно.

Хоть о падших, побежденных
И молчит победный клик,
Но и в родах отдаленных,
Гектор, будешь ты велик!..
Вечной памяти достоин, —
Сын Тидеев провещал, —

Кто как честный, храбрый воин,
Край отцов спасая, пал...
Честь тому, кто, не робея,
Жизнь за братий положил!
Победитель — победил,
Слава падшего святее!

Старец Нестор днесь, маститый
Брашник, кубок взяв, встает
И сосуд, плющом обвитый,
Он Гекубе подает:
«Выпей, мать, струи целебной
И забудь весь свой урон!
Силен Вакха сок волшебный,
Дивно нас врачует он...»
Мать, вкуси струи целебной
И забудь судеб закон.
Дивно нас врачует он,
Бога Вакха дар волшебный.

И Ниобы древней сила
Горем злым удручена,
Соку дивного вкусила —
И утешилась она.
Лишь сверкнет в застольной чаше
Благодатное вино,
В Лету рухнет горе наше
И пойдет, как ключ, на дно.
Да, пока играет в чаше
Всемогущее вино,
Горе в Лету снесено,
В Лете тонет горе наше!

И воздвиглась на прощанье
Провозвестница жена,
И исполнилась вещанья
Вдохновенного она;
И пожарище родное
Обозрев в последний раз:
«Дым и пар — здесь всё земное,
Вечность, боги, лишь у вас!

Как уходят клубы дыма,
Так уходят наши дни!
Боги, вечны вы одни, —
Всё земное идет мимо!»

<1851>

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..

О нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

<1851>

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьем молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.

Май 1851

* * *

Не раз ты слышала признанье:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она созданье —
Но как я беден перед ней...

Перед любовию твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюся тебе...

Когда, порой, так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колено
Пред колыбелью дорогой,

Где спит *она* — твое рожденье —
Твой безыменный херувим, —
Пойми ж и ты мое смиренье
Пред сердцем любящим твоим.

1851

НАШ ВЕК

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

10 июня 1851

ВОЛНА И ДУМА

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе, —
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой.

14 июля 1851

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Всё в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загоралися порою...

14 июля 1851

* * *

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

6 августа 1851

* * *

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, —
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть, —
Но с страстной женскою душой.

1 ноября 1851

* * *

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

1851

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаясь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1851

* * *

Недаром милосердым богом
Пугливой птичка создана —
Спасенья верного залогом
Ей робость чуткая дана.

И нет для бедной пташки проку
В свойстве с людьми, с семьей людской...
Чем ближе к ним, тем ближе к Року —
Несдобровать под их рукой...

Вот птичку девушка вскормила
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, взрастила
И не жалела, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.

Но как, с любовию тревожной,
Ты, дева, ни пеклась о ней,
Наступит день, день непреложный —
Питомец твой неосторожный
Погибнет от руки твоей...

1851

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

1851(?)

‹ИЗ ГЕТЕ›

Kennst du das Land?..[1]

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..

---

[1] Ты знаешь край?.. (нем.). — *Ред.*

Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.

Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?
Лошак бредет в тумане по снегам,
В ущельях гор отродье змей живет,
Гремит обвал и водопад ревет...
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Лежит наш путь — уйдем, властитель мой.

Ты знаешь дом на мраморных столпах?
Сияет зал и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное дитя? ..»
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Уйдем скорей, уйдем, родитель мой.

1851 (?)

‹ИЗ ШИЛЛЕРА›

Es lächelt der See...[1]

С озера веет прохлада и нега, —
Отрок заснул, убаюкан у брега.
Блаженные звуки
Он слышит во сне;
То ангелов лики
Поют в вышине.

И вот он очнулся от райского сна, —
Его, обнимая, ласкает волна,
И слышит он голос,
Как ропот струи:
«Приди, мой красавец,
В объятья мои!»

1851(?)

---

[1] Смеется озеро... (нем.). — *Ред.*

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

1851 (?)

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. о, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

1851 или 1852

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

1851 или 1852

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что как святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

1851 или 1852

* * *

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их — знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,

Такое слышалося горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

<1852>

БЛИЗНЕЦЫ

Есть близнецы — для земнородных
Два божества, — то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

<1852>

* * *

Mobile comme l'onde [1]

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет — в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоем.

Апрель 1852

---

[1] Непостоянная, как волна (франц.). — *Ред.*

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКОГО

1

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаяся с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...
О, как они и грели и сияли —
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

2

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
Он всё в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих первоначальных лет...
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

3

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змииной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

4

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...

Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
«Лишь сердцем чистые, те узрят бога!»

Конец июня 1852

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

28 июля 1852

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Между 1852—1854

НЕМАН

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...

Ты помнишь ли былое, Неман?
Тот день годины роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам — могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?..

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и всё стерег
Очами чудными своими...

Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* — стоял и ждал...
И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...

И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

Начало сентября 1853

ЛЕТО 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, спрошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас!..

Август 1854

* * *

Увы, что нашего незнанья
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: *До свиданья*
Чрез бездну двух или трех дней?

11 сентября 1854

* * *

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Ложь воплотилася в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, —
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещенье!

О, в этом испытаньи строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом...

24 октября 1854

* * *

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
Я брожу как бы во сне, —
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю...
Слава богу, я с тобою,
А с тобой мне — как в раю.

10 июля 1855

* * *

Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел, и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,
И кружится всё над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

13 августа 1855

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

* * *

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

‹ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО›

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

1855

* * *

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

1855

1856

Стоим мы слепо пред Судьбою.
Не нам сорвать с нее покров...
Я не *свое* тебе открою,
А бред пророческий духов...

Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, —
И вот — в железной колыбели,
В громах родился Новый год...

Черты его ужасно строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Принес он людям на земле.

Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар, —
Он совершит, как поздний мститель,
Давно задуманный удар...

Для битв он послан и расправы,
С собой принес он два меча:
Один — сражений меч кровавый,
Другой — секиру палача.

Но для кого? .. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен? ..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...

31 декабря 1855

* * *

Так, в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.

Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Всё пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Всё мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!

1855(?)

* * *

Всё, что сберечь мне удалось,
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

8 апреля 1856

(ИЗ ШИЛЛЕРА)

С временщиком Фортуна в споре
К убогой Мудрости летит:
«Сестра, дай руку мне — и горе
Твоя мне дружба облегчит.

Дарами лучшими моими
Его осыпала, как мать, —
И что ж? Ничем не насытимый,
Меня скупой он смел назвать! ..

София, верь мне, будем дружны!
Смотри: вот горы серебра —

Кинь заступ твой, теперь ненужный, —
С нас будет, милая сестра». —

«Лети! — ей Мудрость отвечала. —
Не слышишь? Друг твой жизнь клянет —
Спаси безумца от кинжала,
А мне в Фортуне нужды нет. . .»

<1857>

Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою,
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

4 февраля 1857

* * *

Прекрасный день его на Западе исчез,
Полнеба обхватив бессмертною зарею,
А он из глубины полуночных небес —
Он сам глядит на нас пророческой звездою.

11 апреля 1857

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой? ..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

15 августа 1857

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Август 1857

* * *

В часы, когда бывает
Так тяжко на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;

Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, —

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струею по стенам;

И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла,
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

<1858>

* * *

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

<1858>

(другой.)

Не остывшая от зною
Ночь июльская блистала.
И над тусклою землею
Небо полное грозою
Все в зарницах трепетало

—

Словно тяжкие ресницы
~~[illegible] порой~~ Подымались над землею...
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались ~~над землею~~ порою —

III.

Весь день она, [illegible] [illegible] —
И [illegible] её уста тихо повторяли —
Лишь тесный, [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible]
По листьям весело звучали —

И медленно [illegible] она:
И молча при слушанье к шуму —
И долго слушала — улыбаясь,
Погружаясь в безмятежную думу....
И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и любя
Сознательно она проговорила:
«Я [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
И когда уже [illegible] — я любила!...
. . . .

[illegible] [illegible], — и [illegible], [illegible] — [illegible].
[illegible], никому [illegible] не узнать —
О Господи!.. и [illegible] [illegible] . . . . .
И [illegible] не [illegible] не [illegible] . . . .

* * *

Когда *осьмнадцать лет* твои
И для тебя уж будут сновиденьем, —
С любовью, с тихим умиленьем
И их и *нас* ты помяни...

23 февраля 1858

‹ИЗ ЛЕНАУ›

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, —

Пойдем и взглянем вдоль реки,
Туда, по склону вод,
Куда стремглав бегут струи,
Куда поток несет —

Неодолим, неудержим,
И не вернется вспять...
И чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы льются из очей,
И видим мы сквозь слез,
Как всё быстрее и быстрей
Волненье понеслось...

Душа впадает в забытье —
И чувствует она,
Что вот помчала и ее
Великая волна.

15 августа 1858

* * *

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят,
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

22 октября 1858

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

I

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал — и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек — не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край —
Путь далек — не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль — с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Всё голо так — и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытьи изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

Конец октября 1859

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.

Мы видим: с голубого своду
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там...

Всё лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко...
Так разно с тем, что в нашем мире, —
И в чистом пламенном эфире
Душе так родственно-легко.

Проснулись мы, — конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять.

Но долго звук неуловимый
Звучит над нами в вышине,
И пред душой, тоской томимой,
Всё тот же взор неотразимый,
Всё та ж улыбка, что во сне.

1859

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

На небе месяц — и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, —

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Декабрь 1859 (?)

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, —

Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как всё удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, —
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

<1861>

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКОГО

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно.

Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет —
И с первым сном она бежит от них.

Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная, является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи нет второй!

Не то от ней присуждено вам было:
Вас юношей настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее всё была.

И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз, —
И в кубок ваш всё жарче и светлее
Так вдохновение лилось.

И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подымем в честь богине
Ваш полный, пенистый фиал!

Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!

Потом мы все, в молитвенном молчанье,
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.

Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи —
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

Так верим мы, незримыми гостями
Теперь они, покинув горний мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир.

За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше
Пускай кипит и искрится оно!..

Конец февраля — начало марта 1861

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И всё еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

27 марта 1861

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей —
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей...

Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...

Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад —
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...

12 июля 1861

* * *

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты — жизнь, назначенная к бою,
Ты — сердце, жаждущее бурь.

Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь — я ухожу.

Я слышал утренние грезы
Лишь пробудившегося дня...
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слезы, —
Нет, это все не для меня!

Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей весне...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета
Нам смутно грезившемся сне.

25 июля 1861

ПРИ ПОСЫЛКЕ НОВОГО ЗАВЕТА

Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой,

Ты билась с мужеством немногих,
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.

Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло —
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.

Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни —
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.

1861

* * *

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой —
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

Апрель 1862

* * *

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит,

И жизнь и свет внесет с собою,
Всё огласит и озарит;

Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, —

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.

Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодела
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.

И самый дом наш будто ожил,
Ее жилицею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.

Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья, —
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,

Радушный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей,
И этот длинный тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.

1863

* * *

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы всё забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...

11 октября 1864

* * *

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

3 ноября 1864

* * *

О, этот Юг! о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

21 ноября — 13 декабря 1864

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»
. . . .

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

1864

ENCYCLICA[1]

Был день, когда господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм,
И, собственным мечом своим заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.

Еще страшней, еще неумолимей
И в наши дни — дни божьего суда —
Свершится казнь в отступническом Риме
Над лженаместником Христа.

Столетья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темные дела,
Но не простится правдой бога
Его последняя хула...

Не от меча погибнет он земного,
Мечом земным владевший столько лет, —
Его погубит роковое слово:
«Свобода совести есть бред!»

21 декабря 1864

* * *

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?

---

[1] Энциклика (лат.), то есть папское послание. — *Ред.*

Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сияньи,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаяньи
Всю потопил бы я душу свою...

2 января 1865

* * *

Когда на то нет божьего согласья,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови.

Он милосердый, всемогущий,
Он греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

12 января 1865

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

Конец марта 1865

* * *

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но бог недаром в нем сказался —
Бог верен избранным своим...

Сто лет прошли в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...

Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,

На всей своей разумной воле
Его приветствует она...

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь *память вечную* гласим.

Да, велико его значенье —
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещенье,
Не нас поработил ему, —

Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Начало апреля 1865

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis [1]

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

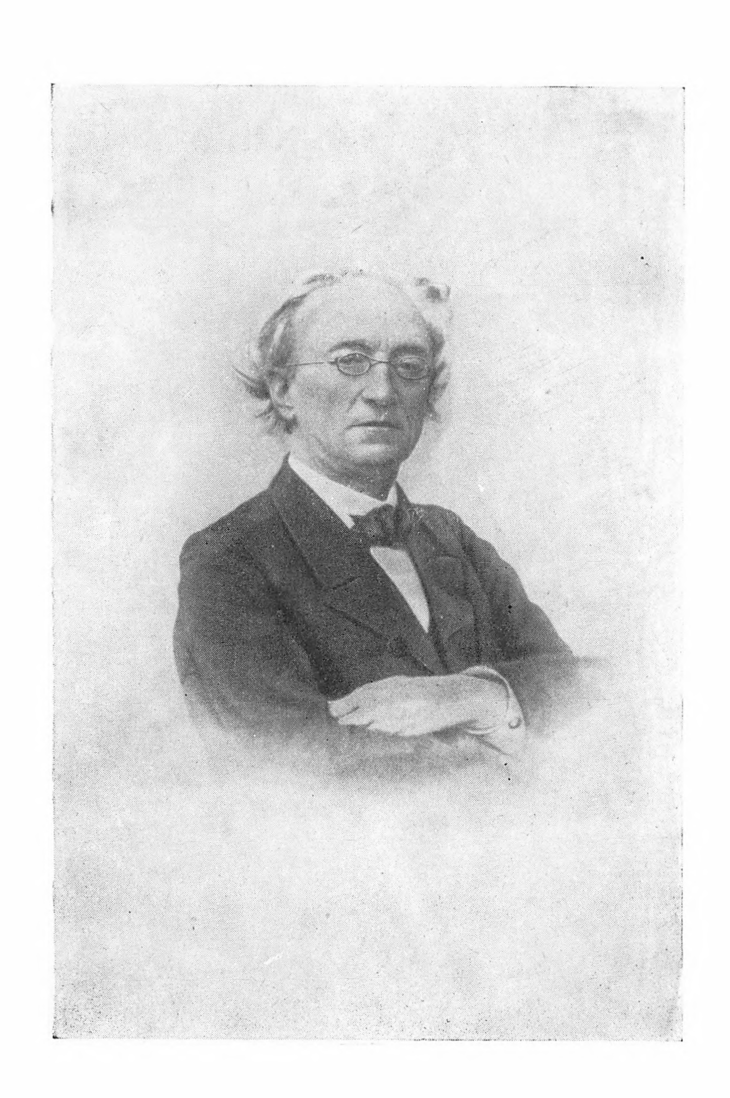
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

11 мая 1865

---

[1] Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках (лат.). — *Ред.*

ДРУГУ МОЕМУ Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Нет боле искр живых на голос твой приветный —
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит — во мраке незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра.

30 мая 1865

* * *

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

15 июля 1865

* * *

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и долы,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она всё ярче, всё живее —
Вся разгорается она —

Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей.

29 июля 1865

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

18 августа 1865

* * *

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, —

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

23 ноября 1865

* * *

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилося над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Всё в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

21 декабря 1865

Н. И. КРОЛЮ

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.

И всё для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно, —
Но чья-то песнь вдруг раздалась...

И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел,
Небесный свод поголубел
И вновь подернулся сияньем...

И всё опять зазеленело,
Всё обратилося к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.

Первая половина 1860-х годов

* * *

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознанья,
Что *нас* поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Начало сентября 1866

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

28 ноября 1866

НА ЮБИЛЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА

Великий день Карамзина
Мы поминая братской тризной,
Что скажем здесь перед отчизной,
На что б откликнулась она?

Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим —
Народный праздник и семейный?

Какой пошлем тебе привет —
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души,
Высокой и ко благу страстной, —

Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?

Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший всё совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Всё человечески-благое,
И русским чувством закрепить, —

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

30 ноября — 1 декабря 1866

* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Всё гуще мрак, всё пуще горе,
Всё неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда...

20 декабря 1866

* * *

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей былых.

Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь былое чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое былое
Словно дышит в забытьи;
Дремлет сладко, беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

1866

В РИМЕ

(С французского)

Средь Рима древнего сооружалось зданье —
То Нерон воздвигал дворец свой золотой.
Под самою дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, царь земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя». —
«Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной!» —
«Весь мир тебе слугой, а мне слугою — Время».

Конец декабря 1866 — начало января 1867

ДЫМ

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес, —
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.

Лучи сквозили, трепетали тени;
Не умолкал в деревьях птичий гам;

Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог взывал по временам.

На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу нам, из полутьмы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние созданья,
Но близок был нам этот дивный мир.

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?

Что это? призрак, чары ли какие?
Где мы? и верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым — безотрадный, бесконечный дым!

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет,
Всё тот же лес, волшебный и родной.

26 апреля — начало мая 1867

СЛАВЯНАМ

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!

Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы — свои!

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, —
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но всё же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но всё же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России — не прощают вас!

Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: — Это я!
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознанье,
Как божья кара, их страшит!

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас — насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их, как наследие славян.

И то, что длилося веками,
Не истощилось и поднесь,
И тяготеет и над нами —
Над нами, собранными здесь...
Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронуто Коссово поле,
Не срыта Белая Гора!

А между нас — позор немалый, —
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим.

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим провиденью —
Ему известны день и час...

И эта вера в правду бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив — верховный промыслитель,
И суд его не оскудел,
И слово *царь-освободитель*
За русский выступит предел...

Начало мая 1867

СЛАВЯНАМ

Man muss die Slaven an die Mauer drücken[1]

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..

Да, стенка есть — стена большая, —
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой.

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, —
Посмотрим, что они возьмут!

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их, —

---

[1] Славян должно прижать к стене (нем.). — *Ред.*

Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

11—16 мая 1867

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

14 октября 1867

* * *

Свершается заслуженная кара
За тяжкий грех, тысячелетний грех...
Не отвратить, не избежать удара —
И правда божья видима для всех...

То божьей правды праведная кара,
И ей в отпор чью помощь ни зови,
Свершится суд... и папская тиара
В последний раз купается в крови.

А ты, ее носитель неповинный, —
Спаси тебя господь и отрезви —
Молись ему, чтобы твои седины
Не осквернились в пролитой крови.

27 октября 1867

* * *

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Всё стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

Июнь 1868

ПОЖАРЫ

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготеет над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один, —
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло,
Беспомóщное дитя.

16 июля 1868

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

МОТИВ ГЕЙНЕ

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день —
Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...

Обессиленный, отдаюсь ему...
Но всё грезится сквозь немую тьму —
Где-то там, над ней, ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит...

<1869>

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

* * *

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней — чужда лицеприятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью
Своей косой равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей — увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой.

Когда она, при роковом сознаньи
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаяньи
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

Март 1869

В ДЕРЕВНЕ

Что за отчаянные крики,
И гам, и трепетанье крыл?
Кто этот гвалт безумно дикий
Так неуместно возбудил?
Ручных гусей и уток стая
Вдруг одичала и летит.
Летит — куда, сама не зная,
И как шальная голосит.

Какой внезапною тревогой
Звучат все эти голоса!
Не пес, а бес четвероногий,
Бес, обернувшийся во пса,
В порыве буйства, для забавы,
Самоуверенный нахал,

Смутил покой их величавый
И их размыкал, разогнал!

И словно сам он, вслед за ними,
Для довершения обид,
С своими нервами стальными,
На воздух взвившись, полетит!
Какой же смысл в движеньи этом?
Зачем вся эта трата сил?
Зачем испуг таким полетом
Гусей и уток окрылил?

Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой,
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой.
И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца,
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.

Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков, —
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг —
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк.

16 августа 1869

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Август 1869

СОВРЕМЕННОЕ

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.

И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.

Угощает он на славу
Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.

И при криках исступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настежь распахнул.

Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!

И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!

И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима дочь, его жена.

С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра,
В сонме царственных гостей,

На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею всё склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, —

Только там, где тени бродят,
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...

Октябрь 1869

Ю. Ф. АБАЗЕ

Так — гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.

В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится, и рвется,
И хочет высказаться вслух...

Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...

Из тяжкой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...

По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки — *душу живу*,
В них вашу душу слышим мы.

22 декабря 1869

* * *

Как нас ни угнетай разлука,
Не покоряемся мы ей —
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.

Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.

И знаем мы: под этой дымкой
Всё то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится — и молчит.

Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.

Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!

Конец 1860-х годов

‹ИЗ ГЕТЕ›

Радость и горе в живом упоеньи,
Думы и сердце в вечном волненьи,
В небе ликуя, томясь на земли,
Страстно ликующей,
Страстно тоскующей,
Жизни блаженство в одной лишь любви...

Февраль 1870

ГУС НА КОСТРЕ

Костер сооружен, и роковое
Готово вспыхнуть пламя; всё молчит, —
Лишь слышен легкий треск, и в нижнем слое
Костра огонь предательски сквозит.

Дым побежал — народ столпился гуще;
Вот все они — весь этот темный мир:
Тут и гнетомый люд, и люд гнетущий,
Ложь и насилье, рыцарство и клир.

Тут вероломный кесарь, и князей
Имперских и духовных сонм верховный,
И сам он, римский иерарх, в своей
Непогрешимости греховной.

Тут и она — та старица простая,
Не позабытая с тех пор,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.

И на костре, как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит:
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится — и голос не дрожит...

Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель
В своей высокой простоте, —

Не изменив ни богу, ни народу,
Боролся он — и был необорим —
За правду божью, за ее свободу,
За всё, за всё, что бредом назвал Рим.

Он духом в небе — братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственною кровью
Христову кровь он отстоял для них.

О чешский край! о род единокровный!
Не отвергай наследья своего!
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!

И, цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено.

15—17 марта 1870

К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870

* * *

Над русской Вильной стародавной
Родные теплятся кресты —
И звоном меди православной
Все огласились высоты.

Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела —
И даже мерзость запустенья
Здесь райским крином расцвела.

Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.

Оттуда смутным сновиденьем
Еще дано ему порой
Перед всеобщим пробужденьем
Живых тревожить здесь покой.

В тот час, как с неба месяц сходит,
В холодной, ранней полумгле,
Еще какой-то призрак бродит
По оживающей земле.

1870

ДВА ЕДИНСТВА

Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Конец сентября 1870

* * *

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдет!

Но этой веры *для немногих*
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца всё претерпел.

1870

* * *

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.

И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом, —

Кто, полный бодрого терпенья,
Расчет с отвагой совмещал —
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.

Но кончено ль противоборство?
И как могучий ваш рычаг
Осилит в умниках упорство
И бессознательность в глупцах?

Ноябрь — начало декабря 1870

* * *

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один, — и пусто всё кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой — и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И — что со мной, не сознавая сам...

Бесследно всё — и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды в том?
Всё будет то ж — и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

11 декабря 1870

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Пятнадцать лет с тех пор минуло,
Прошел событий целый ряд,
Но вера нас не обманула —
И севастопольского гула
Последний слышим мы раскат.

Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя;
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово;
То слово — русского царя.

И всё, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно,
Пред честностью его державной
Всё рушилось само собой.

И вот: *свободная стихия,* —
Сказал бы наш поэт родной, —
Шумишь ты, как во дни былые,
И катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой!..

Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил — насилье пало:
Оно пошло как ключ ко дну.

Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.

И то, что ты во время оно
От бранных скрыла непогод
В свое сочувственное лоно,
Отдашь ты нам — и без урона —
Бессмертный черноморский флот.

Да, в сердце русского народа
Святиться будет этот день, —
Он — наша внешняя свобода,
Он Петропавловского свода
Осветит гробовую сень...

Начало марта 1871

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезою природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

17 августа 1871

* * *

День православного Востока,
Святой, святой, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!

Но и святой Руси пределом
Его призыва не стесняй:
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край,

Своею дальнею волною
И ту долину захватя,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя, —

Тот светлый край, куда в изгнанье
Она судьбой увлечена,
Где неба южного дыханье
Как врачество лишь пьет она...

О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей полей,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...

Апрель 1872

* * *

Всё отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

Февраль 1873

II

ЛЮБЕЗНОМУ ПАПЕНЬКЕ!

В сей день счастливый нежность сына
Какой бы дар принесть могла!
Букет цветов? — но флора отцвела,
И луг поблекнул и долина.
Просить ли мне стихов у муз?
У сердца я спрошусь.
И вот что сердце мне сказало:
В объятьях счастливой семьи,
Нежнейший муж, отец-благотворитель,
Друг истинный добра и бедных покровитель,
Да в мире протекут драгие дни твои!
Детей и подданных любовью окруженный,
На лицах вкруг себя радость узришь ты.
Так солнце, с горней высоты,
С улыбкой смотрит на цветы,
Его лучами оживленны.

1810-е годы

* * *

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю — о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,

И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

1810-е годы

ДВУМ ДРУЗЬЯМ

В сей день, блаженный день, одна из вас приняла
И добродетели и имя девы той,
Котора споборала
Религии святой;
Другой же бытие Природа даровала.

Она обеих вас на то произвела,
Чтоб ваши чувства и дела
Взаимно счастье составляли
И полу нежному пример бы подавали.

Разлука угнетает вас,
О верные друзья! настанет вскоре час —
Приятный, сладостный, блаженный час свиданья:
И в излиянии сердец
Вы узрите ее конец
И позабудете минувшие страданья!..

4 декабря 1816

* * *

Пускай от зависти сердца зоилов ноют.
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут...
Питомца своего пиериды покроют
И *Дивного* во храм бессмертья проведут!

8 мая 1818

* * *

«Не дай нам духу празднословья»!
Итак, от нынешнего дня
Ты в силу нашего условья
Молитв не требуй от меня.

Начало 1820-х годов

ПРОТИВНИКАМ ВИНА

(Яко и вино веселит сердце человека)

1

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.

2

Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.

3

Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.

4

Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?

5

Но честь и слава Ною, —
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.

6

Ни ссоры, ни упреку
Не нажил за бокал,
И часто гроздий соку
В него он подливал.

7

Благие покушенья
Сам бог благословил —
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.

8

Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.

9

Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

Начало 1820-х годов

ХАРОН И КАЧЕНОВСКИЙ

<Отрывок>

Харон

Неужто, брат, из царства ты живых —
Но ты так сух и тощ. Ей-ей, готов божиться,
Что дух нечистый твой давно в аду томится!

Каченовский

Так, друг Харон. Я сух и тощ от книг...
Притом (что долее таиться?)
Я полон желчи был — отмстителен и зол,
Всю жизнь свою я пробыл спичкой...

1820(?)

СРЕДСТВО И ЦЕЛЬ

Стяжать венок от вас не мечу,
Но ваши похвалы люблю,
Коль на пути своем их встречу.

Балласт хотя не назначает,
Куда и как плыть кораблю,
Но ход его он облегчает.

<1829>

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I

<С немецкого>

О Николай, *народов победитель*,
Ты имя оправдал свое! Ты победил!
Ты, господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов его смирил...

Настал конец жестоких испытаний,
Настал конец неизреченных мук.
Ликуйте, христиане!
Ваш бог, бог милости и браней,
Исторг кровавый скиптр из нечестивых рук.

Тебе, тебе, послу его велений —
Кому сам бог вручил свой страшный меч, —
Известь народ его из смертной тени
И вековую цепь навек рассечь.
Над избранной, о царь, твоей главою
Как солнце просияла благодать!
Бледнея пред тобою,
Луна покрылась тьмою —
Владычеству Корана не восстать...

Твой гневный глас послыша в отдаленье,
Содроглися Османовы врата:
Твоей руки одно лишь мановенье —
И в прах падут к подножию креста.
Сверши свой труд, сверши людей спасенье.
Реки: «Да будет свет» — и будет свет!
Довольно крови, слез пролитых,
Довольно жен, детей избитых,
Довольно над Христом ругался Магомет!..

Твоя душа мирской не жаждет славы,
Не на земное устремлен твой взор.
Но тот, о царь, кем держатся державы,
Врагам твоим изрек их приговор...
Он сам от них лицо свое отводит,
Их злую власть давно подмыла кровь,
Над их главою ангел смерти бродит,
Стамбул исходит —
Константинополь воскресает вновь...

1829

ЗНАМЯ И СЛОВО

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья — русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?

25 июня 1842

* * *

Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства,
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй.

1848

ПОЧТЕННЕЙШЕМУ ИМЕНИННИКУ ФИЛИППУ ФИЛИППОВИЧУ ВИГЕЛЮ

Прими как дар любви мое изображенье,
Конечно, ты его оценишь и поймешь, —
Припомни лишь при сем простое изреченье:
«Не по хорошу мил, а по милу хорош».

14 ноября 1849

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Конец 1840-х годов

* * *

Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь святую Русь...

Иль, все святые упованья,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречется для тебя?..

Иль так ты дорог провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?..

Не верь в святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой, —
И бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей, —

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет! вам ее не запрудить!..

Май 1850

* * *

Уж третий год беснуются язы́ки,
Вот и весна — и с каждою весной,
Как в стае диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосней крики.

В раздумье грустном князи и владыки
И держат вожжи трепетной рукой,
Подавлен ум зловещею тоской —
Мечты людей, как сны больного, дики.

Но с нами бог! Сорвавшися со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина, —

Но твоего не помутила зрака!..
Ветр свирепел. Но... «Да не будет тако!»
Ты рек — и вспять отхлынула волна.

1850

* * *

Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится, —
А помирятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...

1850

СПИРИТИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.

1853 или 1854

ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА АВСТРИЙСКОГО ЭРЦГЕРЦОГА НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

Нет, мера есть долготерпенью,
Бесстыдству также мера есть!..
Клянусь его венчанной тенью,
Не все же можно перенесть!

И как не грянет отовсюду
Один всеобщий клич тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой его доски!

Прочь с их предательским лобзаньем,
И весь апостольский их род
Будь заклеймен одним прозваньем:
Искариот, Искариот!

1855

ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ

О, в эти дни — дни роковые,
Дни испытаний и утрат —
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!

Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет навстречу к ней
И горсть живых еще друзей,
И столько милых, милых теней!

16 октября 1855

* * *

Тому, кто с верой и любовью
Служил земле своей родной —
Служил ей мыслию и кровью,
Служил ей словом и душой,
И кто — недаром — провиденьем,
На многотрудном их пути,
Поставлен новым поколеньям
В благонадежные вожди...

4 января 1856

* * *

Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней вышине,
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосягаемы оне...

И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.

Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.

Их бодрый, радующий души,
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.

Для мира дольнего отрада,
Они — краса небес родных,
Для *этих звезд* очков не надо,
И близорукий видит их...

20 декабря 1859

MEMENTO[1]

Vevey 1859 — Genève 1860[2]

Ее последние я помню взоры
На этот край — на озеро и горы,
В роскошной славе западных лучей, —
Как сквозь туман болезни многотрудной,
Она порой ловила призрак чудный,
Весь этот мир был так сочувствен ей...

Как эти горы, волны и светила
И в смутных очерках она любила
Своею чуткой, любящей душой —
И под грозой, уж близкой, разрушенья
Какие в ней бывали умиленья
Пред этой жизнью вечно молодой...

Светились Альпы, озеро дышало —
И тут же нам, сквозь слез, понятно стало,
Что чья душа так царственно светла,
Кто до конца сберег ее живую —
И в страшную минуту роковую
Всё той же будет, чем была...

Октябрь 1860

---

[1] Помни (лат.). — *Ред.*
[2] Веве 1859 — Женева 1860 (франц.). — *Ред.*

* * *

Когда-то я была майором,
Тому уж много, много лет,
И вы мне в будущем сулили
Блеск генеральских эполет.
В каком теперь служу я чине,
Того не ведаю сама,
Но к вам прошусь я в ординарцы,
Фельдмаршал русского ума.

Начало марта 1861

АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ

Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою господней благодатью —
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье меньшую братью...

25 марта 1861

* * *

Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым —
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты мировым...

1861

* * *

Он прежде мирный был казак,
Теперь он попечитель дикий;
Филиппов сын — положим, так,
А всё не Александр Великий.

1861

* * *

Обоим Николаям
Мы всех возможных благ желаем
И от души их поздравляем.

6 декабря 1861

А. А. ФЕТУ

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

14 апреля 1862

* * *

Затею этого рассказа
Определить мы можем так:
То грязный русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.

1862

* * *

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь,

Притон разбойничий в дому молитвы,
В одной руке распятие и нож.

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду божью
Людская кривда к бою не звала!..

И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова —
Всё поднялось и всё грозит тебе,

О край родной! — такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Август 1863

ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЮ АЛ. АРК. СУВОРОВУ

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..

Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему, —

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе,
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе, —

Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,

Назло врагам, их лжи и озлобленью,
Назло, увы, и пошлостям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

12 ноября 1863

19-е ФЕВРАЛЯ 1864

И тихими последними шагами
Он подошел к окну. День вечерел,
И чистыми, как благодать, лучами
На западе светился и горел.
И вспомнил он годину обновленья —
Великий день, новозаветный день, —
И на лице его от умиленья
Предсмертная вдруг озарилась тень.

Два образа, заветные, родные,
Что как святыню в сердце он носил,
Предстали перед ним — царь и Россия,
И от души он их благословил.
Потом главой припал он к изголовью,
Последняя свершалася борьба, —
И сам спаситель отпустил с любовью
Послушного и верного раба.

Февраль 1864

* * *

Не всё душе болезненное снится:
Пришла весна — и небо прояснится.

12 апреля 1864

* * *

Кто б ни был ты, но, встретясь с ней,
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.

1864

КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ

Вам выпало призванье роковое,
Но тот, кто призвал вас, и соблюдет.
Всё лучшее в России, всё живое
Глядит на вас, и верит вам, и ждет.

Обманутой, обиженной России
Вы честь спасли, — и выше нет заслуг;
Днесь подвиги вам предстоят иные:
Отстойте мысль ее, спасите дух...

1864

* * *

Красноречивую, живую
Мою я отповедь читала,
Я всё прекрасно так сказала —
Вполне довольна — *апробу́ю.*

1864(?)

ОТВЕТ НА АДРЕС

Себя, друзья, морочите вы грубо —
Велик с Россией ваш разлад.
Куда вам в члены Английских палат?
Вы просто члены *Английского клуба*...

Январь 1865

* * *

Сын царский умирает в Ницце —
И из него нам строят ков...
«То божья месть за поляков», —
Вот что мы слышим здесь, в столице.

Из чьих понятий диких, узких,
То слово вырваться могло б?..
Кто говорит так: польский поп,
Или министр какой из русских?

О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия, —

И отповедью — да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена — царь в плену!» —
И Русь спасать его не встанет.

8—11 апреля 1865

12-е АПРЕЛЯ 1865

Всё решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца, —
Знать, он пред богом был достоин
Другого, лучшего венца —

Другого, лучшего наследства,
Наследства бога своего, —
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был его...

Но между ним и между нами
Есть связи естества сильней:
Со всеми русскими сердцами
Теперь он молится о ней, —

О ней, чью горечь испытанья
Поймет, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста...

12 апреля 1865

* * *

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил:
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил».

30 апреля 1865

* * *

Велели вы — хоть, может быть, и в шутку —
Я исполняю ваш приказ.
Тут места нет раздумью, ни рассудку,
И даже мудрость без ума от вас, —

И даже он — ваш дядя достославный —
Хоть всю Европу переспорить мог,
Но уступил и он в борьбе неравной
И присмирел у ваших ног...

5 июня 1865

КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ

Есть телеграф за неименьем ног,
Неси он к вам мой стих полубольной.
Да сохранит вас милосердый бог
От всяких дрязг, волнений и тревог,
И от бессонницы ночной.

28 июня 1865

* * *

Бедный Лазарь, Ир убогой,
И с усильем и с тревогой
К вам пишу, с одра привстав,
И привет мой хромоногой
Окрылит пусть телеграф.

Пусть умчит его, играя,
В дивный, светлый угол тот,
Где весь день, не умолкая,
Словно буря дождевая
В купах зелени поет.

28 июня 1865

ГРАФИНЕ А. Д. БЛУДОВОЙ

Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что *пережить* — не значит *жить*, —

Во имя милого былого,
Во имя вашего отца
Дадим же мы друг другу слово:
Не изменяться до конца.

1 марта 1866

* * *

Так! Он спасен! Иначе быть не может!
И чувство радости по Руси разлилось...
Но посреди молитв, средь благодарных слез,
Мысль неотступная невольно сердце гложет:

Всё этим выстрелом, всё в нас оскорблено,
И оскорблению как будто нет исхода:
Легло, увы, легло позорное пятно
На всю историю российского народа!

4 апреля 1866

* * *

Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась —
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...

12 апреля 1866

КНЯЗЮ СУВОРОВУ

Два разнородные стремленья
В себе соединяешь ты:
Юродство без душеспасенья
И шутовство без остроты.

Сама природа, знать, хотела
Тебя устроить и обречь
На безответственное дело,
На безнаказанную речь.

Апрель 1866

* * *

И в божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой,
А всё ж Весна не унывает
И говорит: «Черед за мной! ..»

Бессильна, как она ни злися,
Несвоевременная дурь, —
Метели, вьюги улеглися,
Уж близко время *летних* бурь.

11 мая 1866

* * *

Когда расстроенный кредит
Не бьется кое-как,
А просто на мели сидит,
Сидит себе как рак, —
Кто ж тут спасет, кто пособит?
Ну кто ж, коль не моряк.

3 июня 1866

* * *

На гробовой его покров
Мы, вместо всех венков, кладем слова простые:
Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия.

2 сентября 1866

* * *

Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом
И приветствует Петрополь
Небывалым сентябрем.

Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит

И торжественные флаги
Тихим веяньем струит.

Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по невской глубине —
Югом блещет, югом веет,
И живется как во сне.

Всё привольней, всё приветней
Умаляющийся день, —
И согрета негой летней
Вечеров осенних тень.

Ночью тихо пламенеют
Разноцветные огни...
Очарованные ночи,
Очарованные дни.

Словно строгий чин природы
Уступил права свои
Духу жизни и свободы,
Вдохновениям любви.

Словно, ввек ненарушимый,
Был нарушен вечный строй
И любившей и любимой
Человеческой душой.

В этом ласковом сиянье,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознанье,
Есть сочувственный прием.

И святое умиленье
С благодатью чистых слез
К нам сошло как откровенье
И во всем отозвалось...

Небывалое доселе
Понял вещий наш народ,
И *Дагмарина* неделя
Перейдет из рода в род.

17 сентября 1866

* * *

Хотя б она сошла с лица земного,
В душе царей для правды есть приют.
Кто не слыхал торжественного слова?
Века векам его передают.

И что ж теперь? Увы, что видим мы?
Кто приютит, кто призрит гостью божью?
Ложь, злая ложь растлила все умы,
И целый мир стал воплощенной ложью!..

Опять Восток дымится свежей кровью,
Опять резня... повсюду вой и плач,
И снова прав пирующий палач,
А жертвы... преданы злословью!

О, этот век, воспитанный в крамолах,
Век без души, с озлобленным умом,
На площадях, в палатах, на престолах —
Везде он правды личным стал врагом!

Но есть еще один приют державный,
Для правды есть один святой алтарь:
В твоей душе он, царь наш православный,
Наш благодушный, честный русский царь!

31 декабря 1866

* * *

Как этого посмертного альбома
Мне дороги заветные листы,
Как всё на них так родственно-знакомо,
Как полно всё душевной теплоты!

Как этих строк сочувственная сила
Всего меня обвеяла былым!
Храм опустел, потух огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дым.

1 марта 1867

* * *

Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.

Май 1867

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ А. М. ГОРЧАКОВА

В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия —
Свой меч, иззубренный в бою, —
Он волей призван был державной
Стоять на страже, — и он стал,
И бой отважный, бой неравный
Один с Европой продолжал.

И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот;
Иноплеменный мир дивится,
Одна лишь Русь его поймет.
Он первый угадал, в чем дело,
И им впервые русский дух
Союзной силой признан смело, —
И вот венец его заслуг.

13 июня 1867

* * *

«И дым отечества нам сладок и приятен!» —
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш — и сам талант всё ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит!

1867

ПО ПРОЧТЕНИИ ДЕПЕШ ИМПЕРАТОРСКОГО КАБИНЕТА, НАПЕЧАТАННЫХ В „JOURNAL DE ST.-PETÉRSBOURG“

Когда свершится искупленье
И озарится вновь Восток, —
О, как поймут тогда значенье
Великолепных этих строк!

Как первый яркий луч денницы,
Коснувшись, их воспламенит
И эти вещие страницы
Озолотит и освятит!

И в излияньи чувств народных,
Как божья чистая роса,
Племен признательно-свободных
На них затеплится слеза!

На них записана вся повесть
О том, что было и что есть;
Изобличив Европы совесть,
Они спасли России честь!

5 декабря 1867

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ

Стихов моих вот список безобразный —
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...

В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.

Август 1868

ПАМЯТИ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО

И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца —
Опять вздохнут о горестной утрате
Все честные, все русские сердца.

Душа живая, он необоримо
Всегда себе был верен и везде —
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде...

Но в правду верил он, и не смущался,
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся — и ни разу не поддался...
Он на Руси был редкий человек.

И не Руси одной по нем сгрустнется —
Он дорог был и там, в земле чужой,
И там, где кровь так безотрадно льется,
Почтут его признательной слезой.

22 сентября 1868

* * *

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее — но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

1868

* * *

Вы не родились поляком,
Хоть шляхтич вы по направленью,
А русский вы — сознайтесь в том —
По Третьему лишь отделенью.

Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!

Недаром вашим вы пером
Аристократии служили —
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?

Начало января 1869

* * *

«Нет, не могу я видеть вас. . .» —
Так говорил я в самом деле,
И не один, а сотню раз, —
А вы — и верить не хотели.

В одном доносчик мой неправ —
Уж если доносить решился,
Зачем же, речь мою прервав,
Он досказать не потрудился?

И нынче нудит он меня —
Шутник и пошлый и нахальный —
Его затею устраня,
Восстановить мой текст буквальный.

Да, говорил я, и не раз —
То не был случай одинокий —

Мы все не можем видеть вас —
Без той сочувственно-глубокой

Любви сердечной и святой,
С какой — как в этом не сознаться? —
Своею лучшею звездой
Вся Русь привыкла любоваться.

5 февраля 1869

* * *

Великий день Кирилловой кончины —
Каким приветствием сердечным и простым
Тысячелетней годовщины
Святую память мы почтим?

Какими этот день запечатлеть словами,
Как не словами, сказанными им,
Когда, прощаяся и с братом и с друзьями,
Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...

Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений.

И в свой черед, как он, не довершив труда,
И мы с нее сойдем, и, словеса святые
Его воспомянув, воскликнем мы тогда:
«Не изменяй себе, великая Россия!

Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглым их обманам,
И, как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения славянам»...

15 февраля 1869

11-е МАЯ 1869

Нас всех, собравшихся на общий праздник снова,
Учило нынче нас евангельское слово
В своей священной простоте:
«Не утаится Град от зрения людского,
Стоя на горной высоте».

Будь это и для нас возвещено не всуе —
Заветом будь оно и нам,
И мы, великий день здесь братски торжествуя,
Поставим наш союз на высоту такую,
Чтоб всем он виден был — всем братским племенам.

11 мая 1869

* * *

Как насаждения Петрова
В Екатерининской долине
Деревья пышно разрослись, —
Так насаждаемое ныне
Здесь русское живое слово
Расти и глубже коренись.

Май 1869

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит ввыспрь — очам на диво, .
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест,
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест, —

К стопам его свою обитель
Благоговейно прислоня,
Живешь ты там — не праздный
житель, —
На склоне трудового дня.
И кто бы мог без умиленья
И ныне не почтить в тебе
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую в борьбе?

Да, много, много испытаний
Ты перенес и одолел...
Живи ж не в суетном сознаньи
Заслуг своих и добрых дел;
Но для любви, но для примера,
Да убеждаются тобой,
Что может действенная вера
И мысли неизменный строй.

Август 1869

ЧЕХАМ ОТ МОСКОВСКИХ СЛАВЯН

На ваши, братья, празднества,
Навстречу вашим ликованьям,
Навстречу вам идет Москва
С благоговейным упованьем.

В среду восторженных тревог,
В разгар великого волненья,
Приносит вам она залог,
Залог любви и единенья.

Примите же из рук ея
То, что и *вашим* прежде было,
Что старочешская семья
Такой ценой себе купила, —

Такою страшною ценой,
Что память эта и поныне —
И вашей лучшею святыней
И вашей жизненной струей.

Примите Чашу! Вам звездой
В ночи судеб она светила
И вашу немощь возносила
Над человеческой средой.

О, вспомните, каким она
Была вам знаменьем любимым,
И что в костре неугасимом
Она для вас обретена.

И этой-то великой мзды,
Отцов великих достоянья,
За все их тяжкие труды,
За все их жертвы и страданья,

Себя лишать даете вы
Иноплеменной дерзкой ложью,
Даете ей срамить, увы,
И честь отцов и правду божью!

И долго ль, долго ль этот плен,
Из всех тягчайший, плен духовный,
Еще сносить ты осужден,
О чешский люд единокровный?

Нет, нет, недаром благодать
На вас призвали предки ваши,
И будет вам дано понять,
Что нет спасенья вам без Чаши.

Она лишь разрешит вконец
Загадку вашего народа:
В ней и духовная свобода
И единения венец.

Придите ж к дивной Чаше сей,
Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите к ней
С надеждой, верой и любовью.

Август 1869

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГУ

Спешу поздравить с неудачей:
Она — блистательный успех.
Для вас почетна наипаче
И назидательна для всех.

Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные.

Ах нет, то знают и они;
И что в славянском вражьем мире
Вы совершили — вы одни, —
Все ведают, et inde irae! [1]

Во всем обширном этом крае
Они встречали вас не раз,
В Балканах, Чехах, на Дунае,
Везде, везде встречали вас.

И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,
В академические стены,
В заветную их цитадель,

Казною русской содержимый
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить — непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?

17 декабря 1869

---

[1] Отсюда — гнев (лат.). — *Ред.*

* * *

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сделалась лакейской.

1860-е годы

* * *

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр, по прозвищу *четвертый*,
Аракчеев же *второй*.

1860-е годы

* * *

Так провидение судило,
Чтоб о величии грядущем
Великого славянского царя
Возвещено вселенной было
Не гласом грома всемогущим,
А звучным писком комара.

1860-е годы

* * *

Доехал исправно, усталый и целый,
Сегодня прощаюсь со шляпою белой,
Но с вами расставшись... не в шляпе
тут дело...

14 сентября 1870

* * *

Веленью высшему покорны,
У *мысли* стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не *арестантский*, а *почетный*
Держали караул при ней.

27 октября 1870

* * *

С новым годом, с новым счастьем,
С постоянною удачей —
Вот привет любви собачьей,
Ты прими его с участьем.

1870

* * *

Давно известная всем дура —
Неугомонная цензура
Кой-как питает нашу плоть —
Благослови ее господь!

1870(?)

* * *

Впросонках слышу я — и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

Конец января — начало февраля 1871

ВАТИКАНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Был день суда и осужденья —
Тот роковой, бесповоротный день,
Когда для вящего паденья
На высшую вознесся он ступень, —

И, божьим промыслом теснимый,
И загнанный на эту высоту,
Своей ногой непогрешимой
В бездонную шагнул он пустоту, —

Когда, чужим страстям послушный,
Игралище и жертва темных сил,
Так богохульно-добродушно
Он божеством себя провозгласил...

О новом бого-человеке
Вдруг притча создалась — и в мир вошла,
И святотатственной опеке
Христова церковь предана была.

О, сколько смуты и волнений
С тех пор воздвиг непогрешимый тот,
И как под бурей этих прений
Кощунство зреет и соблазн растет.

В испуге ищут *правду божью*,
Очнувшись вдруг, все эти племена,
И как тысячелетней ложью
Она для них вконец отравлена.

И одолеть она не в силах
Отравы той, что в жилах их течет,
В их самых сокровенных жилах,
И долго будет течь, — и где исход?

. . . .

Но нет, как ни борись упрямо,
Уступит ложь, рассеется мечта,
И ватиканский далай-лама
Не призван быть наместником Христа.

Июль 1871

* * *

Враг отрицательности узкой,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был русский,
В науке был он человеком.

29 декабря 1871

ПАМЯТИ М. К. ПОЛИТКОВСКОЙ

Elle a été douce devant la mort[1]

Многозначительное слово
Тобою оправдалось вновь:
В крушении всего земного
Была ты — кротость и любовь.

В самом преддверьи тьмы могильной
Не оскудел в последний час
Твоей души любвеобильной
Неисчерпаемый запас...

И та же любящая сила,
С какой, себе не изменя,
Ты до конца переносила
Весь жизни труд, всю злобу дня, —

Та ж торжествующая сила
Благоволенья и любви,
Не отступив, приосенила
Часы последние твои.

И ты, смиренна и послушна,
Все страхи смерти победив,
Навстречу ей шла благодушно,
Как на отеческий призыв.

[1] Она была кроткой перед лицом смерти (франц.). — *Ред.*

О, сколько душ, тебя любивших,
О, сколько родственных сердец —
Сердец, твоею жизнью живших,
Твой ранний поразит конец!

Я поздно встретился с тобою
На жизненном моем пути,
Но с задушевною тоскою
Я говорю тебе: прости.

В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной,
Когда всё гуще сходят тени
На одичалый мир земной, —

О, если в страшном раздвоенье,
В котором жить нам суждено,
Еще одно есть откровенье,
Есть уцелевшее звено

С великой тайною загробной,
Так это — видим, верим мы —
Исход души, тебе подобной,
Ее исход из нашей тьмы.

1872

* * *

Мир и согласье между нас
Сказались с первого же дня, —
Поздравим же, перекрестясь,
Тебя со мной, с тобой меня.

21 апреля 1872

* * *

Как бестолковы числа эти,
Какой сумбур в календаре;
Теперь зима уж на дворе,
А мне вот довелось во всем ее расцвете,
В ее прелестнейшей поре,
Приветствовать Весну лишь в позднем ноябре.

23 ноября 1872

* * *

Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов, —
О, этот мир, так молодо-прекрасный, —
Он стоит тысячи миров.

<1872>

* * *

Чертог твой, спаситель, я вижу украшен,
Но одежд не имею, да вниду в него.

<1872>

* * *

Хотел бы я, чтобы в своей могиле,
Как нынче на своей кушетке, я лежал,
Века бы за веками проходили,
И я бы вас всю вечность слушал и молчал.

1872(?)

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПРЕДСМЕРТНОЙ БОЛЕЗНИ

НАПОЛЕОН III

И ты свершил свой подвиг роковой,
Великих сил двусмысленный наследник,
Муж не судеб, а муж случайности слепой —
Ты сфинкс, разгаданный и пошлою толпой,
Но правды божьей, не земной,
Неотразимый проповедник,
Ты миру доказал на деле,
Как шатко всё, в чем этой правды нет:
Ты, целых двадцать бурных лет
Мир волновавший — и без цели,
Ты много в мире лжи посеял,
И много бурь ты возрастил,
И уцелевшего рассеял,
И собранного расточил!
Народ, взложивший на тебя венец,
Ты ложью развратил и погубил вконец:
И, верный своему призванью,
Оторопевший мир игрой своей смутя,
Как неразумное дитя,
Ты предал долгому шатанью.
Спасенья нет в насилье и во лжи,
Как ни орудуй ими смело,
Для человеческой души,
Для человеческого дела.
Знай, торжествующий, кто б ныне ни был он,
Во всеоружии насилья и обмана,
Придет и твой черед, и поздно или рано
Ты ими ж будешь побежден!

Но в искупленье темных дел
Ты миру завещал один урок великий:
Да вразумятся им народы и владыки
И всякий, кто б тебе соревновать хотел; —
Лишь там, лишь в той семье народной,
Где с властью высшею живая связь слышна
И где она закреплена
Взаимной верою и совестью свободной,
Где святы все ее условья
И ей народ одушевлен —
Стоит ли у престола он
Иль бодрствует у изголовья
Одра, где царский сын лежал,
И весь народ еще недавно
Тот одр болезни окружал
Своей молитвой православной, —
О, тут измене места нет,
Ни разновидным ухищреньям,
И крайне жалок был бы тот,
Кто б этот оскорбил народ
Иль клеветой, иль подозреньем.

30 декабря 1872

* * *

Тебе, болящая в далекой стороне,
Болящему и страждущему мне
Пришло на мысль отправить этот стих,
Чтобы с веселым плеском волн морских
Влетел бы <он к> тебе в окно,
Далекий отголосок вод родных,
И слово русское, хоть на одно мгновенье,
Прервало для тебя волн средиземных пенье...
Из той среды, далеко не чужой,
Которой ты была любовью и душой,
Где и поднесь с усиленным вниманьем
Следят твою болезнь <с> сердечным состраданьем,
Будь ближе, чем когда, душе твоей присущ
Добрейший из людей, чистейшая из душ,

Твой милый, добрый, незабвенный муж!
Душа, с которою твоя была слита,
Хранившая тебя от всех соблазнов зла,
С которой заодно всю жизнь ты перешла,
Свершая честно трудный подвиг твой
Примерно-христианскою вдовой!

Привет еще тебе от тени той,
Обоим нам и милой и святой,
Которая так мало здесь гостила,
Страдала храбро так и горячо любила,
Ушла стремглав из сей юдоли слез,
Где ей, увы, ничто не удалось,
По долгой, тяжкой, истомительной борьбе,
Прощая все и людям и судьбе.
И свой родимый край так пламенно любила,
Что, хоть она и воин не была,
Но жизнь свою отчизне принесла;
Во время с нею не могла расстаться,
Когда б иная жизнь спасти ее могла.

Январь 1873

* * *

Британский леопард
За что на нас сердит?
И машет все хвостом,
И гневно так рычит?
Откуда поднялась внезапная тревога?
Чем провинились мы?
Тем, что, в глуби зашед
Степи средиазийской,
Наш северный медведь —
Земляк наш всероссийский —
От права своего не хочет отказаться
Себя оборонять, подчас и огрызаться.
В угоду же друзьям своим
Не хочет перед миром
Каким-то быть отшельником-факиром;

И миру показать и всем воочию,
Всем гадинам степным
На снедь предать всю плоть свою.
Нет, этому не быть! — и поднял лапу...
Вот этим леопард и был так рассержен.
«Ах, грубиян! Ах он нахал! —
Наш лев сердито зарычал. —
Как он, простой медведь, и хочет защищаться
В присутствии моем, и лапу поднимать,
И даже огрызаться!
Пожалуй, это дойдет до того,
Что он вообразит, что есть <и> у него
Такие же права,
Как у меня, сиятельного льва...
Нельзя же допустить такого баловства!»

Конец января 1873

* * *

Конечно, вредно пользам государства
В нем образовывать особенное царство,
Но несогласно с пользами подданства
И в Ханстве возбуждать особенное ханство,
Давно минувших лет возобновлять приемы и следы,
И, устранив все современные лады,
Строй новый заводить,
И самозванно, произвольно
Вдруг на Москве первопрестольной
В затменьи умственном, бог ведает каком,
Вдруг заявить себя ожившим баскаком
Для несуществующей орды.

Конец января 1873

* * *

Во дни напастей и беды,
Когда из Золотой орды
В Москву баскаков насылали,

Конечно, и тогда их выбирали,
Москве предоставляя в дар
Учтивейшего из татар,
Насколько совместимы два эти слова —
Ну, словом, лучшего из той среды,
И не отправили бы Дурнова...
А впрочем, тут много шума из пустого.

Конец января 1873

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЕСНА

Благоуханна и светла
Уж с февраля весна в сады вошла,
И вот миндаль мгновенно зацвела,
И белизна всю зелень облила.

Февраль 1873

* * *

Мы солнцу юга уступаем вас:
Оно одно — должны сознаться мы —
Теплее нашего вас любит, —
А всё-таки, хотя здесь царство и зимы,
Мы ни с какими бы странами
Здешних мест не променяли.
Здесь сердце ваше остается с нами.
Ступайте ж, уезжайте с богом,
Но сердце ваше нам залогом,
Что скоро вы вернетесь к нам.
И пусть в отъезда час со всех сторон,
И даже с бедного одра страданья,
Мольбы, благие пожеланья
За вами понесутся вслед —
Всех русских душ торжественный привет.

Конец февраля 1873

* * *

Вот свежие тебе цветы
В честь именин твоих, —
Еще цветы я рассылаю,
А сам так быстро отцветаю.
Хотелось бы собрать пригоршню дней,
Чтоб сплесть еще венок
Для именинницы моей.

19 марта 1873

17 АПРЕЛЯ 1818

На первой дней моих заре,
То было рано поутру в Кремле,
То было в Чудовом монастыре,
Я в келье был и тихой и смиренной,
Там жил тогда Жуковский незабвенный.
Я ждал его, и в ожиданье
Кремлевских колколов я слушал завыванье.
Следил за медной бурей,
Поднявшейся в безоблачном лазуре
И вдруг смененной пушечной пальбой, —
Все вздрогнули, понявши этот вой.
Хоругвью светозарно-голубой
Весенний первый день лазурно-золотой
Так и пылал над праздничной Москвой.
Тут первая меня достигла весть,
Что в мире новый житель есть
И новый царский гость в Кремле,
Ты в этот час дарован был земле.
С тех пор воспоминанье это
В душе моей согрето
Так благодатно и так мило —
В теченье стольких лет не измен<яло>,
Меня всю жизнь так верно провожало, —
И ныне, в ранний утра час,
Оно, всё так же дорого и мило,

Мой одр печальный посетило
И благодатный праздник возвестило.
Мнилось мне всегда,
Что этот раннего событья самый час
Мне будет на всю жизнь благим
предзнаменованьем,
И не ошибся я: вся жизнь моя прошла
Под этим кротким, благостным влияньем.
И милосердою Судьбою
Мне было счастье суждено,
Что весь мой век я <над собою>
Созвездье видел всё одно —
Его созвездие, — и будь же до конца оно
Моей единственной звездою,
И много, много раз
Порадуй этот день и этот мир, и нас...

17 апреля 1873

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

Царь благодушный, царь с евангельской
душою,
С любовью к ближнему святою,
Принять, державный, удостой
Гимн благодарности простой!
Ты, обнимающий любовию своей
Не сотни, тысячи людей,
Ты днесь воскрыльями ея
Благоволил покрыть и бедного меня,
Не заявившего ничем себя
И не имевшего на царское вниманье
Другого права, как свое страданье!..
Вниманьем благостным своим
Меня призреть ты удостоил
И, дух мой ободрив, ты успокоил...
О, будь же, царь, прославлен и хвалим,
Но не как царь, а как наместник бога,
Склоняющего слух
Не только к светлым легионам

Избранников своих, небесных слуг,
Но и к отдельным, одиноким стонам
Существ, затерянных на сей земле,
И внемлющего их молитвенной хвале.
Чего же, царь, тебе мы пожелаем?
Торжеств ли громких и побед?
От них тебе большой отрады нет!
Мы лучшего тебе желаем,
А именно: чтобы по мере той,
Как призван волей ты святой
Здесь действовать, в печальной сей юдоли,
Ты сознаваем был всё более и боле
Таким, каков ты есть,
Как друг добра нелицемерный...
Вот образ твой и правильный и верный,
Вот слава лучшая для нас и честь!

Апрель 1873

БЕССОННИЦА

(Ночной момент)

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла,
И всюду водворилась мгла,
Всё тихо и молчит; и вот луна взошла,
И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь нескольких церквей, потерянных вдали,
Блеск золоченых глав, унылый тусклый зев
Пустынно бьет в недремлющие очи,
И сердце в нас подкидышем бывает,
И так же плачется и так же изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает,
Но тщетно плачется и молится оно:
Всё вкруг него и пусто и темно!
Час и другой всё длится жалкий стон,
Но наконец, слабея, утихает он.

Апрель 1873

* * *

Хоть родом он был не славянин,
Но был славянством всем усвоен,
И честно он всю жизнь ему служил,
Он много действовал, хоть мало жил,
И многого ему принадлежит почин —
И делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин.

5 мая 1873

* * *

Бывают роковые дни
Лютейшего телесного недуга
И страшных нравственных тревог;
И жизнь над нами тяготеет
И душит нас, как кошемар.
Счастлив, кому в такие дни
Пошлет всемилосердый бог
Неоценимый, лучший дар —
Сочувственную руку друга,
Кого живая, теплая рука
Коснется нас, хотя слегка,
Оцепенение рассеет
И сдвинет с нас ужасный кошемар
И отвратит судеб удар, —
Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,
И верит сердце в правду и любовь.

1873

КОЛЛЕКТИВНОЕ

СВЯТЫЕ ГОРЫ

Тихо, мягко, над Украйной
Обаятельною тайной
Ночь июльская лежит —
Небо так ушло глубоко,
Звезды светят так высоко,
И Донец во тьме блестит.

Сладкий час успокоенья!
Звон, литии, псалмопенья
Святогорские молчат —
Под обительской стеною,
Озаренные луною,
Богомольцы мирно спят.

И громадою отвесной,
В белизне своей чудесной,
Над Донцом утес стоит,
К небу крест свой возвышая...
И, как стража вековая,
Богомольцев сторожит.

Говорят, в его утробе,
Затворившись, как во гробе,
Чудный инок обитал,
Много лет в искусе строгом
Сколько слез он перед богом,
Сколько веры расточал!..

Оттого ночной порою
Силой и поднесь живою
Над Донцом утес стоит —
И молитв его святыней,
Благодатной и доныне,
Спящий мир животворит.

Май 1862

ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage,
Nous asseoir un instant sur le bord du chemin —
Et sentir sur nos fronts flotter le même ombrage,
Et porter nos regards vers l'horizon lointain.

Mais le temps suit son cours et sa pente inflexible
A bientôt séparé ce qu'il avait uni, —
Et l'homme, sous le fouet d'un pouvoir invisible,
S'enfonce, triste et seul, dans l'espace infini.

Et maintenant, ami, de ces heures passées,
De cette vie à deux, que nous est-il resté?
Un regard, un accent, des débris de pensées. —
Hélas, ce qui n'est plus a-t-il jamais été? [1]

4 avril 1838

---

[1] Мы оба, утомленные путешествием, могли присесть на мгновение на краю дороги и почувствовать, как по нашим челам скользнула та же тень, и устремить наши взоры к далекому горизонту.

Но время идет своим путем, и его неуклонное течение вскоре разделяет то, что оно соединило, — и человек, покорный бичу невидимой власти, погружается печальный и одинокий в бесконечность пространства.

А теперь, друг, от этих прошлых дней, от этой жизни вдвоем — что нам осталось? Взгляд, звук, обрывки мыслей, — увы, то, чего нет, было ли оно когда-нибудь? *4 апреля 1838*. — *Ред.*

* * *

Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface! —
Présent, si peu de chose, et rien quand il est loin.
    Sa présence, ce n'est qu'un point, —
    Et son absence — tout l'espace. [1]

1842(?)

UN RÊVE

«Quel don lui faire au déclin de l'année?
Le vent d'hiver a brûlé le gazon,
La fleur n'est plus et la feuille est fanée,
Rien de vivant dans la morte saison. . .»

Et consultant d'une main bien-aimée
De votre herbier maint doux et cher feuillet,
Vous réveillez dans sa couche embaumée
Tout un Passé d'amour qui sommeillait. . .

Tout un Passé de jeunesse et de vie,
Tout un Passé qui ne peut s'oublier. . .
Et dont la cendre un moment recueillie
Reluit encore dans ce fidèle herbier. . .

Vous y cherchez quelque débris de tige —
Et tout à coup vous y trouvez deux fleurs. . .
Et dans ma main par un secret prodige
Vous les voyez reprendre leurs couleurs.

C'étaient deux fleurs: l'une et l'autre était belle,
D'un rouge vif, d'un éclat peu commun. . .
La rose brille et l'oeillet étincelle,
Tous deux baignés de flamme et de parfum. . .

---

[1] Как мало реален человек, как легко он исчезает! Когда он здесь, он так незначителен! Когда он далеко — он ничто. Его присутствие — не более как точка в пространстве, его отсутствие — все пространство. — *Ред.*

Et maintenant de ce mystère étrange
Vous voudriez reconnaître le sens...
Pourquoi faut-il vous l'expliquer, cher ange?..
Vous insistez. Eh bien soit, j'y consens.

Lorsqu' une fleur, ce frêle et doux prestige,
Perd ses couleurs, languit et se flétrit,
Que du brasier on approche sa tige,
La pauvre fleur aussitôt refleurit...

Et c'est ainsi que toujours s'accomplissent
Au jour fatal et rêves et destins...
Quand dans nos coeurs les souvenirs pâlissent,
La Mort les fait refleurir dans ses mains...[1]

7 octobre 1847

---

[1] Сон

«Какой подарок сделать ему на склоне года? Зимний ветер опалил дерн, цветка уже нет и лист завял; ничего живого в эту мертвую пору».

И, перебирая дорогой для меня рукой нежные и драгоценные страницы своего гербария, вы — в его благоухающем ложе — пробуждаете от дремоты целое прошлое любви...

Целое прошлое юности и жизни, целое прошлое, которого нельзя забыть... и собранный пепел которого на миг еще блестит в этом верном гербарии.

Вы ищете там какой-нибудь обрывок стебля, и вдруг находите два цветка, и вы видите, как в моей руке, тайным чудом, их краски вновь оживают.

Это были два цветка: и тот и другой — прекрасны, ярко-алого, необычного блеска... Роза горит, а гвоздика сверкает, обе залитые пламенем и благоуханием...

А теперь вы хотели бы постигнуть смысл этого странного таинства... К чему вам его объяснять, милый ангел? Вы настаиваете; ну, хорошо, я согласен.

Когда цветок, это хрупкое и нежное очарование, теряет свою окраску, чахнет и блекнет, — стоит лишь приблизить его стебель к горящим угольям, как бедный цветок тотчас вновь расцветает.

И так всегда исполняются в роковой день и мечты и судьбы... Когда в наших сердцах бледнеют воспоминания, смерть заставляет их вновь расцвести в своих руках. *7 октября 1847. — Ред.*

* * *

Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège,
Un fleuve, bloc de glace et que l'hiver ternit —
Et des filets de poussière de neige
Tourbillonnent sur des quais de granit...

La mer se ferme enfin... Le monde recule,
Le monde des vivants, orageux, tourmenté...
Et, bercée aux lueurs d'un vague crépuscule,
Le pôle attire à lui sa fidèle cité... [1]

6 novembre 1848

. LAMARTINE

La lyre d'Apollon, cet oracle des dieux,
N'est plus entre ses mains que la harpe d'Éole,
Et sa pensée — un rêve ailé, mélodieux
Qui flotte dans les airs bercé par sa parole. [2]

Конец 1840-х годов

* * *

Comme en aimant le coeur devient pusillanime,
Que de tristesse au fond et d'angoisse et d'effroi!
Je dis au temps qui fuit: arrête, arrête-toi,

---

[1] Нависшее небо, слишком рано охватываемое ночью, река — ледяная глыба, которой зима придает тусклость, — и нити снежной пыли кружатся на гранитных набережных.

Наконец море замыкается... Мир отступает, мир живых, бурный, измученный... И полюс влечет к себе свой верный город, убаюканный при свете мутных сумерек. *6 ноября 1848.* — *Ред.*

[2] Ламартин.

Лира Аполлона, этого оракула богов, становится в его руках лишь Эоловой арфой, и его мысль — мечта, крылатая, мелодичная, которая реет в воздушных пространствах, убаюкиваемая его словом. — *Ред.*

Car le moment qui vient pourrait comme un abîme
S'ouvrir entre elle et moi.

C'est là l'affreux souci, la terreur implacable,
Qui pèse lourdement sur mon coeur oppressé.
J'ai trop vécu, trop de passé m'accable,
Que du moins son amour ne soit pas du passé. [1]

Конец 1840-х — начало 1850-х годов

* * *

Vous dont on voit briller, dans les nuits azurées,
L'éclat immaculé, le divin élément,
Étoiles, gloire à vous! Splendeurs toujours sacrées!
Gloire à vous qui durez incorruptiblement!

L'homme, race éphémère et qui vit sous la nue,
Qu'un seul et même instant voit naître et défleurir,
Passe, les yeux au ciel. — Il passe et vous salue!
C'est l'immortel salut de ceux qui vont mourir. [2]

23 aout 1850

---

[1] Каким робким становится сердце, когда оно любит! Какой оно исполнено грусти, тоски и страха! Я говорю исчезающему времени: остановись, остановись! Ибо грядущее мгновение может лечь, как разверстая бездна, между нею и мною.

Вот отчего — страшная тревога и неумолимый ужас, тяжко гнетущий мое удрученное сердце. Слишком долго я жил, слишком подавлен прошлым, — лишь бы не стала прошлым и ее любовь. — *Ред.*

[2] Вы, чье непорочное сияние горит в лазурные ночи, божественное начало, звезды, слава вам! Блеск вечно священный! Слава вам, пребывающим неизменно!

Человек, племя преходящее и живущее под небесами, которое в один и тот же миг рождается и отцветает, проходит, возводя очи к небу. Он проходит и приветствует вас! Это бессмертный привет тех, кому предстоит умереть. *23 августа 1850.* — *Ред.*

* * *

Des premiers ans de votre vie
Que j'aime à remonter le cours,
Écoutant d'une âme ravie
Ces récits, les mêmes toujours...

Que de fraîcheur et de mystère,
En remontant ces bords heureux!
Quelle douce et tendre lumière
Baignait ce ciel si vaporeux!

Combien la rive était fleurie,
Combien le flot était plus pur!
Que de suaves rêveries
Se reflétait dans son azur!..

Quand de votre enfance incomprise
Vous m'avez quelque temps parlé,
Je crois sentir dans une brise
Glisser comme un printemps voilé...[1]

12 avril 1851

<ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО>

Oui, le sommeil m'est doux! plus doux — de n'être pas!
Dans ces temps de malheur et de honte suprême
Ne rien voir, rien sentir, c'est la volupté même!..
Craignez de m'éveiller... de grâce, parlez bas...[2]

1855

---

[1] Как люблю я восходить к истокам первых лет вашей жизни, с восхищенною душой внимая этим рассказам, всегда тем же самым...

Сколько свежести и таинственности встречаешь на этих счастливых берегах! Какой сладостный и нежный свет разливался по этому небу, такому туманному!

Каким цветущим был берег, насколько чище была волна! Сколько пленительных мечтаний отражалось в ее лазури!..

Стоит вам начать рассказывать про ваше непонятое детство, как мне кажется, будто я чувствую веяние подернутой дымкой весны. *12 апреля 1851. — Ред.*

[2] Перевод см. на стр. 203 и 323.

* * *

Il faut qu'une porte
Soit ouverte ou fermée —
Vous m'embêtez, ma bien-aimée,
Et que le diable vous emporte. [1]

1856

* * *

D'une fille du Nord, chétive et languissante,
Éclose à l'ombre des forêts,
Vous, en qui tout rayonne et tout rit et tout chante,
Vous voulez emprunter les traits?

Eh bien, pardonnez-moi mon doute involontaire,
Je crains que l'on ne dise, en voyant ce tableau:
«C'est l'oranger en fleur, tout baigné de lumière,
Qui veut simuler un bouleau». [2]

1850-е годы

* * *

De ces frimas, de ces déserts
Là-bas, vers cette mer qui brille,
Allez-vous en, mes pauvres vers,
Allez moi saluer ma fille. [3]

5 mars 1860

---

[1] Надо, чтобы дверь была или открыта, или закрыта... Вы докучаете мне, моя милая, и черт бы вас побрал. — *Ред.*

[2] У распустившейся в тени лесов чахлой и томной дочери Севера — вы, в которой все сверкает, и смеется, и поет, хотите позаимствовать черты?

Ну, так простите мне невольное сомненье; боюсь, как бы не сказали при виде такой картины: «Это померанцевое дерево в цвету, все облитое светом, которое хочет притвориться березой». — *Ред.*

[3] От этой зимы, от этих пустынь, туда, к этому блещущему морю, летите, мои бедные стихи, летите приветствовать мою дочь. *5 марта 1860.* — *Ред.*

* * *

La vieille Hécube, hélas, trop longtemps éprouvée,
Après tant de revers et de calamités,
Se réfugie enfin, reposée et lavée,
Sous l'abri protecteur de vos jeunes bontés.[1]

23 février 1861

* * *

Lorsqu' un noble prince, en ces jours de démence,
Décort de sa main le bourreau des chrétiens, —
Pourrait-on dire encore, ainsi qu'aux temps anciens:
«Honny soit qui mal y pense»?[2]

Июль 1867

* * *

Ah, quelle méprise —
Incroyable et profonde!
Ma fille rose, ma fille blonde
Qui veut se faire *soeur grise*.[3]

1870

---

[1] Старая Гекуба, увы, так долго претерпевавшая испытания судьбы, после стольких превратностей и бедствий наконец прибегает, отдохнувшая и вымытая, под покровительственную защиту вашей юной доброты. *23 февраля 1861.* — *Ред.*

[2] Когда благородный государь, в эти дни безумств, своею рукою награждает палача христиан, можно ли сказать, как в былые времена: «Позор тому, кто дурно об этом думает»? — *Ред.*

[3] Ах, какое недоразумение — глубокое и непостижимое! Моя розовая, моя белокурая дочка хочет стать серой сестрой.

В подлиннике — игра слов: «soeur grise» — сестра милосердия — буквально: серая сестра. — *Ред.*

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

I

ВЕСЕННЕЕ ПРИВЕТСТВИЕ СТИХОТВОРЦАМ

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам! —
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..

Дух силы, жизни и свободы
Возносит, обвевает нас!..
И радость в сердце пролилась
Как отзыв торжества природы,
Как бога животворный глас!..

Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви восторга и весны!..

О вы, чей взор столь часто освящен
Благоговения слезами,
Природы храм отверст, певцы, пред вами!
Вам ключ к нему поэзией вручен!

В парении своем высоком
Не изменяйтесь никогда!..
И вечная природы красота
Не будет вам ни тайной, ни упреком!..

Как полным, пламенным расцветом,
Омытые Авроры светом,
Блистают розы и горят
И зéфир — радостным полетом
Их разливает аромат, —
Так разливайся жизни сладость,
Певцы, за вами по следам!
Так пóрхай ваша, други, младость
По светлым счастия цветам!..

II

ОДИНОЧЕСТВО

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь, задумчивый, в тени дерев густой,
И раскрываются пред мной
Разнообразные вечерние картины! —

Здесь пенится река, там дола красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлет озеро, разлитое широко,
И мирно светит в нем вечерняя звезда!

Зари последний луч во сумраке блуждает
По темной зелени лугов,
Луна медлительно по небу востекает
На колеснице облаков!..

Всё тихо, всё мертво, лишь колокол священный
Протяжно раздался в окрестности немой;
Прохожий слушает, и звук его смиренный
С последним шумом дня сливает голос свой! —

Прелестный край! — Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть не может солнца свет...

С холма на холм влачится взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте. —

Увы! где встречу то, что б взор остановило? ..
Весь мир передо мной, но счастие — нигде!

И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! .. жизни дух от всех вас улетел!
И что вы все теперь, бездушные картины! —
Нет в мире одного — и мир весь опустел!

Встает ли день, ночные ль сходят тени,
И свет и мрак равно противны мне —
Моя судьба не знает изменений:
Вся вечность горести в душевной глубине!

И долго ль страннику томиться в заточенье?
Когда на лучший мир сменю я дольний прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере — исполненье, —
Где солнце истины в нетленных небесах? ..

Тогда, быть может, прояснится
Надежд спасительных таинственный предмет,
К чему душа и здесь еще стремится,
Но токмо там, в своей отчизне, обоймет!

Встают гроза и вихрь, и лист крутят пустынный,
И мне, и мне, как мертвому листу,
Пора из жизненной долины! —
Умчите ж, бурные, умчите сироту! ..

III

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий, подъемлясь, белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его буря лелеет.

Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока,
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и цветет одинока...

IV

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая:
Как весело весенний гром
Из края до другого края
Грохочет в небе голубом!

С горы бежит ручей проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И говор птиц, и ключ нагорный —
Всё вторит радостно громам!

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

V

ПРОБУЖДЕНИЕ

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

Весенней негой утомлен,
Вдался я в сладкое забвенье:
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье.

Безмолвно в сумраке ночном
Ходило лунное сиянье
И ночи зыбкое молчанье
Едва струилось ветерком.

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И между тем какой-то Гений
Из области цветущей Дня
Стезею тайной сновидений
В страну теней увел меня.

VI

SILENTIUM!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи;
Любуйся ими и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими и молчи.

Лишь жить в самом себе умей!
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их заглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи, —
Внимай их пенью и молчи!

VII

СОН НА МОРЕ

И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
И две беспредельности были во мне —
И мной своевольно играли оне.
Кругом, как кимвалы, звучали скалы
И ветры свистели и пели валы.
Я в хаосе звуков летал, оглушен;
Над хаосом звуков носился мой сон...
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой,
В лучах огневицы развил он свой мир,
Земля зеленела, светился эфир...
Сады, лабиринты, чертоги, столпы...
И чудился шорох несметной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц;
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц, —
По высям творенья я гордо шагал,
И мир подо мною недвижно сиял...
Сквозь грезы, как дикий волшебника вой,
Лишь слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

VIII

БЛИЗНЕЦЫ

Есть близнецы — для земнородных
Два божества — то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Есть два другие близнеца —
Две тоже демонские власти —
И нет неодолимей страсти,
Им покоряющей сердца...

Одолевают нас они
Своей неразрешимой тайной,
Союз их кровный — не случайный,
Даны им роковые дни...

И кто ж, когда бунтует кровь
В поре всесильных увлечений,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и Любовь!

IX

НОЧЬ M<ICHEL>ANGELO

Мне любо спать — отрадней камнем быть.
В сей век стыда и язвы повсеместной
Не чувствовать, не видеть — жребий лестный,
Мой сон глубок — не смей меня будить...

X

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Смрад, безобразье, нищета, —
Тут человечество немеет;
Кто ж это всё прикрыть сумеет?..
Ты, риза чистая Христа!

XI

УСПОКОЕНИЕ

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, —

Пойдем и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.

Одна другой наперерыв
Спешат, бегут струи
На чей-то роковой призыв,
Им слышимый вдали...

За ними тщетно мы следим —
Им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы брызнули из глаз —
И видим мы сквозь слез,
Как всё, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и ее
Всесильная волна.

XII

Не двинулась ночная тень,
Высоко в небе месяц светит,
Царит себе — и не заметит,
Что уж родился юный День, —

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

XIII

От жизни той, во дни былые
Пробушевавшей над землей,
Когда здесь силы роковые
Боролись слепо меж собой,
И столько бед здесь совершалось,
И столько крови здесь лилось,
Что уцелело и осталось?
Затихло всё и улеглось.

Лишь кое-где, как из тумана
Давно забытой старины,
Два-три выходят здесь кургана
. . . .

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание вошли все стихотворения Ф. И. Тютчева. Не помещено только несколько стихотворений, приписываемых Тютчеву, но требующих даже для отнесения их в раздел dubia более веских обоснований, чем те, которые имеются. Этим произведениям место лишь в полном издании академического типа.

Впервые включаются в собрание стихотворений Тютчева два шуточных четверостишия: «Почтеннейшему имениннику Филиппу Филипповичу Вигелю» и «Давно известная всем дура...».

Отсутствие подготовленного самим Тютчевым собрания его стихотворений ставит перед редактором ряд трудностей, связанных как с порядком размещения стихотворного материала, так и с вопросами текстологического характера.

Не принимая участия ни в одном из прижизненных изданий своих стихотворений (СПб., 1854, и М., 1868), поэт, однако, высказал явное недовольство тем, что во втором из этих изданий было напечатано множество «мелких стихотворений «на случай», всегда представлявших лишь самый преходящий интерес данного момента» (Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. М., Гослитиздат, 1957, стр. 464). Конечно, многие из таких стихов отличаются высокими художественными достоинствами и существенным образом дополняют наше представление о Тютчеве. И тем не менее, подготовляя к печати собрание стихотворений поэта, редактор обязан считаться с только что приведенным высказыванием самого автора. Это побудило нас в настоящем томе разбить стихотворный материал на два раздела. В первый раздел вошла вся основная лирика Тютчева, все то, что необходимо для правильного и, по возможности, всестороннего понимания его как поэта. Во второй раздел отнесены второстепенные по своему значению стихи. Это прежде всего стихотворения «на случай» в узком смысле слова, часто написанные Тютчевым не столько по внутреннему творческому побуждению, сколько по обязанности или по просьбе окружающих. В этот же раздел включены: большая часть юношеских стихов (в первом разделе, в целях последовательности отображения творческого пути поэта, помещено лишь три самых значительных произведения юношеской поры — «На новый 1816 год», «Послание Горация к Меценату» и «Урания»), большинство эпиграмм, альбомные и шуточные стихотворения, телеграммы в стихах, стихотворения, написанные во время предсмертной болезни (кроме «Всё отнял у меня казнящий бог...», включенного в первый раздел),

французские стихотворения. Внутри обоих разделов стихотворения размещены в хронологическом порядке.

В тех случаях, когда дата имеется в печатной или рукописной редакции, принятой в качестве основного текста, датировка не обосновывается в примечаниях. С целью соблюдения единообразия дата обозначается в обычной последовательности: число, месяц, год, независимо от того, в каком порядке они даны в печатном или рукописном первоисточнике. Даты указываются по старому стилю. В некоторых автографах Тютчева имеются две даты — по старому и новому стилю. Во избежание разнобоя сохраняется только первая. Пометы, указывающие на место написания стихотворения, приводятся в примечаниях. Все точные даты даются в тексте без скобок; даты первых публикаций или год, не позднее которого написано данное произведение, заключаются в угловые скобки. Даты предположительные отмечаются вопросительным знаком.

Значительнейшая часть стихотворений Тютчева до середины 1850-х годов не поддается сколько-нибудь точной датировке. В особенности много недатированных стихов падает на заграничный период творчества поэта. В качестве данных для более или менее условной и предположительной датировки таких стихотворений принимаются характер почерка автографа, водяные знаки бумаги, на которой он написан,[1] местоположение в ряду других автографов, даты цензурных разрешений тех периодических изданий, в которых впервые помещено стихотворение. При этом в отношении стихов, пересылавшихся Тютчевым в Россию из-за границы, между датой цензурного разрешения и временем, позже которого стихотворение не могло быть написано, следует считать не менее двух месяцев: три-четыре недели на пересылку рукописи по почте (такой срок указывает сам Тютчев в одном из своих писем, жалуясь на то, что два месяца приходится ждать ответа на посланное письмо) и примерно столько же на типографские процедуры. Этот срок может быть наполовину сокращен для стихов, которые печатались в те годы, когда Тютчев был в России.

Большую группу недатированных стихов Тютчева составляют стихи, посланные поэтом в самом начале мая 1836 г. своему приятелю и бывшему сослуживцу по русской миссии в Мюнхене кн. И. С. Гагарину. Часть их была напечатана в «Современнике» 1836—1837 гг., остальные были опубликованы уже после смерти поэта, главным образом в «Русском архиве» 1879 г. Предельной датой написания этих стихотворений является, таким образом, апрель 1836 г.

Существенные и до сих пор еще не преодоленные трудности связаны с установлением основного текста значительного количества стихотворений Тютчева. Как уже указывалось, отдельные прижизненные издания его стихов, вышедшие в 1854 и 1868 гг., не могут считаться авторизованными, поскольку сам поэт в подготовке их к печати непосредственного участия не принимал. Положенный в основу этих изданий текст в целом ряде случаев подвергся редакционной правке.

---

[1] Год бумаги вообще является довольно шатким основанием для датировки, когда речь идет о беловых рукописях. Но так как у Тютчева черновые рукописи, как правило, отсутствуют (стихотворение обычно записывалось поэтом прямо набело), год бумаги может приниматься во внимание при датировке стихотворения.

Исправления эти относятся к разному времени и принадлежат Н. А. Некрасову, Н. В. Сушкову и И. С. Тургеневу.[1]

Редакторы всех посмертных дореволюционных изданий сочинений Тютчева основывались на тексте изданий 1854 и 1868 гг. Лишь Г. И. Чулков, сначала в издании «Избранных стихотворений» Тютчева (М., ГИЗ, 1923), а затем в двухтомном «Полном собрании» (М.—Л., «Academia», 1933—1934), дал очищенный от посторонних наслоений текст тютчевских стихов. При этом, в поисках «не столько последней редакции той или иной пьесы, сколько подлинной тютчевской редакции», Г. И. Чулков нередко отдавал незаслуженное предпочтение более ранним автографам перед авторитетными списками и ничем не опороченными печатными текстами. Между тем полное игнорирование прижизненных изданий Тютчева, в особенности сборника 1854 г., недопустимо. Совершенно очевидно, что в распоряжении И. С. Тургенева был ряд не дошедших до нас рукописей поэта. Так, например, общеизвестный текст стихотворения «Весенняя гроза», не внушающий ни малейшего сомнения в его принадлежности Тютчеву, впервые появляется в издании 1854 г. Однако ни автографа, ни списка этой редакции стихотворения не сохранилось.

В четырех изданиях, вышедших под нашей редакцией (Л., 1936, «Библиотека поэта», Малая серия; Л., 1939, «Библиотека поэта», Большая серия; М., Гослитиздат, 1945; М., Гослитиздат, 1957), мы преследовали задачу установления последнего подлинно тютчевского текста каждого стихотворения. Основным критерием при этой работе служил для нас внутренний анализ вариантов, осмысление каждого нового разночтения и, соответственно этому, определение последовательности вносимых Тютчевым изменений. Известны случаи, когда поэт переделывал стихотворение уже после того, как оно было напечатано. Иногда при наличии автографа окончательная редакция представлена не им, а рукописной копией или записью под диктовку. Вот почему редактор вынужден принимать во внимание все существующие списки стихотворений Тютчева, сделанные близкими ему лицами, а таких списков сохранилось немало. Путем внутреннего анализа вариантов, рассматриваемых в связи с особенностями поэтического словаря Тютчева, мы ставили своей целью определить, что в разночтениях прижизненных изданий по сравнению с автографами и первопечатными текстами принадлежит самому поэту и что приходится отнести за счет редакторского вмешательства. Посторонние правки

---

[1] Изучению тютчевского текста посвящены следующие работы: Д. Д. Благой. Тургенев — редактор Тютчева. — Сб. «Тургенев и его время». М., 1923; Г. И. Чулков. Судьба рукописей Тютчева. — «Тютчевский сборник». П., 1923 (перепечатана в книге «Новые стихотворения» Тютчева. М., 1926); он же. Новый Тютчев. — «Литературный критик», 1934, № 5; он же. Об издании стихов Тютчева. — Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений, т. 1. М.—Л., 1933; Н. К. Гудзий. Новое издание стихотворений Тютчева. — «Литературная газета», 1933, № 58, 14 декабря; К. В. Пигарев. Судьба литературного наследства Ф. И. Тютчева. — «Литературное наследство», № 19—21, 1935. Некоторые содержащиеся в этой статье утверждения и наблюдения пересмотрены и уточнены в ходе нашей дальнейшей работы над тютчевским текстом.

в тютчевских стихах сохраняются нами лишь в тех редких случаях, когда имеется уверенность в том, что поправки были приняты поэтом («Смотри, как на речном просторе...»), или же когда их устранение невозможно без нарушения цельности окончательного текста («Не то, что мните вы, природа...», «Поминки», «Чему молилась ты с любовью...»). Если имеется только одна прижизненная публикация стихотворения, текст которой и воспроизводится, источник текста специально в примечаниях не оговаривается.

Ниже, в примечаниях, фамилия Тютчева указывается сокращенно: «Т.» Кроме того, приняты следующие условные обозначения:

А. 1874 г. — И. С. Аксаков. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк. М., 1874.

А. 1886 г. — И. С. Аксаков. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886.

АБ — альбом М. Ф. Тютчевой-Бирилевой с автографами и списками стихотворений Тютчева (собрание К. В. Пигарева).

АВПР — Архив внешней политики России (Москва).

Г — журнал «Галатея».

ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Изд. 1854 г. — Стихотворения Ф. Тютчева. СПб., 1854.[1]

Изд. 1868 г. — Стихотворения Ф. Тютчева. М., 1868.

Изд. 1886 г. — Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1886.

Изд. 1900 г. — Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1900.

Изд. 8-е — Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений, с критико-биографическим очерком В. Я. Брюсова. Изд. восьмое, исправленное и дополненное. Редакция П. В. Быкова. СПб., изд. А. Ф. Маркса.

Изд. «Academia» — Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Редакция и комментарии Георгия Чулкова. Вступительная статья Д. Д. Благого. М.—Л., «Academia», 1933—1934, 2 тома.

Изд. 1939 г. — Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья и общая редакция Вас. Гиппиуса. Редакция текстов и примечания К. Пигарева. Л., «Советский писатель», 1939 («Библиотека поэта», Большая серия).

ЛБ — Отдел рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ЛН — сборники «Литературное наследство».

МА — Архив музея-усадьбы Мураново имени Ф. И. Тютчева (Московская область).

М — журнал «Москвитянин».

НС — Ф. И. Тютчев. Новые стихотворения. Редакция и примечания Георгия Чулкова. М.—Л., «Круг», 1926.

ПД — Отдел рукописей Института русской литературы Академии наук СССР — Пушкинского дома (Ленинград).

---

[1] Издание это первоначально вышло в виде приложения к XLIV тому «Современника» за 1854 г., а затем было выпущено отдельной книжкой (уменьшенного формата) с добавлением 19 стихотворений, напечатанных в XLV томе того же журнала.

РА — журнал «Русский архив».

РБ — журнал «Русская беседа».

РВ — журнал «Русский вестник».

РС — журнал «Русская старина».

С — журнал «Современник».

СЛ — альманах «Северная лира» на 1827 г.

СН — исторический сборник «Старина и новизна».

СП — собрание К. В. Пигарева.

СТ — Сушковская тетрадь. Рукопись неосуществленного издания стихотворений Тютчева, подготовлявшегося к печати в 1851 — начале 1852 г. Н. В. Сушковым (ЦГАЛИ).

ТС — «Тютчевский сборник». П., изд. «Былое», 1923.

«Тютчевиана». — «Тютчевиана. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева». М., «Костры», 1922.

ЦГАЛИ — Центральный государственный литературный архив (Москва).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Москва).

I

На новый 1816 год (стр. 55). Впервые — сб. «Феникс», 1922, кн. 1, стр. 5. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Обличение жестокосердого и порочного вельможи, занимающее более половины стихотворения, позволяет полагать, что эта же самая ода, под измененным заглавием («Вельможа. Подражание Горацию»), была прочитана А. Ф. Мерзляковым в Обществе любителей российской словесности 22 февраля 1818 г., вследствие чего юный Т. был избран в сотрудники Общества. Ряд мотивов и образов оды «На новый 1816 год» навеян поэзией Горация, которой в это время увлекался Т. *Крон* (античн. миф.) — Хронос, бог времени. *Илион* — Троя. *Коцит* (античн. миф.) — река в подземном царстве. *Тартар* (античн. миф.) — часть подземного царства, где обитали души преступников. *Евмениды* (античн. миф.) — богини мести. *Жупел* — сера.

Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду (стр. 57). Впервые — «Труды Общества любителей российской словесности», 1819, ч. 14, стр. 32. Первое печатное произведение Т., являющееся вариацией на тему Горация (см. «Оды», кн. 3, 29). Заглавие принадлежит Т. Стихотворение было прочитано на заседании Общества любителей российской словесности 8 марта 1819 г. *Крины* (слав.) — лилии. *Брашны* (слав.) — кушанья. *Кастальские девы* (античн. миф.) — музы. *Пенат* (античн. миф.) — божество, покровительствующее домашнему очагу. *Сильван* (античн. миф.) — бог, покровитель лесов. *Фемида* (античн. миф.) — богиня правосудия. *Нептуновы владенья* (античн. миф.) — моря. *Нот* (античн. миф.) — южный ветер.

Урания (стр. 59). Впервые — «Речи и отчеты императорского Московского университета» за 1820 г., стр. 1. Прочитано Т. на торжественном собрании университета 6 июля 1820 г. Написано под заметным влиянием Мерзлякова (см. его стихи на темы академических торжеств). *Урания* (античн. миф.) — муза астрономии. *Мнемо-*

зина (античн. миф.) — мать девяти муз. *Хариты* (античн. миф.) — богини женской красоты (то же, что грации). *Аквилон* (античн. миф.) — холодный ветер. *Фарос* — маяк. *Персеполь* — древняя столица Персии. *Мемнон* — гигантская статуя в окрестностях Фив, при появлении солнца издававшая гармонические звуки. *Эгея на брегах* — на берегах Эгейского моря. *Паллада* (античн. миф.) — богиня мудрости. *Певец слепой* — Гомер. *Арей* (античн. миф.) — бог войны (то же, что Марс). *Лебедь Мантуи* — Вергилий. *Сатурн* (античн. миф.) — бог времени. *Феррарский орел* — итальянский поэт Торквато Тассо (1544—1595). *Храм Солимы* — храм Соломона в Иерусалиме. *Нимфы Тага* — нимфы реки Тахо (Таго). *Младой певец* — португальский поэт Камоэнс (1524—1580). *Два гения* — английский поэт Мильтон (1608—1684) и немецкий поэт Клопшток (1724—1803). *Тамиза* — Темза. *Певцы бессмертные вещают бога вам.* Имеются в виду поэмы «Потерянный рай» Мильтона и «Мессиада» Клопштока. *Росский Пиндар* — Ломоносов. *Поллюкс и Кастор* — две самые яркие звезды созвездия Близнецов. *На гроб отца, царя-героя* — Петра I. *Певец Фелицы* — Державин. *Царь-герой* — Александр I. Имеются в виду «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока» Державина. *Закрылись Януса врата* — наступил мир. *Перуны* (слав.) — громы.

«Неверные преодолев пучины...» (стр. 64). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 13. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе дата сопровождается пометой: «Москва». Посвящено поэту-переводчику Семену Егоровичу Раичу (1792—1855) и написано по случаю окончания им перевода Вергилиевых «Георгик» (изд. в 1821 г.). *Древо Аполлона* — лавр.

К оде Пушкина на вольность (стр. 65). Впервые — с цензурными пропусками в строках 8 и 11 — РС, 1887, № 10, стр. 129. Печ. по списку ЛБ — в тетради, принадлежавшей С. Д. Полторацкому, — сверенному со списком, который опубликован в «Северных цветах» на 1903 г., стр. 190. М. П. Погодин отметил в своем дневнике под 1 ноября 1820 г. разговор с Т. о пушкинской оде «Вольность», что дает основание предположительно датировать стихотворный ответ Т. Пушкину ноябрем 1820 г. *Алцей* — Алкей, древнегреческий поэт (VII—VI вв. до н. э.), воспевавший в своих одах ненависть к тирании.

Одиночество (стр. 66). Перевод стихотворения Ламартина «L'isolement». Впервые — «Труды Общества любителей российской словесности», 1822, ч. 2, стр. 231. См. раздел «Другие редакции», II. Печ. по альм. «Новые Аониды» на 1823 г., стр. 92, с исправлением по первопечатному тексту строки 45 (в «Новых Аонидах» она напечатана так: «Встает гроза и вихрь, и лист крутит пустынный»). Датируется 1821—1822 гг. на основании следующих данных: французский подлинник стихотворения Ламартина напечатан в 1820 г.; первоначальная редакция тютчевского перевода написана до 18 марта 1822 г., так как в этот день он был прочитан С. В. Смирновым в Обществе любителей российской словесности; окончательная редакция перевода относится к 1822 г., так как цензурное разрешение «Новых Аонид» помечено 9 января 1823 г.

В е с н а («Любовь земли и прелесть года...») (стр. 67). Впервые — «Труды Общества любителей российской словесности», 1822, ч. 1, стр. 164, под заглавием «Весеннее приветствие стихотворцам» и с ошибочной подписью: Н. Тютчев. См. раздел «Другие редакции», I. Печ. по тексту журн. «Русский зритель», 1828, № 11—12, стр. 195. Написано не позднее 1821 г.

А. Н. М. («Нет веры к вымыслам чудесным...») (стр. 68). Впервые — полностью — «Русский зритель», 1828, № 13—14, стр. 70. Две первые строфы приведены были ранее в статье Д. П. Ознобишина (псевдоним: Делибюрадер) «Отрывок из сочинений об искусствах», помещенный в СЛ, 1827, стр. 358. Посвящено Андрею Николаевичу *Муравьеву* (1806—1874), бывшему, как и Т., учеником С. Е. Раича и участником его литературного кружка. В молодости Муравьев выступал в печати со своими стихами, впоследствии писал по вопросам церковной истории и культа.

Г е к т о р и А н д р о м а х а (стр. 69). Перевод стихотворения Шиллера «Hektors Abschied». Впервые — «Труды Общества любителей российской словесности», 1822, ч. 2, стр. 204. *Пелид* — Ахилл. *Гекторов сын* — Астионакс; взяв Трою, ахеяне сбросили его с городской стены. *Пергам* — город в древней Греции (то же, что Троя). *Стиксовы брега* (античн. миф.) — берега реки Стикс в подземном царстве. *Лета* (античн. миф.) — река забвения в подземном царстве.

«Н а к а м е н ь ж и з н и р о к о в о й...» (стр. 70). Впервые — «Атеней», 1829, январь, кн. 1, стр. 61, под заглавием «К N. N.». Печ. по автографу ЦГАЛИ. Поэт, о котором идет речь в этом стихотворении, — С. Е. Раич. Упоминание в последней строфе о «диспуте магистра» дает основание предположительно датировать стихотворение концом 1822 г., так как 24 октября этого года за «Рассуждение о дидактической поэзии» Раич получил ученую степень магистра словесных наук. *Храм Свободы* — намек на связь Раича с Союзом благоденствия (см. «Восстание декабристов», т. VIII, «Алфавит декабристов». Л., 1925, стр. 161). *Повесть... Орфеевой супруги* — рассказ об Орфее и Евридике в IV книге «Георгик» Вергилия, переведенных Раичем.

П о с л а н и е к А. В. Ш е р е м е т е в у (стр. 71). Впервые — сб. «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 247. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 1. Печ. по списку, сделанному неизвестной рукой (ЦГАЛИ), с уточнениями по списку Д. И. Сушковой (ЦГАЛИ). Датируется по списку, опубликованному в ТС, стр. 41; в этом списке дате предшествует помета: «Минхен». Посвящено Алексею Васильевичу *Шереметеву* (1800—1857), двоюродному брату Т. *От жизни мирно-боевой*. Шереметев, служивший в лейбгвардии конной артиллерии, перешел в это время на должность адъютанта командира 5 пехотного корпуса, генерала-от-инфантерии гр. Петра Александровича *Толстого* (1766—1844). Корпус был расквартирован в Москве. *В саду героя-агронома*. Гр. П. А. Толстой был одним из главных деятелей московского общества сельского хозяйства, членом которого был и А. В. Шереметев. *Гименей* (античн. миф.) — бог брака.

Песнь радости (стр. 71). Перевод стихотворения Шиллера «An die Freude». Впервые — СЛ, 1827, стр. 30. В СЛ дате предшествует помета: «Минхен».

Слезы («Люблю, друзья, ласкать очами...») (стр. 75). Впервые — СЛ, 1827, стр. 182. Печ. по С, 1854, № 5, стр. 7. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 122, в Изд. 1868 г., стр. 98. Датируется по тексту СЛ. В СЛ дата сопровождается пометой: «Минхен». Эпиграф заимствован у английского поэта XVIII в. Томаса Грея, ранние стихи которого написаны по-латыни. *Пафосская царица* (античн. миф.) — Афродита, богиня красоты; на острове Пафосе находился храм, ей посвященный.

Друзьям при посылке «Песни радости» из Шиллера (стр. 76). Впервые — Г, 1829, № 29, стр. 153. Перевод «Песни Радости» относится к февралю 1823 г. и, по-видимому, вскоре после своего написания послан Т. в Россию.

С чужой стороны (стр. 76). Перевод стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...». Впервые — СЛ, 1827, стр. 338. См. раздел «Другие редакции», III. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 121, в Изд. 1868 г., стр. 78. Печ. по С., 1854, № 5, стр. 7. Написано не ранее апреля 1823 г., когда появился немецкий подлинник, и не позднее середины 1826 г., так как 1 ноября этого года помечено цензурное разрешение СЛ. В СЛ после текста помета: «Минхен». Ю. Н. Тынянов обратил внимание на то, что заглавием «С чужой стороны», отсутствующим в подлиннике, Т. придал стихотворению «характер собственной лирической темы» (см. Ю. Н. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 395).

(Из Гейне) «Друг, откройся предо мною...» (стр. 77). Перевод стихотворения Гейне «Liebste sollst mir heute sagen...». Впервые — Г, 1830, № 41, стр. 196 (ценз. разреш. — 17 декабря 1830 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 116, в Изд. 1868 г., стр. 75. Печ. по первой публикации. Написано не ранее апреля 1823 г., когда появился немецкий подлинник.

К Н. («Твой милый взор, невинной страсти полный...») (стр. 77). Впервые — СЛ, 1827, стр. 87. В строке 11-й введена поправка, предложенная В. Я. Брюсовым и обусловленная смыслом (см. РА, 1893, № 3, стр. 251): «Твой взор живет...» вместо «Твой взор живит...». Кому посвящено — неизвестно.

К Нисе (стр. 78). Впервые — альм. «Урания» на 1826 г., стр. 47 (ценз. разреш. — 26 ноября 1825 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 125, в Изд. 1868 г., стр. 83. Печ. по первой публикации. *Ниса* — условно-поэтическое имя.

Песнь скандинавских воинов (стр. 79). Перевод стихотворения Гердера «Morgengesang im Kriege». Впервые — альм. «Урания» на 1826 г., стр. 70 (ценз. разреш. — 26 ноября 1825 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 126, в Изд. 1868 г., стр. 81. Печ. по первой публикации. Строка 37-я исправлена по списку ЦГАЛИ, в «Урании» напечатано: «Кровавая битвы подымет волна», тогда как следует:

«Кровавыя битвы...» (т. е. старинная форма родительного падежа единственного числа прилагательных женского рода). *Петел* (слав.) — петух.

Проблеск (стр. 80). Впервые — альм. «Урания» на 1826 г., стр. 147 (ценз. разреш. — 26 ноября 1825 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 128, в Изд. 1868 г., стр. 157. Печ. по первой публикации. *Воздушная арфа* — музыкальный инструмент в виде ящика с натянутыми в нем струнами, которые издают от движения воздуха мелодические звуки.

В альбом друзьям (стр. 81). Перевод стихотворения Байрона «Lines written in an album at Malta». Впервые — СЛ, 1827, стр. 441 (ценз. разреш. — 1 ноября 1826 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 120, в Изд. 1868 г., стр. 77. Печ. по первой публикации. В подлиннике стихотворение обращено к женщине. Т. подвергает его характерному переосмыслению и адресует «друзьям», что подчеркивается уже самим измененным заглавием.

Сакontала (стр. 81). Вариация на тему Гете (см. его четверостишие «Sakontala», написанное античным пентаметром). Впервые — СЛ, 1827, стр. 430 (ценз. разреш. — 1 ноября 1826 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 110, в Изд. 1868 г., стр. 68. Печ. по первой публикации. *Сакontала* (Шакунтала) — героиня одноименной драмы древнеиндийского поэта Калидасы. Четверостишие Гете вызвано переводом этой драмы на немецкий язык.

14-е декабря 1825 (стр. 82). Впервые — РА, 1881, № 2, стр. 340. Печ. по черновому автографу ЦГАЛИ. Вызвано обнародованием приговора по делу декабристов, и, следовательно, написано во второй половине 1826 г.

Вечер (стр. 82). Впервые — Г, 1830, № 22, стр. 41 (ценз. разреш. — 27 мая 1830 г.). Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано, по всей вероятности, в 1826 г. (автограф первоначальной редакции на одном листе с черновиком стихотворения «14-е декабря 1825»).

(Из Гейне) «Как порою светлый месяц...» (стр. 83). Перевод стихотворения Гейне «Wie der Mond sich leuchtend dränget...». Впервые — Г, 1830, № 8, стр. 76. Немецкий подлинник стихотворения появился в марте 1824 г. Однако перевод Т., по-видимому, датируется не ранее 1827 г. (автограф ЦГАЛИ писан на бумаге с водяным знаком «<18>27») и не позднее 1829 г. (ценз. разреш. Г — 20 февраля 1830 г.).

Приветствие духа (стр. 84). Перевод стихотворения Гете «Geistesgruss». Впервые — Г, 1830, № 38, стр. 3. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 113, в Изд. 1868 г., стр. 71. Черновой автограф ЦГАЛИ написан на одном листе с автографом стихотворения «Как порою светлый месяц...», что дает основание относить «Приветствие духа» к 1827—1829 гг.

(Из Гейне) «Закралась в сердце грусть, — и смутно...» (стр. 84). Перевод стихотворения Гейне «Das Herz ist mir bedrückt, und sehnlich». Впервые — «Искусство», 1923, № 1, стр. 356. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется 1826—1830 гг. (немецкий подлинник стихотворения появился в мае 1826 г.; автограф ЦГАЛИ вырезан из записной книжки поэта, заполнявшейся, по-видимому, не позднее 1830 г.).

Вопросы (стр. 85). Перевод стихотворения Гейне «Fragen». Впервые — Г, 1830, № 40, стр. 133 (ценз. разреш. — 12 декабря 1830 г.). Написано не ранее апреля 1827 г., когда появился немецкий подлинник.

Кораблекрушение (стр. 85). Перевод стихотворения Гейне «Der Schiffbrüchige». Впервые — Изд. 1886 г., стр. 407. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется не ранее апреля 1827 г., когда появился немецкий подлинник, и не позднее 1830 г., так как автограф вырезан из записной книжки, заполнявшейся, по-видимому, не позднее 1830 г.

<Из «Вильгельма Мейстера» Гете> I. «Кто с хлебом слез своих не ел...», II. «Кто хочет миру чуждым быть...» (стр. 87). Перевод первой и второй песен арфиста («Wer nie sein Brod mit Thränen asz...» и «Wer sich der Einsamkeit ergiebt...») из «Ученических годов Вильгельма Мейстера» Гете. Впервые — альм. «Сиротка» на 1831 г., стр. 198. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 131, в Изд. 1868 г., стр. 79. Печ. по первой публикации. Не пропущенные цензурой в первом стихотворении строки 5—7 восстанавливаются по автографу ЦГАЛИ. Датируется 1827—1830 гг. (автограф — на бумаге с водяным знаком «1827»; ценз. разреш. «Сиротки» — 11 января 1831 г.).

(«Из Гётева «Западно-Восточного Дивана») «Запад, Норд и Юг в крушеньи...» (стр. 88). Перевод стихотворения Гете «Hegire». Впервые — Изд. 1886 г., стр. 397. Печ. по одному из двух автографов ЦГАЛИ. Датируется 1827—1830 гг. (второй автограф писан на бумаге с водяным знаком «1827»; первый вырезан из записной книжки поэта, заполнявшейся, по-видимому, не позднее 1830 г.). *Гафиц* — Гафиз, иранский поэт XIV в.

Полдень (стр. 89). Впервые — С, 1836, т. 3, стр. 10. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 3, в Изд. 1868 г., стр. 6. Печ. по первой публикации. Датируется не ранее 1827 г., так как соответствующий тексту С автограф ЦГАЛИ написан на бумаге с водяным знаком «1827»; второй автограф ЦГАЛИ вырезан из записной книжки, заполнявшейся поэтом, по-видимому, не позднее 1830 г. *Пан* (античн. миф.) — бог долин, лесов, стад и пастухов; полдневный час, время отдыха Пана, считался у древних священным.

Весенняя гроза (стр. 89). Впервые — Г, 1829, № 3, стр. 151 (ценз. разреш. — 16 января 1829 г.). См. раздел «Другие редакции», IV. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 47, в Изд. 1868, стр. 53. Печ. по С, 1854, № 3, стр. 24. Переработка стихотворения относится, по-

видимому, к началу 50-х годов. *Геба* (античн. миф.) — богиня юности, подносившая Зевсу нектар на пирах. *Зевесов орел* (античн. миф.) — символ верховного божества — Зевса.

Могила Наполеона (стр. 90). Впервые — Г, 1829, № 8, стр. 86 (ценз. разреш. — 20 февраля 1829 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 119, в Изд. 1868 г., стр. 84. Печ. по С, 1854, № 5, стр. 6, с восстановлением по первопечатному тексту двух строк точек, по всей вероятности обозначающих цензурный пропуск. Переработка относится, по-видимому, к началу 1850-х годов.

Олегов щит (стр. 90). Впервые — Г, 1829, № 34, стр. 144, как одно произведение со стихотворением «Видение». Вошло в Изд. 1868 г., стр. 162. Печ. по сб. «Раут» на 1854 г., стр. 430. Написано в связи с русско-турецкой войной 1828—1829 гг., чем и определяется датировка стихотворения. Варьирует ту же тему, что и одноименное стихотворение Пушкина («Когда ко граду Константина. . .»). В обоих стихотворениях вспоминается летописное сказание о щите, прибитом киевским князем Олегом на городских воротах Константинополя. *Гяуры* — иноверцы. *Избранный народ* — еврейский народ, по библейскому сказанию, выведенный из египетского плена Моисеем.

Cache-cache (стр. 91). Впервые — Г, 1829, № 17, стр. 50 (ценз. разреш. — 24 апреля 1829 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 117, в Изд. 1868 г., стр. 75. Печ. по С, 1854, № 5, стр. 5. По утверждению П. В. Быкова, «написаны стихи в Мюнхене в первый год женитьбы поэта (1826) на г-же Петерсон (урожд. Ботмер) и, вероятнее всего, к ней и относятся» (Изд. 8-е, стр. 618). Поскольку П. В. Быков не указал источника этих данных и нет никаких сведений о том, что жена поэта играла на арфе, датировка эта представляется сомнительной. *Сильфида* (средневек. миф.) — воздушное существо.

Летний вечер (стр. 92). Впервые — Г, 1829, № 24, стр. 150 (ценз. разреш. — 12 июня 1829 г.).

Видение (стр. 92). Впервые — Г, 1829, № 34, стр. 144 (ценз. разреш. — 22 августа 1829 г.). В Г. текст «Видения» ошибочно напечатан как одно произведение со стихотворением «Олегов щит». Вошло в Изд. 1854 г., стр. 49, в Изд. 1868 г., стр. 56. Печ. по первой публикации. *Атлас* (античн. миф.) — гигант, поддерживающий на своих плечах небесный свод.

«Еще шумел веселый день. . .» (стр. 93). Впервые — М, 1851, № 11, стр. 237. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 31, в Изд. 1868 г., стр. 36. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется предположительно не позднее 1829 г., так как автограф первой редакции написан тем же почерком и на такой же бумаге, что и стихотворения «Утро в горах» и «Снежные горы». См. отдел «Другие редакции», V. Окончательная редакция относится, по-видимому, к концу 1840-х годов — первому полугодию 1851 г.

Бессонница («Часов однообразный бой. . .») стр. 94). Впервые — Г, 1830, № 1, стр. 47 (ценз. разреш. — 1 января 1830 г.).

Байрон (стр. 94). Перевод отрывка из поэмы Цедлица «Todtenkränze». Впервые — «Русский современник», 1924, № 1, стр. 162. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Поэма Цедлица вышла в 1828 г. Внешний вид автографа (бумага с водяным знаком «1827», почерк) дает основание предположительно относить перевод к 1828—1829 гг. *Сия обитель* — Ньюстэдское аббатство, родовое поместье Байрона. *Зачем бежал ты собственного крова.* Разрыв Байрона с реакционными кругами английского общества вынудил его в 1816 г. навсегда покинуть Англию. В поэме Цедлица странствия Байрона по странам Европы и Ближнего Востока, относящиеся к этому времени, смешаны с его путешествиями 1809—1811 гг. *Лары* (античн. миф) — боги домашнего очага. *Ах, и куда, безвременно почивший.* Байрон, с 1823 г. принимавший участие в национально-освободительной борьбе греческого народа, умер в апреле 1824 г. в городе Миссолунги тридцати шести лет от роду. *Титан ли ты.* Имеется в виду античный миф о Прометее. *Страна любви, геройства, приключений* — Испания. *Совершитель тризны благочестной.* Путешествуя по Европе, Байрон посетил поле битвы при Ватерлоо. *Как льдистые лавины, полночные срывалися народы.* Речь идет о древнегерманских племенах, вторгавшихся в Италию со стороны Альп. *Бой... Отчаяния* с *Силой* — война греков за свою независимость от турецкого владычества, начавшаяся в 1821 г.

<Из «Федры» Расина> («Едва мы вышли из Трезенских врат...») (стр. 100). Перевод монолога Терамена «A peine nous sortions des portés de Frézène» из трагедии Расина «Федра». Впервые — Изд. 1900 г., стр. 379. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется предположительно концом 20-х годов на основании почерка автографа. *Ипполит* — сын афинского царя Тезея, ложно обвиненный своей мачехой Федрой в том, что он добивался ее любви. Проклятый отцом, Ипполит был убит Нептуном, который волной опрокинул колесницу Ипполита. *Ариция* — в «Федре» Расина принцесса из рода афинских царей. Тезей обрек ее на безбрачие, чтобы пресекся ее род. Ипполит был влюблен в Арицию.

<Из Манцони> («Высокого предчувствия...») (стр. 102). Перевод отрывка из оды Манцони «Il cinque maggio». Впервые — РА, 1885, № 6, стр. 320. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Текст недоработан. Датируется предположительно концом 20-х годов на основании почерка автографа. Ода Манцони посвящена памяти Наполеона (5 мая 1821 г. — дата его смерти). Переведенный отрывок составляет 7—16 строфы оды Манцони. *Два раза брошен был во прах и два раза на трон.* Имеются в виду провозглашение Наполеона императором (1804), его отречение (1814), возвращение к власти на 100 дней (1815) и последующая ссылка на остров Св. Елены.

Лебедь (стр. 103). Впервые — С, 1839, т. 14, стр. 139 (ценз. разреш. — 27 июня 1839 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 44, в Изд. 1868 г., стр. 49. Печ. по первой публикации. Образно-стилистические особенности стихотворения, в частности его несомненная связь с переводом Т. из Цедлица «Байрон» (см. строфу 4), позво-

ляют предположительно относить его к концу 20-х годов. Символическое противопоставление орла и лебедя вообще характерно для романтической поэзии.

<Из «Фауста» Гете> I. «Звучит, как древле, пред тобою...». II. «Кто звал меня...». III. «Чего вы от меня хотите?..». IV. «Зачем губить в унынии пустом...». V. «Державный дух! ты дал мне, дал мне всё...» (стр. 104—107). Переводы из I части «Фауста» Гете. I — отрывок из «Пролога на небе»; II — диалог Фауста с духом из сцены «Ночь»; III — монолог Фауста из сцены «Ночь»; IV — монолог Фауста из сцены «У ворот»; V — монолог из сцены «Лес и пещера». Впервые — I, III и V — «Искусство», 1927, №№ 2 и 3, стр. 167; II — Изд. 1900 г., стр. 412; IV — Г, 1830, № 5, стр. 283. Отрывок IV вошел в Изд. 1854 г., стр. 111, в Изд. 1868 г., стр. 69. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируются предположительно 1829—1830 гг. на следующих основаниях: отрывок IV напечатан в книжке Г, разрешенной цензурой 30 января 1830 г., и, следовательно, написан не позже 1829 г.; черновые автографы отрывков I, II, III и V — на одном листе со стихотворениями «Ты зрел его в кругу большого света...» и «В толпе людей, в нескромном шуме дня...», которые написаны, по-видимому, не ранее конца 1829 г.

«В толпе людей, в нескромном шуме дня...» (стр. 108). Впервые — РА, 1875, № 5, стр. 128. Печ. по автографу ЦГАЛИ.

«Ты зрел его в кругу большого света...» (стр. 109). Впервые — «Гражданин», 1875, № 2, 13 января, стр. 38. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Образ месяца, светящего днем, в этом и следующем стихотворении, по-видимому, подсказан «Путевыми картинами» Гейне (см. перевод Т. «Прекрасный будет день», — сказал товарищ...», строки 34—50).

<Из «Путевых картин» Гейне> («Прекрасный будет день», — сказал товарищ...») (стр. 109). Перевод 31 главы III части «Reisebilder» Гейне. Впервые — НС, стр. 90. Печ. по черновому автографу ЦГАЛИ. Подлинник появился в декабре 1829 г. По-видимому, перевод сделан в конце 1829 — начале 1830 г., чему не противоречит и внешний вид автографа (бумага с водяным знаком «1827», характер почерка). В целях придания большей цельности переведенному им отрывку Т. нарушает последовательность подлинника (немецкому тексту соответствовал бы такой порядок строк: 31—50, 1—30, 51—60; этот порядок строк одно время восстанавливался в тютчевском переводе — см. Изд. «Academia», т. 2, стр. 257; Изд. 1939 г., стр. 197). Несмотря на то, что Т. переложил прозаический подлинник стихами, его перевод отличается большой точностью и в известной мере даже передает ритмический строй оригинала. *Ларвы* (античн. миф.) — души грешников, скитающиеся по ночам в виде оборотней. *Ерев* (античн. миф.) — Эреб, подземное царство.

К N. N. («Ты любишь, ты притворствовать умеешь...») (стр. 111). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 137. Печ. по одному из двух авто-

графов ЦГАЛИ. Датируется предположительно не позднее начала 1830 г. (один автограф — на том же листе, что и стихотворение «Утро в горах»). Адресат стихотворения не установлен.

Утро в горах (стр. 111). Впервые — Г, 1830, № 13, стр. 90, как одно произведение со стихотворением «Снежные горы» под общим заглавием «В горах» (ценз. разреш. — 18 марта 1830 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 1, в Изд. 1868 г., стр. 3. Печ. по С; 1836, т. 3, стр. 5.

Снежные горы (стр. 112). Впервые — Г, 1830, № 13, стр. 91 (ценз. разреш. — 18 марта 1830 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 2, в Изд. 1868 г., стр. 4. Печ. по С, 1836, т. 3, стр. 7. В Г после первой строфы помещена следующая строфа:

Едва в трепещущих листах
Перебирается прохлада,
Звонок пасущегося стада
Почти замолк на высотах...

и после текста помета: «Сальцбург». О времени посещения Т. Зальцбурга сведений не имеется.

Последний катаклизм (стр. 112). Впервые — альм. «Денница» на 1831 г., стр. 89 (ценз. разреш. — января 1831 г.). Датируется предположительно не позднее начала 1830 г. (автограф ЦГАЛИ на одном листе со стихотворением «Снежные горы»).

«Как океан объемлет шар земной...» (стр. 112). Впервые — Г, 1830, № 27, стр. 57, под заглавием «Сны» (ценз. разреш. — 4 июля 1830 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 12, в Изд. 1868 г., стр. 15. Печ. по С, 1836, т. 3, стр. 13, с исправлением опечатки в строке 8-й («вод» вместо «волн»).

«За нашим веком мы идем...» (стр. 113). Впервые — Г, 1830, № 40, стр. 406 (ценз. разреш. — 12 декабря 1830 г.), по ошибке, как заключительные строки стихотворения «Вопросы». *Креуза* — жена троянского героя Энея. Во время бегства Энея из Трои Креуза, шедшая позади, все время отставала и наконец исчезла. Ее взяла к себе Афродита — мать Энея, так как Креузе не было назначено покинуть Трою вместе с Энеем.

Певец (стр. 113). Перевод баллады Гете «Der Sänger». Впервые — Г, 1830, № 42, стр. 226. Датируется 1830 г. Ср. примечание к стихотворению «Великий Карл, прости! ..».

Заветный кубок (стр. 114). Перевод баллады Гете «Es war ein König in Thule...», включенной в качестве песни Маргариты в I часть «Фауста». Впервые — Изд. 1886 г., стр. 392. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Второй автограф, представляющий первоначальную запись перевода, на одном листе с автографом стихотворения «Певец», что указывает на их одновременное написание.

<Из «Эрнани» В. Гюго> («Великий Карл, прости! — Великий, незабвенный...») (стр. 115). Перевод монолога Дон-Карлоса перед гробницей Карла Великого из драмы В. Гюго «Эрнани»

(акт IV, сцена 2). Впервые отрывок — Изд. 1900 г., стр. 420; полностью, но не вполне точно — «Мурановский сборник», вып. 1, 1928, стр. 36. Печ. по двум черновым автографам ЦГАЛИ. Датируется 1830 г., так как первое издание «Эрнани» вышло в начале марта 1830 г., а один из автографов перевода писан на такой же бумаге и тем же почерком, что и автограф стихотворения «Певец», напечатанного в декабрьской книжке Г за 1830 г. *Сейм* — так называется парламент в некоторых странах. *Конклав* — совет кардиналов, собирающийся для избрания папы.

Конь морской (стр. 117). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 136. Печ. по списку И. С. Гагарина (ЦГАЛИ). Автограф ЦГАЛИ на одном листе с автографом незавершенного перевода из «Эрнани» В. Гюго, что дает основание относить стихотворение к 1830 г. (см. примечание к предыдущему стихотворению).

«Здесь, где так вяло свод небесный...» (стр. 118). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 127. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе перед текстом помета: «в дороге». Стихотворение отражает дорожные впечатления поэта во время его приезда в Россию в 1830 г. Т. выехал из Мюнхена 16 мая, а вернулся 13 октября.

Двум сестрам (стр. 118). Впервые — С, 1836, т. 4, стр. 40. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 35, в Изд. 1868 г., стр. 40. Печ. по первой публикации. Автограф на одном листе со стихотворением «Здесь, где так вяло свод небесный...».

Успокоение («Гроза прошла — еще курясь, лежал...») (стр. 119). Впервые — альм. «Денница» на 1831 г., стр. 51 (ценз. разреш. — января 1831 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 130, в Изд. 1868 г., стр. 120 — без заглавия. Печ. по одному из двух автографов ЦГАЛИ. Написано, очевидно, в 1830 г., так как первоначальная запись стихотворения (ЦГАЛИ) на одном листе со стихотворением «Здесь, где так вяло свод небесный...».

Странник (стр. 119). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 127. Печ. по беловому автографу ЦГАЛИ. Первая запись стихотворения (ЦГАЛИ) на одном листе с автографами «Здесь, где так вяло свод небесный...», «Двум сестрам», «Успокоение» и «Безумие». Поскольку первые три стихотворения датируются 1830 г., имеются все основания относить к тому же времени «Странника» и «Безумие».

Безумие (стр. 119). Впервые — альм. «Денница» на 1834 г., стр. 185. Печ. по одному из автографов ЦГАЛИ. О датировке см. примечание к предыдущему стихотворению. «Безумие» перекликается с 1—4 строками позднейшего стихотворного обращения к А. А. Фету: «Иным достался от природы...». В обоих случаях Т. имеет в виду так называемых «водоискателей» («sourciers»).

«Через ливонские я проезжал поля...» (стр. 120). Впервые — С, 1837, т. 6, стр. 395. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 27, в Изд. 1868 г., стр. 31. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В 1830 г. Т. приезжал из-за границы в Россию. Есть основание думать, что стихо-

творение написано на обратном пути за границу. По своему содержанию оно близко к позднейшему стихотворению Т. «От жизни той, что бушевала здесь...». *Сыны ее... лобзали рыцарскую шпору.* С 1202 г. до 1562 г. Ливония находилась под властью духовно-рыцарского ордена Меченосцев.

«Песок сыпучий по колени...» (стр. 121). Впервые — С, 1837, т. 6, стр. 397. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 4, в Изд. 1868 г., стр. 7. Печ. по беловому автографу ЦГАЛИ. В автографе перед текстом помета: «дорогой». Написано, по-видимому, на обратном пути из Москвы в Мюнхен, осенью 1830 г.

Осенний вечер (стр. 121). Впервые — С, 1840, т. 19, стр. 187. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 6, в Изд. 1868 г., стр. 9. Печ. по первой публикации. В прижизненных и посмертных дореволюционных изданиях стихотворение перепечатывалось с поправкой Некрасова в последнем стихе: «Возвышенной стыдливостью страданья...». Датируется по автографу ЦГАЛИ.

Листья (стр. 122). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 129. Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Альпы (стр. 123). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 130. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Не лишено вероятия, что в стихотворении аллегорически изображается духовная взаимосвязь между русским и славянскими народами и высказывается мысль о национальном возрождении славян при поддержке России (см. Р. Ф. Брандт. Материалы для исследования: Федор Иванович Тютчев и его поэзия. СПб., 1912, стр. 33—34).

«Сей день, я помню, для меня...» (стр. 123). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 131. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Стихотворение, по-видимому, перекликается с написанным в том же году стихотворением «Двум сестрам».

Mal'aria (стр. 124). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 131. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Стихотворение навеяно описанием окрестностей Рима в романе г-жи де Сталь «Коринна, или Италия», кн. 5, гл. 3.

Цицерон (стр. 124). Впервые — альм. «Денница» на 1831 г., стр. 40 (ценз. разреш. — январь 1831 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 33, в Изд. 1868 г., стр. 38. Печ. по автографу ЦГАЛИ. По всей вероятности, написано под впечатлением известий об Июльской революции 1830 г. во Франции, что и определяет датировку стихотворения. В 3—4 строках Т. цитирует слова Цицерона: «Скорблю, что я, выступивши в жизни, как бы в дорогу, с некоторым опозданием, — прежде, чем был окончен путь, погрузился в эту ночь республики» («Брут, или Диалог о славных ораторах», гл. 96). *Капитолийская высота* — один из семи холмов, на которых расположен Рим.

«Как над горячею золой...» (стр. 125). Впервые — С, 1836, т. 3, стр. 15. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 23, в Изд. 1868 г., стр. 27. Печ. по первой публикации. Один из двух автографов

ЦГАЛИ был написан на одном листе со стихотворением «Цицерон»; другой автограф — вместе со стихотворением «Двум сестрам» — вырезан из записной книжки, заполнявшейся Т., по-видимому, не позднее 1830 г.

Весенние воды (стр. 125). Впервые — «Телескоп», 1832, № 13, стр. 22. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 5, в Изд. 1868 г., стр. 8. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется предположительно 1830 г., так как автограф на одном листе со стихотворением «Как над горячею золой», оторванном от автографа стихотворения «Цицерон».

Silentium! (стр. 126). Впервые — «Молва», 1833, № 32, 16 марта, стр. 125. В С, 1854, № 3, стр. 12, опубликовано в так называемой «сушковско-тургеневской» редакции, вошедшей затем в Изд. 1854 г., стр. 21, в Изд. 1868 г., стр. 24, и во все дореволюционные собрания сочинений Т. См. раздел «Другие редакции», VI. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф на одном листе со стихотворением «Цицерон», что позволяет предположительно относить «Silentium!» к 1830 г.

«Как дочь родную на закланье...» (стр. 126). Впервые — РА, 1879, № 3, стр. 385. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в связи с антирусской кампанией, развернувшейся в баварской печати после взятия Варшавы царскими войсками 26 августа 1831 г. (см. ЛН, № 19—21, 1935, стр. 191—192), чем и определяется датировка стихотворения. *Агамемнон* — один из героев «Илиады» Гомера, вождь греков, который, чтобы вымолить у разгневанной на него богини Артемиды попутных ветров, должен был принести в жертву свою дочь Ифигению. *Коран* — священная книга магометан; в данном случае слово употреблено в иносказательном смысле — права, кажущиеся бесспорными. *Янычары* — солдаты, составлявшие привилегированную часть турецкой армии, постоянные участники мятежей и дворцовых переворотов. *Метá* — цель. *Феникс* (античн. миф.) — птица, возрождающаяся из собственного пепла.

«Всё бешеней буря, всё злее и злей...» (стр. 128). Впервые — НС, стр. 45. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется не ранее 1831 г., так как автограф писан на бумаге с водяным знаком «1831», и не позднее апреля 1836 г., так как находилось среди рукописей, посланных И. С. Гагарину в начале мая 1836 г. Г. И. Чулковым было высказано предположение, что это стихотворение не оригинальное, а переводное (Изд. «Academia», т. 1, стр. 363), однако его иностранный подлинник до сих пор не установлен.

Ночные мысли» (стр. 128). Перевод стихотворения Гете «Nachtgedanken». Впервые — «Телескоп», 1832, № 10, стр. 154 (ценз. разреш. — 5 июля 1832 г.). *Оры* (античн. миф.) — богини времен года, времени.

Весеннее успокоение (стр. 129). Перевод стихотворения Уланда «Frühlingsruhe». Впервые — «Телескоп», 1832, № 15, стр. 297 (ценз. разреш. — 28 августа 1832 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 124, в Изд. 1868 г., стр. 119.

«На древе человечества высоком...» (стр. 129). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 133. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Посвящено памяти И.-В. Гете, умершего 22 марта 1832 г., чем и определяется датировка стихотворения.

(Из Шекспира). I. «Любовники, безумцы и поэты...». II. Песня (стр. 130). Перевод из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»: I — слова Тезея «The lunatic, the lover and the poet...» из 1 сцены V акта; II — отрывок песни Пукка «Now the hungry lion roars...» из 2 сцены V акта. Впервые — «Молва», 1833, № 8, 1 января, стр. 29—30. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 114 и 115, в Изд. 1868 г., стр. 72 и 73. Печ. по первой публикации.

К*** («Уста с улыбкою приветной...») (стр. 131). Впервые — альм. «Пантеон дружбы» на 1834 г., стр. 246 (ценз. разреш. — 17 апреля 1833 г.). Адресат неизвестен.

«С горы скатившись, камень лег в долине...» (стр. 131). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 135. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Впоследствии, 2 апреля 1857 г., Т. вписал это стихотворение в альбом Н. В. Гербеля под заглавием «Problême» («Проблема») и с измененной 4-й строкой («Иль был *низринут волею чужой!*»). Поскольку стихотворение записано было на память, не может быть уверенности в том, что это сознательное, а не случайное отступление от более раннего текста.

<Из Беранже> («Пришлося кончить жизнь в овраге...») (стр. 131). Перевод песни Беранже «Le vieux vagabond». Впервые — НС, стр. 93. Печ. по черновому автографу ЦГАЛИ. Текст недоработан. Строка 7-я последней строфы в рукописи читается: «Я был низвержен с первых дней». По всей вероятности, Т. намеревался заменить слово «дней» словом «лет» (ср. у него же, в переводе из Шиллера «Фортуна и мудрость» рифмы: «клянет» и «нет»). Датируется не ранее 1833 г., так как в этом году появился французский подлинник стихотворения, и не позднее апреля 1836 г., ибо в начале мая этого года было послано вместе с другими стихами И. С. Гагарину. *Ир* — бродяга, выведенный в «Одиссее» Гомера; в данном стихотворении это имя употреблено в нарицательном смысле.

Арфа скальда (стр. 133). Впервые — С, 1838, т. 12, стр. 91. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 43, в Изд. 1868 г., стр. 48. Печ. по первой публикации. Датируется по рукописи Славянского музея в Париже. (см. D. Stremooukhoff. La poésie et l'idéologie de Tiouttchev. Paris, 1937, p. 73).

«Я лютеран люблю богослуженье...» (стр. 133). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 135. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе дате предшествует помета: «Тегернзе».

(Из Гейне) «В которую из двух влюбиться...» (стр. 134). Перевод стихотворения Гейне «In welche soll' ich mich verlieben...». Впервые — Изд. 1900 г., стр. 433. Написано не ранее 1834 г., когда появился немецкий подлинник, и не позднее апреля 1836 г., так как

находилось в числе рукописей, посланных И. С. Гагарину в начале мая 1836 г. *Буриданов друг* — осел. Французскому средневековому философу Буридану приписывают парадокс о том, что если бы осел обладал свободой воли и был поставлен между двумя одинаковыми стогами сена, то он погиб бы от голода, ибо ни на одном из них не мог бы остановить своего выбора.

«Из края в край, из града в град...» (стр. 134). Вариация на тему стихотворения Гейне «Es treibt dich fort von Ort zu Ort...». Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 135. Печ. по списку И. С. Гагарина (ЦГАЛИ). Датируется 1834 — первыми месяцами 1836 г. на тех же основаниях, что и предыдущее стихотворение.

«Я помню время золотое...» (стр. 135). Впервые — С, 1836, т. 3, стр. 11. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 13, в Изд. 1868 г., стр. 16. Печ. по первой публикации. В 1-й строке 4-й строфы исправляется ошибочное чтение «вечер» вместо «ветер», как во всех последующих изданиях. Написано, по-видимому, не ранее 1834 г., так как первоначальная редакция стихотворения в автографе ЦГАЛИ на одном листе с переводом из Гейне «В которую из двух влюбиться...»; окончательная редакция датируется не позднее апреля 1836 г., ибо в начале мая была послана И. С. Гагарину. Обращено к бар. Амалии Максимилиановне Крюденер, урожденной гр. фон Лерхенфельд (1808—1888), жене сослуживца Т. по русской дипломатической миссии в Мюнхене. Т. познакомился с нею в 1822 г., за три года до ее замужества. К этой поре их знакомства и относятся те воспоминания, которым посвящено стихотворение.

Сон на море (стр. 136). Впервые — С, 1836, т. 3, стр. 20. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 48, в Изд. 1868 г., стр. 54. Печ. по автографу ЦГАЛИ. На основании характера почерка обычно стихотворение предположительно датируется концом 1820-х годов. Однако первое морское путешествие, совершенное Т., относится ко второй половине 1833 г., когда он ездил с дипломатическим поручением из Мюнхена в Грецию. В начале мая 1836 г. автограф стихотворения был послан поэтом вместе с другими стихами И. С. Гагарину. В списке СТ, относящемся к 1851—1852 гг., дано в другой редакции (вольный метр — амфибрахий, чередующийся с дактилем и анапестом, выправлен на традиционный амфибрахий). К списку СТ близок текст Изд. 1854 г., стр. 48. См. раздел «Другие редакции», VII. В этой «сушковско-тургеневской» редакции стихотворение перепечатывалось во всех дореволюционных изданиях. *Огневица* (слав.) — горячка. *Лавиринфы* — лабиринты.

«Нет, моего к тебе пристрастья...» (стр. 137). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 135. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая этого года было послано И. С. Гагарину. *Синель* — сирень.

«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...» (стр. 137). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 134, под заглавием «Ночные голоса» (такое заглавие имеется в другом, более раннем

автографе ЦГАЛИ). Печ. по автографу ЦГАЛИ. О датировке см. примечание к предыдущему стихотворению.

«В душном воздуха молчанье...» (стр. 138). Впервые — С, 1836, т. 4, стр. 32. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 24, в Изд. 1868 г., стр. 28. Печ. по первой публикации. Автограф этого стихотворения (ЦГАЛИ), так же как и автографы стихотворений «Что ты клонишь над водами...», «Вечер мглистый и ненастный...», «И гроб опущен уж в могилу...», «Восток белел...» и «Как птичка раннею зарей...», вырезан из записной книжки, судя по почерку, заполнявшейся одновременно в 1830-х годах. Все они в начале мая 1836 г. были посланы И. С. Гагарину.

«Что ты клонишь над водами...» (стр. 139). Впервые — С, 1836, т. 4, стр. 34. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 7, в Изд. 1868 г., стр. 10. Печ. по автографу ЦГАЛИ. О датировке см. примечание к предыдущему стихотворению.

«Вечер мглистый и ненастный...» (стр. 139). Впервые — С, 1836, т. 4, стр. 35. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 50, в Изд. 1868 г., стр. 57. Печ. по автографу ЦГАЛИ. О датировке см. примечание к стихотворению «В душном воздуха молчанье...».

«И гроб опущен уж в могилу...» (стр. 140). Впервые — С, 1836, т. 4, стр. 36. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 18, в Изд. 1868 г., стр. 21. Печ. по автографу ЦГАЛИ. О датировке см. примечание к стихотворению «В душном воздуха молчанье...».

«Восток белел. Ладья катилась...» (стр. 140). Впервые — С, 1836, т. 4, стр. 37. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 36, в Изд. 1868 г., стр. 41. Печ. по автографу ГПБ. О датировке см. примечание к стихотворению «В душном воздуха молчанье...».

«Как птичка, раннею зарей...» (стр. 141). Впервые —С, 1836, т. 4, стр. 38. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 22, в Изд. 1868 г., стр. 25. Печ. по первой публикации. О датировке см. примечание к стихотворению «В душном воздуха молчанье...».

«Тени сизые смесились...» (стр. 141). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 125, под заглавием «Сумерки». Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая этого года было послано И. С. Гагарину.

«Какое дикое ущелье!..» (стр. 142). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 125. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Стихотворение написано на одном листе со стихотворением «Тени сизые смесились...» и первоначальной редакцией стихотворения «Восток белел...», что и дает основание относить его к тому же времени.

«С поляны коршун поднялся...» (стр. 142). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 125. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф на одном листе с двумя предыдущими стихотворениями. Тема, композиция и образы этого стихотворения близки к стихам А. Д. Илличевского «Орел и человек» («Северные цветы» на 1827 г.,

стр. 291). По-видимому, либо оба стихотворения восходят к общему первоисточнику, либо стихи Т. являются вариацией на чужую тему.

«Над виноградными холмами...» (стр. 143). Впервые — С, 1837, т. 4, стр. 398. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 41 (после текста помета: «Ротенбург»), в Изд. 1868 г., стр. 46. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая этого года было послано И. С. Гагарину.

«Поток сгустился и тускнеет...» (стр. 143). Впервые — С, 1836, т. 3, стр. 19. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 37, в Изд. 1868 г., стр. 42. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая этого года было послано И. С. Гагарину.

«О чем ты воешь, ветр ночной?..» (стр. 144). Впервые — С, 1836, т. 3, стр. 18. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 29, в Изд. 1868 г., стр. 34. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф на одном листе с предыдущим стихотворением, что указывает на то, что они относятся к одному времени.

«Душа хотела б быть звездой...» (стр. 144). Впервые — С, 1836, т. 3, стр. 14. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 29, в Изд. 1868 г., стр. 34. Печ. по первой публикации. Написано не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая этого года было послано И. С. Гагарину. В ЦГАЛИ имеется список стихотворения, озаглавленный «Желание», на бумаге с водяным знаком «1828», вместе со списком стихотворения «Сон на море».

«Душа моя — элизиум теней...» (стр. 145). Впервые — С, 1836, т. 4, стр. 41. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 26, в Изд. 1868 г., стр. 30. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая этого года было послано И. С. Гагарину. *Элизиум* (античн. миф.) — царство праведных теней.

«Там, где горы, убегая...» (стр. 145). Впервые — С, 1837, т. 4, стр. 393. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 39, в Изд. 1868 г., стр. 44. Печ. по списку с поправками Т. в альбоме ЦГАЛИ. Автограф ЦГАЛИ, соответствующий тексту С и, судя по почерку, относящийся к 1830-м годам, был послан И. С. Гагарину в начале мая 1836 г.

«Сижу задумчив и один...» (стр. 146). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 132. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется на тех же основаниях, что и стихотворение «Там, где горы, убегая...».

«Зима недаром злится...» (стр. 147). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 124, под заглавием «Весна». Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется на тех же основаниях, что и стихотворение «Там, где горы, убегая...».

Фонтан (стр. 148). Впервые — С, 1836, т. 3. стр. 9. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 34, в Изд. 1868 г., стр. 39. Печ. по первой пуб-

ликации. Написано не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая этого года было послано И. С Гагарину.

«Яркий снег сиял в долине...» (стр. 148). Впервые — С, 1836, т. 3, стр. 17. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 38, в Изд. 1868 г., стр. 43. Печ. по первой публикации. Датируется на тех же основаниях, что и стихотворение «Фонтан».

«Не то, что мните вы, природа...» (стр. 149). Впервые — С, 1836, т. 3, стр. 21. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 15, в Изд. 1868 г., стр. 18. Печ. по списку с поправками рукой Т. в СТ. Восстанавливаем по первопечатному тексту точки, обозначающие пропуск запрещенных цензурой и не дошедших до нас 2-й и 4-й строф. Пушкин, вопреки протесту цензора А. Л. Крылова, настоял на том, чтобы пропуск был отмечен точками (см. «Временник Пушкинского дома». П., 1914, стр. 14; Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 16. М. — Л., 1949, стр. 144). В С последняя строфа напечатана в такой редакции:

Не их вина: пойми, коль можешь,
Органа жизнь, глухонемой!
Души его, ах, не встревожит
И голос матери самой!..

Можно думать, что в первом стихе этой строфы приблизительная рифма — «можешь» — «встревожит» возникла в результате ошибки переписчика, введенного в заблуждение сходством в начертании букв «тъ» и «шь» в рукописях поэта. Исправление же строки 3-й принадлежит Некрасову. Датируется на тех же основаниях, что и стихотворение «Фонтан».

«Еще земли печален вид...» (стр. 150). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 126. Печ. по списку И. С. Гагарина (ЦГАЛИ). Датируется на тех же основаниях, что и стихотворение «Фонтан».

«И чувства нет в твоих очах...»(стр. 150). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 126. Печ. по списку И. С. Гагарина (ЦГАЛИ). Датируется на тех же основаниях, что и стихотворение «Фонтан».

«Люблю глаза твои, мой друг...» (стр. 151). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 126. Печ. по списку И. С. Гагарина (МА). Датируется на тех же основаниях, что и стихотворение «Фонтан».

«Вчера, в мечтах обвороженных...» (стр. 151). Впервые — РА, 1879, № 5, стр. 133. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Стихотворение, по-видимому, написано в первые месяцы (не позднее апреля) 1836 г.: его тема и образы почти несомненно навеяны стихотворением В. Г. Бенедиктова «Три вида», с произведениями которого Т впервые познакомился как раз в это время. В художественном отношении стихотворение Т. намного превосходит свой литературный образец.

29-е января 1837 («Из чьей руки свинец смертельный...») (стр. 152). Впервые — «Гражданин», 1875, № 2, стр. 38, с заглавием «На смерть Пушкина». Печ. по автографу ПД. Написано под впечатлением известия о гибели А. С. Пушкина, чем и определяется датировка стихотворения.

Итальянская villa (стр. 153). Впервые — С, 1838, т. 10, стр. 184. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 19, в Изд. 1868 г., стр. 22. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по списку альбома Э. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Стихотворение относится ко времени пребывания Т. и Э. Дёрнберг в Генуе.

1-е декабря 1837 («Так здесь-то суждено нам было...») (стр. 154). Впервые — С, 1838, т. 9, стр. 138, с ошибочным заглавием: «1 декабря 1827». Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе после текста помета на итальянском языке: «Генуя». Заглавие стихотворения в данном случае, возможно, является и датой его написания. Вызвано свиданием с вдовой Эрнестиной Дёрнберг, урожденной Пфеффель (1810—1894), впоследствии второй женой поэта.

«Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» (стр. 154). Впервые — С, 1838, т. 9, стр. 131. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 10, в Изд. 1868 г., стр. 13. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в декабре 1837 г., по возвращении из Генуи в северную Италию, в Турин, где в то время Т. служил при русской дипломатической миссии. *Киприда светлая всплыла* — намек на мифологическое сказание о рождении богини любви и красоты Киприды (Афродиты, Венеры), вышедшей из морской пены у берегов острова Кипра.

«С какою негою, с какой тоской влюбленной..» (стр. 155). Впервые — С, 1840, т. 20, стр. 299. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 17, в Изд. 1868 г., стр. 20. Печ. по первой публикации. Слово «влюбленный» в 1-й строке исправлено на «влюбленной», так как этот эпитет явно относится к тоске, а не к взору. Д. Д. Благой полагает, что стихотворение посвящено первой жене поэта (см. Ф. Тютчев. Стихотворения. «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1953, стр. 360). Однако гораздо вероятнее, что оно обращено к Э. Дёрнберг и написано после разлуки с нею в Генуе в конце 1837 г.; Т., как явствует из стихотворения «1-е декабря 1837», думал, что расстается с ней навсегда.

«Смотри, как запад разгорелся...» (стр. 156). Впервые — С, 1838, т. 9, стр. 181 (ценз. разреш. — 1 июля 1838 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 42, в Изд. 1868 г., стр. 47. Печ. по первой публикации. В литературе о Т. высказывалось мнение, что в этом стихотворении символически изображен «разлад между западом и востоком европейским» (Р. Ф. Брандт. Материалы для исследования: Федор Иванович Тютчев и его поэзия. СПб., 1912, стр. 41).

Весна (стр. 156). Впервые — С, 1839, т. 13, стр. 169 (ценз. разреш. — 21 декабря 1838 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 8, в Изд. 1868 г., стр. 11. Печ. по первой публикации.

Д е н ь и н о ч ь (стр. 157). Впервые — С, 1839, т. 14, стр. 145 (ценз. разреш. — 23 марта 1839 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 45, в Изд. 1868 г., стр. 50. Печ. по первой публикации.

«Н е в е р ь, н е в е р ь п о э т у, д е в а...» (стр. 158). Впервые — С, 1839, т. 14, стр. 154 (ценз. разреш. — 23 марта 1839 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 46, в Изд. 1868 г., стр. 51. Печ. по первой публикации.

«Ж и в ы м с о ч у в с т в и е м п р и в е т а...» (стр. 159). Впервые — РБ, 1858, № 10, стр. 5. Печ. по Изд. 1868 г., стр. 85. В автографе ЦГАЛИ имеется помета: «Мюнхен. 1840». Обращено к вел. кн. Марии Николаевне (1819—1876), дочери Николая I, с которой Т. встречался осенью 1840 г. за границей, в местечке Тегернзее, близ Мюнхена. В Мюнхен Т. вернулся в октябре, что позволяет уточнить время написания стихотворения. *Пускай служить он не умеет* — намек на неприятности по службе в связи с самовольным отъездом поэта из Турина в 1839 г.

К Г а н к е («Վековать ли нам в разлуке? ..») (стр. 160). Впервые — РБ, 1858, № 12, стр. 1. Печ. по Изд. 1868 г., стр. 87. Датируется по автографу Национального музея в Праге. В автографе дате предшествует помета: «Прага». Написано в альбом чешского патриота, ученого и писателя Вацлава *Ганки* (1791—1861), с которым Т. познакомился в бытность свою в Праге в 1841 г. Ганка был ревностным сторонником сближения Чехии с Россией и немало потрудился над ознакомлением своих соотечественников с русской литературой и русским языком. Встреча с Ганкой углубила интерес Т. к культуре славянских стран и к их историческим судьбам. В 1867 г., в дни славянского съезда в России, Т. напечатал это стихотворение в несколько переработанной редакции, обусловленной не столько художественными, сколько временными и местными причинами (так, например, в строке 22-й он заменил слово «здесь» словом «там»; строка 33 — «Расцветает над Варшавой» — под влиянием недавнего польского восстания изменена: «Русь покончила с Варшавой»), и сделал к нему следующую «приписку», посвященную памяти Ганки:

Так взывал я, так гласил я.
Тридцать лет с тех пор ушло —
Всё упорнее усилья,
Всё назойливее зло.
Ты, стоящий днесь пред богом,
Правды муж, святая тень,
Будь вся жизнь твоя залогом,
Что придет желанный день.
За твое же постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник *Всеславянства*
Приношеньем будь тебе! ..

«Г л я д е л я, с т о я н а д Н е в о й...» (стр. 161). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 26. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 52, в Изд. 1868 г.,

стр. 91. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе дате предшествует помета: «С. Петербург».

Колумб (стр. 162). Вариация заключительных строк стихотворения Шиллера «Columbus»: «С гением природа в вечном союзе, — что один обещает, сдержит наверное другая». Впервые — С, 1854, № 3, стр. 39. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 79, в Изд. 1868 г., стр. 116. Датируется по автографу ЦГАЛИ.

Море и утес (стр. 162). Впервые — отрывок (последняя строфа) — «Русский инвалид», 1848, № 197, 7 сентября; полностью — М., 1851, № 11, стр. 238. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 84, в Изд. 1868 г., стр. 111. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Заглавие вписано в автографе рукой Э. Ф. Тютчевой, жены поэта, с подзаголовком: «в 1848 году». Образы этого стихотворения восходят к незадолго до него написанному и напечатанному стихотворению В. А. Жуковского «Русскому великану»: море символизирует западноевропейские революционные события 1848 г., утес — царскую Россию (см. параллельный разбор обоих стихотворений в сб. статей Д. Д. Благого «Три века». М., 1933, стр. 217—220). Однако у Жуковского политическая аллегория выступает более отчетливо и подчеркивается самим заглавием, тогда как поэтическая сила стихов Т. оказывается значительно шире заключенных в них политических символов. Исторический комментарий в данном случае становится отнюдь не обязательным и только ослабляет художественную действенность стихотворения.

«Еще томлюсь тоской желаний...» (стр. 163). Впервые — М, 1850, № 8, стр. 288. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 54, в Изд. 1868 г., стр. 18. Печ. по автографу АБ. Посвящено памяти первой жены поэта, Элеоноры Тютчевой, урожденной гр. Ботмер (1799—1838).

«Как он любил родные ели...» (стр. 164). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 41, под заглавием «О Ламартине». Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по списку АБ. К творчеству французского поэта-романтика Альфонса Ламартина (1790—1869) Т. с молодых лет проявлял интерес (см. его перевод элегии Ламартина «Одиночество»). В 1848 г., в бытность свою министром иностранных дел временного французского правительства, Ламартин произнес речь, обращенную к савойским депутатам Национального собрания, в которой между прочим упомянул о том, что сам он провел свою юность в горах Савойи и там впитал «родной дух поэзии». Это, по-видимому, и дало Т. повод написать данное стихотворение (см. Н. Сурина. Тютчев и Ламартин — «Поэтика», кн. 3. Л., 1927, стр. 164).

Русской женщине (стр. 164). Впервые — «Киевлянин», 1850, № 3, стр. 191, под заглавием «Моей землячке» (ценз. разреш. — 17 апреля 1850 г.). Печ. по автографу АБ. В АБ переписано среди стихотворений 1848—1849 гг.

«Как дымный столп светлеет в вышине!..» (стр. 164). Впервые — М, 1850, № 8, стр. 290 (ценз. разреш. — 14 апреля 1850 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 57, в Изд. 1868 г., стр. 97. Печ. по автографу АБ. В АБ переписано среди стихотворений 1848—1849 гг.

«Святая ночь на небосклон взошла...» (стр. 165). Впервые — М, 1850, № 8, стр. 290 (ценз. разреш. — 14 апреля 1850 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 100, в Изд. 1868 г., стр. 133. Печ. по автографу МА. В автографе — зачеркнутое заглавие «Самосознание». К стихотворению приложена записка Т. к М. П. Погодину, издателю М: «В числе сообщенных вам пьес была одна с пропуском четырех стихов. Вот вам она сполна...» («Новый путь», 1903, ноябрь, стр. 15). Первоначальная редакция стихотворения вписана поэтом в АБ среди стихов 1848—1849 гг. Окончательная редакция, дополнительно посланная Погодину, должна быть отнесена к началу марта 1850 г.

«Неохотно и несмело...» (стр. 165). Впервые — «Киевлянин», 1850, № 3, стр. 192, под заглавием «Гроза». Печ. по автографу АБ. Датируется по автографу ЦГАЛИ. В автографе АБ перед текстом помета в скобках: «Гроза, доро́гой».

«Итак, опять увиделся я с вами...» (стр. 166). Впервые — М, 1850, № 8, стр. 288. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 51, в Изд. 1868 г., стр. 90. Печ. по автографу АБ. Датируется по автографу ЦГАЛИ, в котором дата сопровождается пометой: «Овстуг». Написано по поводу посещения летом 1849 г. родовой усадьбы Тютчевых села Овстуг в Брянском уезде Орловской губернии. *Не в эту землю я сложил.* Т. вспоминает о своей первой жене, умершей за границей и похороненной на сельском кладбище около Турина.

«Тихой ночью, поздним летом...» (стр. 167). Впервые — М, 1850, № 8, стр. 290. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 66, в Изд. 1868 г., стр. 108. Печ. по автографу АБ.

«Когда в кругу убийственных забот...» (стр. 167). Впервые — М, 1850, № 8, стр. 289. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 55, в Изд. 1868 г., стр. 95. Печ. по автографу АБ. Датируется по автографу ЦГАЛИ.

«По равнине вод лазурной...» (стр. 167). Впервые — М, 1850, № 7, стр. 164 (ценз. разреш. — 31 марта 1850 г.). Печ. по автографу АБ. В автографе АБ перед текстом помета: «29 ноября (11 декабря)»; в Изд. 1900 г. поставлен год: 1849.

Рассвет (стр. 168). Впервые — сб. «С нами бог! вперед... Ура!..», 1854, стр. 45. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 138, в Изд. 1868 г., стр. 125. Печ. по списку с поправками Т. в альбоме ЦГАЛИ Датируется по автографу АБ.

«Вновь твои я вижу очи...» (стр. 169). Впервые — М, 1850, № 8, стр. 289 (ценз. разреш. — 14 апреля 1850 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 71, в Изд. 1868 г., стр. 138. Печ. по автографу АБ. Датируется предположительно 1849 г., так как в автографе ЦГАЛИ первоначальная редакция стихотворения на одном листе с автографом стихотворения «Неохотно и несмело...». К кому обращено стихотворение — неизвестно. *Киммерийская ночь.* В «Одиссее» Гомера упоминается «печальная область» Киммерия, где царит «ночь безотрадная» (XI, 14—15).

«Слезы людские, о слезы людские...» (стр. 170). Впервые — М, 1850, № 8, стр. 290. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 134. Печ. по автографу АБ. Автограф ЦГАЛИ на одном листе со стихотворением «Когда в кругу убийственных забот...», что дает основание датировать стихи осенью 1849 г.

Наполеон (стр. 170). Впервые — М, 1850, № 7, стр. 162. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 86, в Изд. 1868 г., стр. 113. Печ. по списку СТ с уточнениями по автографу АБ. Стихотворный цикл о Наполеоне создавался на протяжении ряда лет. Раньше всего, в виде самостоятельного восьмистишия, были написаны строки 6—13 (с незначительными отличиями от окончательного текста). Они навеяны характеристикой Наполеона в публицистических очерках Г. Гейне «Französische Zustände» («Французские дела»): по словам Гейне, Наполеон был гением, «у которого в голове гнездились орлы вдохновения, между тем как в сердце извивались змеи расчета». Восьмистишие Т. написано не ранее 1832 г., когда вышла книга Гейне, и не позднее первых месяцев 1836 г., так как в начале мая оно было послано Т. вместе с другими его рукописями И. С. Гагарину. Предназначенное к помещению в третий том С 1836 г., оно подверглось цензурному запрету «за неясностью мысли автора, которая может вести к толкам весьма неопределенным» (см. письмо цензора А. Л. Крылова к Пушкину от 28 июля 1836 г. — Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 16. М.—Л., 1949, стр. 144, а также «Временник Пушкинского дома». П., 1914, стр. 15). В 1849 г., работая над конспектом задуманного им публицистического труда «Россия и Запад», Т. включил в седьмую главу («Россия и Наполеон») стихотворный отрывок, являющийся первоначальным наброском стихов 22—29 (автограф ЛБ). Вероятно, тогда же этот отрывок, дополненный восемью строками, был переработан поэтом в самостоятельное стихотворение под заглавием «Нерешенный вопрос» (автограф ЦГАЛИ), текст которого почти соответствует III части окончательной редакции. Несколько позднее Т. объединяет под общим заглавием «Наполеон» вновь написанные пять строк «Сын Революции, ты с матерью ужасной...», отрывок «Два демона ему служили...», дополнив его восемью строками, придавшими ему религиозно-мистическую окраску, и стихотворение «Нерешенный вопрос» (автографы ЦГАЛИ и АБ). Это окончательное оформление стихотворного цикла о Наполеоне состоялось не позднее первых месяцев 1850 г., поскольку 31 марта этого года последовало цензурное разрешение М. В своей окончательной редакции стихотворение отражает стремление Т. разрешить в духе славянофильской доктрины проблему революции и

исторических судеб России. *Да сбудутся ее судьбы!* — слова из приказа Наполеона по армии от 22 июня 1812 г.: «Россия увлекаема роком: да свершатся ее судьбы». *Новая загадка* — слова, сказанные Наполеоном на острове Святой Елены: «Через пятьдесят лет Европа будет либо под властью революции, либо под властью казаков». *На родину вернувшийся мертвец.* В 1840 г. останки Наполеона были перевезены с острова Святой Елены в Париж. Утверждение И. С. Аксакова о том, что стихотворение, составляющее третью часть данного стихотворного цикла, написано Т. в Мюнхене в 1840 г. и непосредственно связано с этим событием (А. 1886 г., стр. 67), нуждается в документальном подтверждении. *Смотришь на Восток.* Под Востоком Т. подразумевает Россию.

Поэзия (стр. 171). Впервые — М, 1850, № 7, стр. 163 (ценз. разреш. — 31 марта 1850 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 78, в Изд. 1868 г., стр. 117. Печ. по автографу МА.

Рим ночью (стр. 171). Впервые — М, 1850, № 13, стр. 3 (ценз. разреш. — 25 июня 1850 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 62, в Изд. 1868 г., стр. 104. Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Венеция (стр. 172). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 30. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 60, в Изд. 1868 г., стр. 102. Печ. по одному из двух автографов ЦГАЛИ. Датируется не позднее начала июня 1850 г., так как третий автограф находится в ГПБ среди бумаг М. П. Погодина и написан на одном листе с автографом стихотворения «Рим ночью». В стихотворении вспоминается обряд «обручения» венецианских дожей с Адриатическим морем, справлявшийся ежегодно до конца XVIII в. *Века три или четыре.* Расцвет Венецианской республики относится к XII—XV вв. *Тень от львиного крыла.* Крылатый лев — эмблема св. Марка, считавшегося покровителем Венеции; колонна, увенчанная этой эмблемой, стоит перед дворцом дожей. *Тяжкая цепь.* С 1814 по 1866 г. Венеция в составе Ломбардо-Венецианского королевства находилась под владычеством Австрии.

«Кончен пир, умолкли хоры...» (стр. 173). Впервые — М, 1850, № 13, стр. 4 (ценз. разреш. — 25 июня 1850 г.). Вошло в Изд. 1854 г., стр. 93, в Изд. 1868 г., стр. 148. Печ. по автографу ГПБ.

Пророчество (стр. 173). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 57. В Изд. 1854 г. не вошло, так как из дипломатических соображений было запрещено Николаем I. Печ. по авторизованному списку в альбоме ЦГАЛИ, где заглавие вписано самим Т. Осуществление своих панславистских чаяний Т. связывал с четырехсотлетней годовщиной падения Византийской империи (1453—1853). *София* — христианский храм в Константинополе, позднее превращенный в мечеть.

«Пошли, господь, свою отраду...» (стр. 174). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 33. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 68, в Изд. 1868 г., стр. 137. Печ. по первой публикации. Датируется по автографу ЦГАЛИ.

На Неве (стр. 174). Впервые — С, 1854, № 5, стр. 13. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 96, в Изд. 1868 г., стр. 123. Печ. по первой публикации.

«Под дыханьем непогоды...» (стр. 175). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 31. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 63, в Изд. 1868 г., стр. 105. Печ. по первой публикации. Датируется по автографу АБ.

«Обвеян вещею дремотой...» (стр. 175). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 40. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 80, в Изд. 1868 г., стр. 149. Печ. по автографу АБ.

Графине Е. П. Ростопчиной («Как под сугробом снежным лени...») (стр. 176). Впервые — сб. «Раут» на 1852 г., стр. 203. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 82, в Изд. 1868 г., стр. 121. Печ. по первой публикации. В «Рауте» дата сопровождается пометой: «С.-Петербург». Посвящено поэтессе Евдокии Петровне *Ростопчиной*, рожденной Сушковой (1811—1858). Стихотворение в значительной степени является плодом светской галантности и не отражает подлинного отношения поэта к Ростопчиной. Так, например, 13 июля 1851 г. Т. пишет жене: «На днях я получил самое кокетливо-любезное письмо от графини Ростопчиной, которая приглашает меня навестить ее в деревне, придумывая для этого разные малоубедительные доводы... Как будто возможно провести с ней хотя бы двадцать четыре часа с глазу на глаз» (перевод с французского — СН, кн. 19, 1914, стр. 28). *Стигийская мгла* (античн. миф.) — мгла, царящая в царстве мертвых, где протекает река Стикс. *Фея-Нелюдимка* — намек на вышедшую в 1850 г. драму Ростопчиной «Нелюдимка».

«Как ни дышит полдень знойный...» (стр. 177). Впервые — С, 1854, № 5, стр. 34. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 69, в Изд. 1868 г., стр. 137. Печ. по первой публикации. Датируется предположительно июлем 1850 г. на основании следующих данных: автограф ЦГАЛИ написан на обороте печатного приглашения на обед к гр. Борх, помеченного 3 июля 1850 г.; последняя строфа позволяет относить стихотворение к начальному периоду романа Т. с Еленой Александровной Денисьевой (1826—1864), с которой поэт встретился в июле 1850 г.

«Не рассуждай, не хлопочи!..» (стр. 178). Впервые — М, 1851, № 22, стр. 220, с заглавием «Совет». Вошло в Изд. 1854 г., стр. 136, в Изд. 1868 г., стр. 160. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется предположительно июлем 1850 г., так как автограф написан на одном листе с автографом предыдущего стихотворения.

Два голоса (стр. 178). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 55. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 134, в Изд. 1868 г., стр. 115. Печ. по автографу АБ. Датируется 1850 г., так как в АБ записано рядом со стихотворением «Обвеян вещею дремотой...».

Поминки (стр. 179). Перевод хоровой песни Шиллера на сюжет, заимствованный из «Илиады» Гомера, — «Das Siegesfest». Впервые — сб. «Раут» на 1851 г., стр. 75 (ценз. разрещ. — 24 февраля

1851 г.). Вошло в Изд. 1868 г., стр. 61. Печ. по Изд. 1854 г., стр. 103. Датируется предположительно 1850 — началом 1851 г., так как в подстрочном примечании к тексту «Раута» названо «новым переводом». *Пэан* — торжественная хоровая песнь в древнегреческой лирике. *Илион* — Троя. *Керы* — смертоносные богини. *Атреев сын, Атрид* — царь Агамемнон, предводитель греков в Троянской войне. *Кронид* — Зевс. *Аякса брат меньшой* — Тевкр. Аякс, один из славнейших героев греческого лагеря, покончил с собою, чтобы смыть с себя позор, так как Афина помешала ему отомстить Агамемнону за оскорбление. *Патрокл* — друг Ахилла, славный своим благородством и храбростью. Был убит Гектором. *Терсит* — самый безобразный, дерзкий и трусливый грек. *Пелид* — Ахилл. *Сын Тидеев* — Диомед, один из главных греческих героев, сражавшихся под Троей. *Гекуба* — жена Приама; потеряв всех своих детей при разрушении Трои, обратилась в собаку и, бросившись с корабля в море, погибла. *Ниоба* — фиванская царица, которая дерзко хвалилась перед Латоной, матерью Феба и Артемиды, своими детьми. За это Феб убил 7 ее сыновей и 7 дочерей. Ниоба от горя обратилась в камень, но и окаменевшая продолжала лить слезы. *Провозвестница жена* — прорицательница Кассандра.

«Смотри, как на речном просторе...» (стр. 183). Впервые — М, 1851, № 11, стр. 238. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 53, в Изд. 1868 г., стр. 93. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе строка 4-я первоначально читалась: «Льдина за льдиною плывет», что создавало характерный ритмический перебой. Исправление этой строки, вошедшее в печатный текст М, принадлежит П. А. Вяземскому. Погодин, опубликовавший текст с поправкой Вяземского, получил это стихотворение непосредственно от Т.; так как Вяземский в это время находился в Петербурге, а не в Москве, нет основания думать, что эта поправка внесена без ведома Т.

Первый лист (стр. 183). Впервые — сб. «Раут» на 1852 г., стр. 202. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 64, в Изд. 1868 г., стр. 106. Печ. по первой публикации.

«Не раз ты слышала признанье...» (стр. 184). Впервые — сб. «Звенья», кн. 1, 1932, стр. 86. Печ. по автографу ПД. Обращено к Е. А. Денисьевой и написано не ранее 20 мая 1851 г., дня рождения старшей дочери Т. и Денисьевой — Елены, которую поэт называет в этом стихотворении *безымянным херувимом.* Е. П. Казанович, впервые опубликовавшая эти стихи, считает, что они написаны «еще до крещения дочери и даже до подыскания ей имени», а следовательно, не позже первых чисел июня 1851 г.

Наш век (стр. 185). Впервые — М, 1851, № 16, стр. 379. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 90, в Изд. 1868 г., стр. 154. Печ. по первой публикации. Текст и дата уточнены по автографу ПД. В автографе дате предшествует помета: «Москва». *Я верю* и т. д. — цитата из евангелия (Марк, IX, 24).

Волна и дума (стр. 185). Впервые — сб. «Раут» на 1852 г., стр. 202. В «Рауте» дата сопровождается пометой: «Москва».

«Не остывшая от зною...» (стр. 185). Впервые — сб. «Раут» на 1852 г., стр. 201, под заглавием «Ночь в дороге». Вошло в Изд. 1854 г., стр. 99, в Изд. 1868 г., стр. 132. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В С, 1854, № 3, стр. 48, озаглавлено: «14 июля в ночь». Эта дата-заглавие в сопоставлении с пометой «дорóгой», имеющейся в автографе ЦГАЛИ, позволяет точно датировать стихотворение: 14 июля 1851 г. Т. выехал из Москвы в Петербург.

«В разлуке есть высокое значенье...» (стр. 186). Впервые — СН, кн. 18. СПб., 1914, стр. 30. Печ. по автографу ЛБ — в письме Т. к жене от 6 августа 1851 г. Дата письма является в то же время датой стихотворения, так как последнее носит характер экспромта: «Чувствую, что письма мои самые пошло-грустные. Они ничего не сообщают и несколько напоминают покрытые мелом оконные стекла, сквозь которые ничего не видать и которые существуют лишь для того, чтобы свидетельствовать о разлуке и отсутствии. Вот в чем несчастье быть до такой степени безличным... Это-то и препятствует мне относиться к самому себе достаточно серьезно, чтобы интересоваться мелочами своего существования, коль скоро твое ему не сопутствует. А потому единственное мало-мальски сильное чувство, которое я испытываю, — это чувство глухого возмущения тем, что я не могу покинуть самого себя, будучи покинутым тобою... (следует текст стихов — *К. П.*). Вот плохие вирши. выражающие нечто еще того хуже» (перевод с французского — ЛБ; в СН напечатано не полностью).

«День вечереет, ночь близка...» (стр. 186). Впервые — С, 1854. № 5, стр. 13. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 97, в Изд. 1868 г., стр. 130. Печ. по первой публикации.

«Не знаю я, коснется ль благодать...» (стр. 187). Впервые — РА, 1892, № 4, стр. 536. Печ. по автографу СП. Датируется 1851 г. на основании свидетельства Э. Ф. Тютчевой в письме к Д. Ф. Тютчевой от 26 мая 1875 г. (СП). Листок бумаги, на котором написан автограф, оторван от листка с автографом стихотворения «Des premiers ans de votre vie...», что позволяет предположительно относить стихотворение «Не знаю я, коснется ль благодать...» к апрелю 1851 г. В автографе перед текстом помета на французском языке: «Для вас (чтобы прочесть наедине)». Посвящено Э. Ф. Тютчевой, второй жене поэта, и написано в первый год его романа с Е. А. Денисьевой.

«Как весел грохот летних бурь...» (стр. 187). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 32. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 65, в Изд. 1868 г., стр. 107. Печ. по автографу СП. Датируется 1851 г. по списку в альбоме Э. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ).

«Недаром милосердым богом...» (стр. 187). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 55. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 133, в Изд.

1868 г., стр. 94. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В списке альбома Э. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ) помечено 1851 г. Обращено к одной из дочерей поэта.

«О, как убийственно мы любим...» (стр. 188). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 37. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 75, в Изд. 1868 г., стр. 143. Печ. по первой публикации. Данные для датирования содержатся в самом тексте стихотворения, связанного с любовью Т. к Е. А. Денисьевой. Поэт встретился с нею в июле 1850 г. Слова «год не прошел» дают основание датировать стихи концом 1850 — первой половиной 1851 г.

<Из Гете> («Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...») (стр. 189). Перевод песни Миньоны из романа «Ученические годы Вильгельма Мейстера» Гете. Впервые — сб. «Раут» на 1852 г., стр. 201, с заглавием «Kennst du das Land? (Из Гете)». Вошло в Изд. 1854 г., стр. 101, в Изд. 1868 г., стр. 58. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано не позднее 27 октября 1851 г., когда было послано Н. В. Сушкову для помещения в «Рауте». «Романс из Гете несколько раз переведен был у нас, — писал Т. Сушкову, — но так как эта пьеса — из числа тех, которые почти обратились в литературную поговорку, то она навсегда останется пробным камнем для охотников» («Мурановский сборник», вып. 1, 1928, стр. 67).

<Из Шиллера> («С озера веет прохлада и нега...») (стр. 190). Перевод песни сына рыбака, открывающей 1 акт драмы Шиллера «Вильгельм Телль»: «Es lächelt der See, er ladet zum Bade». Впервые — С, 1854, № 5, стр. 50. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 102, в Изд. 1868 г., стр. 60, под названием «Из Шиллера». Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф на одном листе со стихами «Не остывшая от зною...» и «Ты знаешь край? ..», что дает основание предположительно относить и это стихотворение к 1851 г.

Предопределение (стр. 191). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 40. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 81, в Изд. 1868 г., стр. 150. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф ЦГАЛИ на одном листе с автографом стихотворения «Недаром милосердым богом...», что дает основание предположительно относить его к 1851 г.

«Не говори: меня он, как и прежде, любит...» (стр. 191). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 36. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 72, в Изд. 1868 г., стр. 140. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется 1851 — началом 1852 г., так как связано с любовью Т. к Е. А. Денисьевой, и в списке вошло в текст СТ.

«О, не тревожь меня укорой справедливой! ..» (стр. 191). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 36. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 73, в Изд. 1868 г., стр. 141. Печ. по первой публикации. Датируется на тех же основаниях, что и предыдущее стихотворение.

«Чему молилась ты с любовью...» (стр. 192). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 37. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 74, в Изд.

1868 г., стр. 142. Печ. по первой публикации. Датируется на тех же основаниях, что и стихотворение «Не говори: меня он, как и прежде, любит...».

«Я очи знал, о, эти очи!..» (стр. 192). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 35. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 70, в Изд. 1868 г., стр. 151. Печ. по первой публикации. Датируется не позднее начала 1852 г., так как список стихотворения имеется в тексте СТ. Обычно стихотворение связывается с любовью Т. к Е. А. Денисьевой. Некоторое недоумение вызывает прошедшее время, выдержанное в стихотворении с начальных строк и до конца, тогда как, если оно посвящено Денисьевой, то относится к первым годам романа поэта с ней.

Близнецы (стр. 193). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 145. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано не позднее начала 1852 г., так как вошло в текст СТ. Второй автограф имеется в ГПБ — в альбоме Н. В. Гербеля. Хотя этот текст и позднейший (1857 г.), он отличается некоторой недоработанностью (см. раздел «Другие редакции», VIII), не позволяющей предпочесть его традиционной редакции.

«Ты, волна моя морская...» (стр. 194). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 47, с эпиграфом в качестве заглавия. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 94, в Изд. 1868 г., стр. 146. Печ. по списку с поправками Т. в СТ.

Памяти В. А. Жуковского («Я видел вечер твой. Он был прекрасен!») (стр. 195). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 46, с заглавием «На смерть Жуковского». Вошло в Изд. 1854 г., стр. 91, в Изд. 1868 г., стр. 155. Печ. по автографу ЦГАЛИ. По свидетельству Т., стихотворение написано им в конце июня (после 24-го) 1852 г., по дороге из Орла в Москву (см. СН, кн. 18. СПб., 1914, стр. 38). Василий Андреевич *Жуковский* умер 11 апреля 1852 г. в Баден-Бадене. Тело его было перевезено в Петербург и 29 июня того же года похоронено в Александро-Невской лавре. Т. присутствовал на похоронах поэта, с которым познакомился еще в юности и с которым в 1820-х — 1840-х годах неоднократно встречался за границей. *Были Омировы* — перевод «Одиссеи» Гомера. Жуковский читал его Т. во время их встреч в Эмсе в 1847 г. (см. письмо Т. к жене от 17/29 августа 1847 г. — СН, кн. 18. СПб., 1914, стр. 24—25). *Лишь сердцем чистые* — цитата из евангелия (Матф., V, 8).

«Сияет солнце, воды блещут...» (стр. 196). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 48. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 98, в Изд. 1868 г., стр. 131. Печ. по первой публикации. В автографе ПД помета: «Каменный остров. 28 июля». На Каменном острове Т. жил с начала июля до конца сентября 1852 г. Все письма его за эти месяцы помечены не Петербургом, а просто Каменным островом. Последняя строфа стихотворения обращена к Е. А. Денисьевой.

«Чародейкою Зимою...» (стр. 196). Впервые — в Изд. 1886 г., стр. 196. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в Овстуге,

Последняя любовь (стр. 197). Впервые — С, 1954, № 3, стр. 38. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 77, в Изд. 1868 г., стр. 145. Печ. по первой публикации. Написано, по-видимому, не ранее второй половины 1852 г., ибо отсутствует в СТ, и не позднее начала 1854 г., когда И. С. Тургенев приступил к подготовке отдельного издания стихотворений Т.

Неман (стр. 197). Впервые — сб. «Раут» на 1853 г., стр. 163, с заглавием «Проездом через Ковно». Печ. по автографу ЛБ — в письме Т. к жене от 27 сентября 1853 г. В подлиннике после заглавия пометa в скобках: «проездом через Ковно». Написано в первых числах сентября 1853 г., когда Т. по пути из-за границы в Петербург останавливался в Ковно (Каунасе), где пообыл два с половиной дня. Посвящено воспоминанию о переходе Немана армией Наполеона 12 июня 1812 г. *Южный демон* — Наполеон был уроженцем острова Корсики.

Лето 1854 (стр. 199). Впервые — в Изд. 1868 г., стр. 163, без названия. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В ЛБ имеется автограф первоначальной редакции — в письме поэта к жене от 11 августа 1854 г. из Петербурга. Написано между 5 и 11 августа 1854 г. и перекликается со следующими строками из письма поэта к жене от 5 августа 1854 г.: «Какие дни! Какие ночи! Какое чудное лето! Его чувствуешь, дышишь им, проникаешься им и едва веришь этому сам. Что мне кажется чудесным — это продолжительность, невозмутимая продолжительность этих хороших дней, внушающая какое-то доверие, называемое удачею в игре. Уж не отменил ли господь окончательно в нашу пользу дурную погоду» (перевод с французского. — СН, кн. 19. П., 1915, стр. 87—88).

«Увы, что нашего незнанья...» (стр. 199). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 171. Печ. по автографу ЛБ — в письме поэта к жене от 11 сентября 1854 г. из Петербурга. Четверостишие носит характер экспромта, а не ранее написанного и процитированного в письме стихотворения, чем и определяется его датировка.

«Теперь тебе не до стихов...» (стр. 199). Впервые — Изд. 1868 г.. стр. 164. Датируется по списку в альбоме Е. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ).

«Пламя рдеет, пламя пышет...» (стр. 200). Впервые — РС, 1885, № 2, стр. 433. Исправляем опечатку в строке 14: «люблю» вместо «ловлю». Обращено к Е. А. Денисьевой.

«Вот от моря и до моря...» (стр. 201). Впервые — РБ. 1857, № 6, стр. 143. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 168. Печ. по первой публикации. Датируется по списку АБ. Написано в городе Рославле Орловской губернии, на пути из Москвы в Овстуг. *Нить железная* — проволока телеграфа. *Кровь... севастопольских вестей.* Стихотворение отражает мрачные предчувствия поэта, вызванные осадой Севастополя.

«Эти бедные селенья...» (стр. 201). Впервые — РБ, 1857, № 6, стр. 143. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 170. Печ. по первой публикации. Написано, как и предыдущее стихотворение, в Рославле. Д. Д. Благой справедливо устанавливает внутреннюю связь между стихотворениями «Вот от моря и до моря...» и «Эти бедные селенья...» и считает, что последнее «подсказано не только непосредственными впечатлениями от зрелища угнетенной крепостным рабством страны, но и мыслями о неисчислимых страданиях защитников Севастополя — простых русских солдат, в исключительно тяжелых условиях с беспримерным героизмом отстаивающих свою родину» (Ф. Тютчев. Стихотворения. «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1953, стр. 367—368).

«О, вещая душа моя!..» (стр. 202). Впервые — РБ, 1857, № 6, стр. 144. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 172. Печ. по первой публикации. Датируется 1855 г. на основании пометы Э. Ф. Тютчевой на автографе ЦГАЛИ. *Мария* — раскаявшаяся грешница Мария Магдалина, о которой упоминается в евангелии.

<Из Микеланджело> («Молчи, прошу, не смей меня будить...») (стр. 202). Перевод стихотворения Микеланджело Буонаротти «Grato m'è sonno e più l'esser di sasso...». Четверостишие Микеланджело представляет собою ответ на стихи Строцци, навеянные изваянием «Ночи» на гробнице Юлиана Медичи во Флоренции. Впервые —Изд. 1868 г., стр. 171, с заглавием «Сонет Микель-Анджело (перевод)». Печ. по автографу ЛБ. Датируется по Изд. 1868 г. Выбор перевода отражает подавленное настроение, овладевшее Т. в 1855 г. под влиянием хода Крымской войны. Т. перевел четверостишие Микеланджело сначала на французский, а затем на русский язык. Это показывает, насколько оно было созвучно переживаниям поэта и насколько он добивался максимальной выразительности перевода. Первоначальную редакцию русского перевода см. в разделе «Другие редакции», IX.

«Не богу ты служил и не России...» (стр. 202). Впервые — «Былое», 1922, № 19, стр. 76. Печ. по списку АБ. В рукописи перед текстом помета: «Н. П.» (Николаю Павловичу). Николай I умер 18 февраля 1855 г., чем определяется дата, ранее которой не могла быть написана настоящая эпиграмма. Однако едва ли она сложилась непосредственно под первым впечатлением от известия о смерти царя (ср. несколько противоречащую такому представлению запись в дневнике А. Ф. Тютчевой «При дворе двух императоров», т. 1. М., 1928, стр. 127). По всей вероятности, эпиграмма отражает настроение Т. после падения Севастополя, когда, как можно судить по письмам поэта, он с особенной резкостью критиковал личность и деятельность умершего императора.

1856 («Стоим мы слепо пред судьбою...») (стр. 203). Впервые — РА, 1867, № 12, столбец 482. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 166. Печ. по автографу ГПБ — в альбоме писателя-этнографа и романиста Григория Петровича Данилевского (1829—1890). Стихотворению предшествуют следующие строки: «С.-Петербург. 31 декабря 1855. —

Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе? .. У меня собственно — никакой. Назвать вам мысль — чужая. Чья же именно! .. Это довольно трудно объяснить — да и не нужно. Ф. Тютчев». Редактор-издатель РА П. И. Бартенев сообщает в примечании, что слышал эти стихи «в начале 1855 года... в одном тесном приятельском кружке». Это свидетельство и заглавие «На новый 1855 год», под которым с тех пор стихотворение печаталось во всех изданиях произведений Т., начиная с издания 1868 г. и кончая изданием 1923 г., противоречат дате-заглавию в автографе ГПБ и содержанию предпосланной стихотворению записки поэта к Г. П. Данилевскому. Два дошедших до нас современных списка этого стихотворения — в альбоме Е. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ) и в архиве А. В. Никитенко (ПД) — соответствуют автографу. *Я не свое тебе открою* — намек на модное в светских кругах того времени увлечение спиритизмом, которому поддался и Т. Однако вопреки утверждению поэта, что он передает «чужую» мысль, содержание стихотворения как нельзя более отвечает его собственным раздумьям и настроениям под влиянием событий Крымской войны. Недаром А. Ф. Тютчева, дочь поэта, иронически относившаяся к «столоверчению», отмечает в своем дневнике: «Странно, что дух этого стола как две капли воды похож на дух моего отца; та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог» (А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров, т. 1. М., 1928, стр. 128).

«Так, в жизни есть мгновенья...» (стр. 203). Впервые — РС, 1885, № 2, стр. 433, вместе со стихотворением «Пламя рдеет, пламя пышет...». За неимением данных для датировки относим стихотворение предположительно к июлю 1885 г., т. е. к тому же времени, когда было написано и предыдущее стихотворение. Оба стихотворения были сообщены в редакцию РС Я. П. Полонским, получившим их от Ф. Ф. Тютчева (в подстрочном примечании он ошибочно назван г. Денисьевым), сына поэта и Е. А. Денисьевой.

«Всё, что сберечь мне удалось...» (стр. 204). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 7. Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Посвящено второй жене поэта, Э. Ф. Тютчевой, и написано в день ее рождения.

(Из Шиллера) «С временщиком Фортуна в споре...» (стр. 204). Перевод стихотворения Шиллера «Das Glück und die Weisheit». Впервые — «Полное собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей», т. 2. СПб., 1857, стр. 247, с заглавием «Фортуна и Мудрость». Печ. по автографу ГПБ в альбоме Н. В. Гербеля, датированному 2 апреля 1857 г.

Н. Ф. Щербине (стр. 205). Впервые — РВ, 1857, февраль, кн. 2, стр. 837. Посвящено поэту Николаю Федоровичу *Щербине* (1821—1869). Один из основных мотивов творчества Щербины — идеализация античного мира, на что и намекает Т. в своем стихотворении.

«Прекрасный день его на Западе исчез...» (стр. 205), Впервые — «Временник Пушкинского дома», Пг., 1914,

стр. 40. Печ. по списку в письме Д. Ф. Тютчевой к Е. Ф. Тютчевой от 13 апреля 1857 г. (МА). Датируется 11 апреля 1857 г. (пятая годовщина со дня смерти Жуковского). Четверостишие было написано на форзаце 10 тома «Сочинений В. Жуковского» (СПб., 1857), содержащего посмертные его стихотворения и подаренного Т. дочери Дарье. Экземпляр этот не сохранился.

«Над этой темною толпой...» (стр. 205). Впервые — РБ, 1858, №. 10, стр. 3. Печ. по автографу СП. Написано во время пребывания поэта в Овстуге. В первоначальной редакции (список в альбоме Е. Ф. Тютчевой — ЦГАЛИ) стихотворение состояло из двух строф. См. раздел «Другие редакции», X.

«Есть в осени первоначальной...» (стр. 206). Впервые — РБ, 1858, № 10, стр. 3. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 175. Печ. по автографу СП. В первоначальной автографической записи ЦГАЛИ имеется приписка рукой М. Ф. Тютчевой (на французском языке): «Написано в коляске на третий день нашего путешествия» (из Овстуга в Москву).

«Смотри, как роща зеленеет...» (стр. 206). Впервые — РБ, 1858, № 10, стр. 5. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 176. Печ. по автографу СП. Датируется на основании списка в альбоме Е. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ) с пометой: «Августа 1857-го года дорогою и в Москве».

«В часы, когда бывает...» (стр. 207). Впервые — РБ, 1858, № 10, стр. 4 (ценз. разреш. — 17 мая 1858 г.). Вошло в Изд. 1868 г., стр. 180, с пометой: «1858 г.». Печ. по списку И. Ф. Тютчева (ЦГАЛИ). В списке альбома Е. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ) имеется указание на то, что стихотворение посвящено памяти первой жены поэта.

«Она сидела на полу...» (стр. 208). Впервые — РБ, 1858, № 10, стр. 4 (ценз. разреш. — 17 мая 1858 г.). Вошло в Изд. 1868 г., стр. 182, с пометой: «1858 г.». Печ. по автографу ЦГАЛИ.

«Когда осьмнадцать лет твои...» (стр. 209). Впервые — НС, стр. 50. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе перед текстом помета на французском языке: «Моей дорогой Марú к ее 18-летию». Посвящено М. Ф. Тютчевой (1840—1872), в замужестве Бирилевой, младшей дочери поэта.

<Из Ленау> («Когда, что звали мы своим...») (стр. 209). Вольный перевод (скорее даже стихотворение на тему) стихов немецкого поэта-романтика Н. Ленау «Blick in den Strom». Впервые — РВ, 1858, август, кн. 1, стр. 719, с заглавием «Успокоение». См. раздел «Другие редакции», XI. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 177. Печ. по автографу ЛБ.

«Осенней позднею порою...» (стр. 210). Впервые — РБ, 1859, № 13, стр. 2. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 179. Печ.

по автографу ЛБ. В автографе ЛБ дате, проставленной рукой М. Ф. Тютчевой, предшествует помета: «Царское Село». *Белокрылые виденья* — белые лебеди.

На возвратном пути. I. «Грустный вид и грустный час...». II. «Родной ландшафт... Под дымчатым навесом...» (стр. 210—211). Впервые — «Наше время», 1860, № 1, 17 января. Печ. по автографам СП в письме Т. к дочери Д. Ф. Тютчевой (без даты). В списке АБ имеется помета, указывающая на то, что стихотворения написаны по дороге из Кенигсберга в Петербург в октябре 1859 г. В письме к жене от 24 октября 1859 г. из Берлина Т. сообщает, что он в тот же день выезжает в Кенигсберг, а оттуда в Петербург (см. СН, кн. 21. Пг., 1916, стр. 172). Следовательно, стихотворения написаны в последних числах октября 1859 г. *Леман* — Женевское озеро.

Е. Н. Анненковой («И в нашей жизни повседневной...») (стр. 211). Впервые — в Изд. 1886 г., стр. 232. Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Написано в альбом Елизаветы Николаевны *Анненковой* (1840—1886), в замужестве кн. Голицыной.

Декабрьское утро (стр. 212). Впервые — «Гражданин», 1872, № 1, стр. 9. В автографе ЦГАЛИ (см. раздел «Другие редакции», XII) перед текстом имеется помета: «Декабрь 8 ч<асов> утра». В Изд. 1900 г. к этой помете присоединен год: 1859.

«Хоть я и свил гнездо в долине...» (стр. 212). Впервые — «День», 1861, № 10, 16 декабря. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 198. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В некоторых изданиях (1868, 1886 и 1900 гг.) и списках датировано 10 октября 1861 г. Между тем, судя по содержанию, оно написано в Женеве, где Т. был в октябре 1860 г. По-видимому, отнесение стихотворения к 1861 г. ошибочно.

На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского (стр. 213). Впервые — «Наше время», 1861, № 8, 6 марта, в заметке «Юбилей князя П. А. Вяземского». Вошло в Изд. 1868 г., стр. 190. Печ. по списку АБ. Написано в конце февраля — начале марта 1861 г. Первое упоминание об этом стихотворении содержится в письме Д. Ф. Тютчевой к сестре Е. Ф. Тютчевой, от 25 февраля 1861 г. (МА). Список М. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ), заключающий первоначальную редакцию пятой и шестой строф, помечен: «26 февраля». Все остальные существующие тексты датированы 2 марта 1861 г. Стихотворение прочитано на банкете, устроеннном 2 марта 1861 г. Академией наук в честь пятидесятилетия литературной деятельности Петра Андреевича *Вяземского* (1792—1878). Вяземский принадлежал к числу ближайших друзей Т. и его семьи. С характеристикой литературного пути Вяземского, данной Т. в настоящем стихотворении, перекликаются следующие строки из письма П. А. Плетнева к Вяземскому от 5/17 января 1859 г.: «Недавно с Тютчевым я опять перечитал всю тетрадь вашу, и мы оба не могли не почувствовать, что сила, свежесть и грация стихов ваших идут в диаметрально противоположную сторону со счетом дней ваших:

чем тяжелее груз последних, тем моложе и игривее характер первых» («Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III. СПб., 1885, стр. 460).

«Я знал ее еще тогда...» (стр. 215). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 193. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по списку АБ. Кого имеет в виду поэт в этом стихотворении — неизвестно.

Князю П. А. Вяземскому («Теперь не то, что за полгода...») (стр. 215). Впервые — «День», 1861, № 2, 21 октября. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 197. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В двух автографах помета: «Петергоф, 12-ое июля». Год легко устанавливается по содержанию стихотворения, так как под «тесным кругом друзей» имеется в виду чествование пятидесятилетия литературной деятельности Вяземского, состоявшееся 2 марта 1861 г. Юбилей, о котором идет речь в данном стихотворении, — день рождения Вяземского.

«Играй, покуда над тобою...» (стр. 216). Впервые — РА, 1874, № 7, столбец 221. Кому посвящено — неизвестно.

При посылке Нового завета (стр. 216). Впервые — «День», 1861, № 3, 28 октября. Датируется по Изд. 1868 г., стр. 195. Обращено к старшей дочери поэта Анне Федоровне Тютчевой (1829—1889), в замужестве Аксаковой. Под «нелегким жребием» Т. подразумевает раннее сиротство (смерть матери) и придворную службу дочери, состоявшей фрейлиной при вел. кн. Марии Александровне. В своих мемуарах «При дворе двух императоров» (М., 1928—1929) А. Ф. Тютчева нарисовала яркую и далекую от идеализации картину придворной жизни.

«Иным достался от природы...» (стр. 217). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 196, как одно стихотворение с другим стихотворением Т., обращенным к Фету: «Тебе сердечный мой поклон...». На то, что это два разных стихотворения, впервые указал Б. Я. Бухштаб (см. его заметку «Три стихотворные послания Тютчева» — «Труды Ленинградского государственного библиотечного института имени Н. К. Крупской», т. 1. 1956, стр. 235—236). Печ. по автографу ПД. Поскольку оба стихотворения посланы Фету одновременно и написаны на одном листе, причем стихотворение «Тебе сердечный мой поклон...» датировано 14 апреля 1862 г., есть основание относить стихи «Иным достался от природы...» также к апрелю 1862 г. Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) был большим почитателем Т., написал восторженную статью о его поэзии и посвятил ему четыре стихотворения: «Мой обожаемый поэт...», «Прошла весна, темнеет лес...», «Нетленностью божественной одеты...» и «Вот наш патент на благородство...»; последнее написано уже после смерти Т. и озаглавлено «На книжке стихотворений Тютчева».

«Как летней иногда порою...» (стр. 217). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 202, где напечатано в виде двух самостоятельных стихотворений: первое — строфы 1—5 с заглавием «N.N.-ой», второе — строфы 6—9. Печ. по списку М. Ф. Тютчевой, с собственно-

ручными поправками поэта (ЦГАЛИ). Датируется по Изд. 1868 г. Обращено к Надежде Сергеевне Акинфиевой (1839—1891), урожденной Анненковой, племяннице министра иностранных дел кн. А. М. Горчакова. В строках 19—21 содержится намек на увлечение Горчакова Акинфиевой.

«Утихла биза... Легче дышит...» (стр. 219). Впервые — РВ, 1865, февраль, кн. 2, стр. 686. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 201, под заглавием «Женева» и без последней строфы. Печ. по автографу ЛБ. В автографе дата сопровождается пометой: «в Женеве». *Биза* — местное название северного ветра, дующего на Женевском озере. *Белая гора* — Монблан. *Одной могилой меньше было.* Имеется в виду могила Е. А. Денисьевой на Волковом кладбище в Петербурге.

«Как неразгаданная тайна...» (стр. 219). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 209. Печ. по первой публикации. В Изд. 1868 г. дате предшествует помета: «Ницца». Посвящено императрице Марии Александровне (1824—1880), жене Александра II.

«О, этот Юг! о, эта Ницца!..» (стр. 220). Впервые — РВ, 1865, февраль, кн. 2, стр. 686. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 210. Печ. по автографу ЛБ. В списке АБ датировано: «Ницца, 21 ноября 1864». Эта дата противоречит помете в автографе: «Ницца, декабря», но возможно, что стихотворение, писанное 21 ноября, получило в декабре свою окончательную обработку, если только помета «декабря» не является датой переписки стихотворения (автограф послан поэтом А. И. Георгиевскому при письме от 13 декабря 1864 г.).

«Весь день она лежала в забытьи...» (стр. 220). Впервые — РВ, 1865, февраль, кн. 2, стр. 685. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 208, где датировано: «Июля 1864». Печ. по автографу ЛБ. Стихотворение посвящено воспоминанию о последних минутах жизни Е. А. Денисьевой, умершей 4 августа 1864 г. в Петербурге. Датировка Изд. 1868 г. опровергается текстом последней строфы, явно указывающей на то, что стихотворение написано после смерти Денисьевой. Было послано поэтом из Ниццы А. И. Георгиевскому при письме от 13 декабря 1864 г. вместе с двумя другими стихотворениями, написанными в октябре — декабре этого года («Утихла биза... Легче дышит...» и «О, этот Юг! о, эта Ницца! ..»).

Encyclica (стр. 221). Впервые — «День», 1865, № 2, 9 января. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 211. Печ. по первой публикации. Датируется по АБ, в котором дате предшествует помета: «Ницца». Написано в ответ на обнародованную 26 ноября 1864 г. энциклику папы Пия IX, осуждавшую в числе разных «заблуждений века» свободу совести. В первой строфе Т. вспоминает разрушение иерусалимского храма римлянами в 70 г. н. э.

«Как хорошо ты, о море ночное...» (стр. 221). Впервые — одна из ранних редакций — «День», 1865, № 4, 23 января; полностью — в РВ, 1865, февраль, кн. 2, стр. 687. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 212. Печ. по автографу ЛБ. В автографе дате предшествует помета: «Ницца».

«Когда на то нет божьего согласья...» (стр. 222). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 222. Печ. по автографу СП. В автографе перед текстом помета на французском языке: «Из Ниццы в Сими, 11/23 января 1865». После текста приписка, обращенная к дочери поэта Д. Ф. Тютчевой (1834—1903): «Моя милая дочь, храни это на память о нашей вчерашней прогулке и разговоре, но не показывая никому...» (перевод с французского). По-видимому, дата «11/23 января» и должна была напомнить дочери поэта «вчерашнюю прогулку», а стихотворение написано на следующий день, т. е. 12 января 1865 г. Содержание разговора поэта с дочерью, вызвавшее эти стихи, неизвестно.

«Есть и в моем страдальческом застое...» (стр. 222). Впервые — отрывки — РА, 1874, № 10, столбец 377, и в романе Ф. Ф. Тютчева «На границе» («Свет», 1893, № 175, стр. 2); полностью — «Исторический вестник», 1903, № 7, стр. 203, в статье Ф. Ф. Тютчева «Федор Иванович Тютчев, Материалы к его «биографии», с заглавием: «По возвращении из Ниццы в 1865 г.». В списке И. С. Аксакова (СП) помечено: «1865 г. Март. Петербург». Т. вернулся в Петербург из Ниццы 26 марта. Следовательно, стихотворение написано в последних числах марта. Посвящено воспоминанию об Е. А. Денисьевой.

«Он, умирая, сомневался...» (стр. 223). Впервые — «Ипокрена», 1917, октябрь, стр. 5. Печ. по автографу ЦГИА, посланному поэтом А. М. Горчакову при письме от 11 апреля 1865 г. Написано в первых числах апреля 1865 г. в связи с исполнившейся 4 апреля столетней годовщиной со дня смерти Ломоносова. Накануне этого дня Т. послал А. Н. Майкову первоначальную редакцию этого стихотворения при следующей записке: «Вот вам, друг мой Аполлон Николаевич, несколько бедных рифм для вашего праздника, в теперешнем моем расположении не могу больше. Весь ваш Тютчев» (ПД). *Зловещей думою томим.* Умирающий Ломоносов высказывал опасение, что его «полезные намерения» исчезнут вместе с ним. *Борец ветхозавѐтный* — Иаков, один из древнееврейских патриархов; по библейскому сказанию, с ним однажды «боролся некто до появления зари», и только на рассвете Иаков понял, что боролся с богом («Библия. — Бытие», XXXII, 24—32).

«Певучесть есть в морских волнах...» (стр. 224). Впервые — РВ, 1865, № 8, стр. 432, с четвертой строфой:

И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

Печ. по списку АБ. Эпиграф заимствован у римского поэта IV в. до н. э. Авзония. *Мусикийский* (слав.) — музыкальный. *Мыслящий тростник* — образ, принадлежащий французскому мыслителю Б. Паскалю: «Человек не более, как самая слабая тростинка в природе, но это — тростинка мыслящая» («Pensées» — «Мысли»).

Другу моему Я. П. Полонскому (стр. 225). Впервые — «Сочинения Я. П. Полонского», изд. М. О. Вольфа, 1869, примечания, стр. II. Печ. по автографу из частного собрания. Поэт Яков Петрович *Полонский* (1819—1898) был близок с семьей Т. Четверостишие написано в ответ на стихотворение Полонского «Ф. И. Тютчеву» («Ночной костер зимой у перелеска...»).

«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...» (стр. 225). Впервые — «Исторический вестник», 1903, № 7, стр. 202, с датой-заглавием «15 июля 1865 г.» Адресат стихотворения (*друг*) неизвестен. Возможно, что это А. И. Георгиевский, муж сестры Е. А. Денисьевой. *Она* — Е. А. Денисьева.

«Молчит сомнительно Восток...» (стр. 225). Впервые — РВ, 1865, № 7, стр. 111. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 212. Печ. по первой публикации. В РВ дате предшествует помета: «Москва». В списке АБ и Изд. 1868 г. датировано 25 июля 1865 г. Стихотворение в аллегорической форме выражает мечты о политическом и национальном возрождении восточных славян.

Накануне годовщины 4 августа 1864 г. (стр. 226). Впервые — «Исторический вестник», 1903, № 7, стр. 202. Дата стихотворения определяется по его заглавию. Написано накануне годовщины смерти Е. А. Денисьевой.

«Как неожиданно и ярко...» (стр. 226). Впервые — «День», 1865, № 33, 25 сентября. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 213. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по списку АБ. Написано в Рославле.

«Ночное небо так угрюмо...» (стр. 227). Впервые — «День», 1865, № 33, 25 сентября. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе перед текстом помета: «18 августа, дорогой». В списке АБ датировано: «Овстуг, 18 августа 1865».

«Нет дня, чтобы душа не ныла...» (стр. 227). Впервые — «Исторический вестник», 1903, № 7, стр. 202. Устраняем заглавие «23-го ноября 1865 г.», так как несомненно, что в данном случае дата, поставленная перед текстом, ошибочно принята за название.

«Как ни бесилося злоречье...» (стр. 228). Впервые — РА, 1874, № 12, столбец 1124. Датируется по списку ЦГАЛИ (архив Вяземских). По-видимому, стихотворение вызвано толками о разводе Н. С. Акинфиевой (см. о ней примечание к стихотворению «Как летней иногда порою...» на стр. 367) с ее первым мужем В. Н. Акинфиевым.

Н. И. Кролю (стр. 228). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 205, без названия, после стихов 1863 г. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Посвящено поэту-сатирику и драматургу Николаю Ивановичу *Кролю* (1823—1871). Сатирические стихи Кроля печатались, между прочим, в «Искре».

«Когда дряхлеющие силы...» (стр. 229). Впервые — с заглавием «Еще князю П. А. Вяземскому» — Изд. 1868 г., откуда вырезано по требованию автора; вторично — с неточным порядком строф — Изд. 1886 г., стр. 291. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В списке АБ помечено сентябрем 1866 г. Написано 1—3 сентября, так как было послано поэтом А. И. Георгиевскому при письме от 3 сентября 1866 г. (ЦГАЛИ). Поводом к написанию этого стихотворения послужили стихи П. А. Вяземского «Воспоминания из Буало» и «Хлестаков», высмеивающие редактора реакционных периодических изданий «Русский вестник» и «Московские ведомости» М. Н. Каткова. Но стихотворение Т. гораздо шире по своему объективному смыслу. Косвенную характеристику Вяземского, данную в этом стихотворении, любопытно сопоставить с прямой его характеристикой в письме Т. к дочери Е. Ф. Тютчевой от 3 января 1869 г. из Петербурга: «Намедни мы были у него (Вяземского. — *К. П.*) на литературном вечере; нам прочли статью, которую он написал по поводу романа Толстого («Война и мир». — *К. П.*) и которая должна появиться в журнале Бартенева («Русский архив». — *К. П.*). Это довольно любопытно с точки зрения воспоминаний и личных впечатлений и весьма неудовлетворительно со стороны литературной и философской оценки. Но натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для малоисследованной страны является враждебно настроенный и предубежденный посетитель-иностранец» (перевод с французского. — Ф. И. Тютчев, Стихотворения. Письма. М., 1957, стр. 469).

«Умом Россию не понять» (стр. 230). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 230. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по Изд. 1868 г.

На юбилей Н. М. Карамзина (стр. 230). Впервые — «Вестник Европы», 1866, № 4, стр. LXII. Печ. по Изд. 1868 г., стр. 231. Датируется 30 ноября — 1 декабря 1866 г. на основании помет в автографе и списках (ЦГАЛИ). Строфы 4—5, по-видимому, написаны несколько позднее. Прочитано на вечере по случаю столетней годовщины со дня рождения Н. М. Карамзина, состоявшемся 3 декабря 1866 г. в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

«Ты долго ль будешь за туманом...» (стр. 231). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 234. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано по поводу восстания славянского населения острова Крита против турецкого владычества. Т. надеялся, что Россия окажет критянам поддержку. Предпринятое русским правительством дипломатическое вмешательство реального значения не имело.

«Тихо в озере струится...» (стр. 231). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 220, с пометой: «Царское село 1866 г.». Печ. по автографу ЦГАЛИ. В СН, кн. 21, 1916, стр. 230, стихотворение помещено после письма Т. к жене от 31 июля 1866 г. из Царского Села. Хотя среди подлинников писем поэта, хранящихся в ЛБ, этого стихотворения нет, датируем его июлем 1866 г.

В Риме (стр. 232). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 233, под заглавием «В альбом княгини Т.». Печ. по списку АБ. Автограф ЦГАЛИ, дающий первоначальную редакцию стихотворения, написан на обороте печатного приглашения на торжественное собрание Академии наук 29 декабря. Это указывает на то, что стихи датируются не ранее последних чисел декабря 1866 г. Заглавие, данное этим стихам в Изд. 1868 г., объясняется тем, что стихотворение было вписано 13 января 1867 г. в альбом кн. Елизаветы Эсперовны Трубецкой (нач. 1830-х — 1907), урожденной кн. Белосельской-Белозерской (см. РА, 1911, № 6, стр. 274). Из предшествующих этому стихотворению строк, обращенных к владелице альбома, явствует, что оно было написано раньше. Французский источник стихотворения не установлен.

Дым (стр. 232). Впервые — «Отечественные записки», 1867, май, кн. 1, стр. 181. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 239. Печ. по первой публикации. Первоначальные редакции (автограф ЦГАЛИ и список АБ) помечены 26 апреля 1867 г.; окончательная редакция датируется не позднее начала мая (ценз. разреш. «Отечественных записок» — 12 мая 1867 г.). Написано в связи с появлением в мартовской книжке РВ на 1867 г. романа И. С. Тургенева «Дым». 23 апреля 1867 г. В. П. Боткин писал Тургеневу: «„Дым" еще читается, и мнение о нем не успело еще составиться. Вчера я был у Ф. И. Тютчева,— он только что прочел и очень недоволен. Признавая все мастерство, с каким нарисована главная фигура, он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть, и на всякое отсутствие национального чувства» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.—Л., 1930, стр. 264). См. в разделе II написанную тогда же эпиграмму Т. «И дым отечества нам сладок и приятен!». Под «могучим и прекрасным», «волшебным лесом» Т. разумеет творчество Тургенева конца 1840-х—1850-х годов, вызывавшее восторженную оценку поэта. В письме к жене от 13 сентября 1852 г. он писал: «. . .Я только что прочитал два тома «Записок охотника» Тургенева, где есть вещи восхитительные. Тут проявляется такая сила таланта, что это благотворно действует на меня: чувство природы представляется мне каким-то откровением» (перевод с французского. — СН, кн. 18, 1914, стр. 40).

Славянам («Привет вам задушевный, братья. . .») (стр. 233). Впервые — сб. «Братьям-славянам», М., 1867, стр. 45. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 241. Печ. по первой публикации. Датируется началом мая 1867 г., так как написано для прочтения на славянском обеде в петербургском Дворянском собрании 11 мая 1867 г. Этот обед был дан по случаю прибытия славянских гостей на московскую Этнографическую выставку 1867 г. *Коссово поле* — место поражения сербов 15 июня 1389 г. Битва с турками на Коссовом поле нашла яркое отражение в сербском народном эпосе. *Белая Гора* — возвышенность близ Праги. Белогорская битва 8 ноября 1620 г. привела к упадку политической самостоятельности Чехии. *Иуда.* Здесь отголосок характерного для реакционно настроенной части русского общества враждебного отношения к Польше. Славянский съезд 1867 г. сопровождался различными демонстрациями против поляков.

Славянам («Они кричат, они грозятся. . .») (стр. 236). Впервые — сб. «Братьям-славянам», М., 1867, стр. 60, с заглавием «Австрийским славянам». Вошло в Изд. 1868 г., стр. 245, с эпиграфом вместо заглавия. Печ. по автографу СП — в письме Т. к И. С. Аксакову от 16 мая 1867 г. Первоначальная редакция датирована 11 мая 1867 г. (автограф ЦГАЛИ). Стихотворение прочитано 21 мая 1867 г. на банкете, данном Москвой в честь прибывших на Этнографическую выставку славянских гостей. Эпиграф — слова австрийского министра иностранных дел гр. фон Бейста, проводившего политику подавления славянских народностей Австро-Венгрии.

«Как ни тяжел последний час. . .» (стр. 237). Впервые — «Сочинения гр. П. И. Капниста», т. 1. М., 1901, стр. CXXXIV. Написано во время заседания Совета Главного управления по делам печати 14 октября 1867 г. Писатель граф Петр Иванович Капнист (1830—1898), присутствовавший на этом заседании, заметил, что Т. «был весьма рассеян и что-то рисовал или писал карандашом на листе бумаги, лежавшей перед ним на столе. После заседания он ушел в раздумье, оставив бумагу». Капнист прочел на забытом листе четверостишие «Как ни тяжел последний час. . .». Он взял автограф и сохранил его «на память о любимом им поэте» («Сочинения гр. П. И. Капниста, т. 1, стр. CXXXIV).

«Свершается заслуженная кара...» (стр. 237). Впервые — «Москва», 1867, № 166, 29 октября. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 248. Печ. по первой публикации. Вызвано вооруженной борьбой итальянских патриотов-гарибальдийцев со светской властью папы. Уничтожением в 1870 г. светской власти папы было завершено объединение Италии. *Чью помощь ни зови* — намек на помощь, оказанную папству французскими войсками, отбившими в ноябре 1867 г. наступление Гарибальди. *А ты* и т. д. — обращение к папе Пию IX (1792—1878).

«Опять стою я над Невой. . .» (стр. 238). Впервые — «Исторический вестник», 1903, № 7, стр. 201, с датой-заглавием: «Июнь 1868 г.». *С тобой живые мы глядели* — обращение к памяти Е. А. Денисьевой.

Пожары (стр. 238). Впервые — «Русский», 1868, № 16, 19 июля. Вызвано пожаром лесов и торфяных болот под Петербургом летом 1868 г.

«В небе тают облака. . .» (стр. 239). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 314. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе дате предшествует помета: «Гостиловка» (Гостиловка — хутор близ Овстуга).

Мотив Гейне («Если смерть есть ночь, если жизнь есть день. . .») (стр. 239). Впервые — «Заря», 1869, № 2, стр. 118. Датируется предположительно 1868 — началом 1869 г. Вольный перевод стихотворения Гейне «Der Tod, das ist kühle Nacht».

«Нам не дано предугадать...» (стр. 240). Впервые — альм. «Северные цветы» на 1903 г., стр. 182. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе дате предшествует помета: «С.-Петербург».

«Две силы есть — две роковые силы...» (стр. 240). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 321. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по списку АБ.

В деревне (стр. 241). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 328. Печ. по списку И. Ф. Тютчева (ЦГАЛИ). Датируется по списку АБ. В списке ЦГАЛИ к тексту сделано следующее примечание: «Стихотворение это написано Ф. И. Тютчевым в одно из последних пребываний его в принадлежавшем ему имении с. Овстуге и вызвано видом собаки, гнавшейся за стадом гусей и уток». Однако под пером Т. эта деревенская сценка приобрела характер общественно-политической аллегории.

«Природа — сфинкс. И тем она верней...» (стр. 242). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 340. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по списку АБ. Написано в Овстуге.

Современное (стр. 243). Впервые — «Голос», 1869, № 285, 15 октября. Датируется первой половиной октября 1869 г. Вызвано торжествами в Турции в связи с завершением строительства Суэцкого канала. Открытие его состоялось 16 ноября 1869 г. *Франкистанская земля* — Франция, принимавшая ближайшее участие в сооружении Суэцкого канала. *Мусикия* (слав.) — музыка. *Коронованная фея* — французская императрица Евгения, жена Наполеона III. *Рима дочь* — католичка. *Как вторая Клеопатра.* В древности, при египетской царице Клеопатре (I в. до н. э.), существовал Суэцкий канал; позднее он был занесен песком. *Миллионы христиан.* Имеется в виду христианское население Турции.

Ю. Ф. Абазе (стр. 244). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 319. Печ. по списку ЦГАЛИ, по-видимому сделанному с автографа, о чем свидетельствует характерная для Т. помета на французском языке перед текстом: «Воскресенье, 22 декабря 1869». Посвящено музыкантше и певице Юлии Федоровне *Абазе* (ум. в 1915 г.), урожденной Штуббе, жене государственного деятеля А. А. Абазы.

«Как нас ни угнетай разлука...» (стр. 245). Впервые — «Красная нива», 1926, № 6, стр. 9. Печ. по автографу ПД. На основании почерка автографа предположительно датируется концом 60-х годов.

<Из Гете> («Радость и горе в живом упоеньи...») (стр. 246). Перевод песни Клары из драмы Гете «Эгмонт» (акт III, сцена 2) — «Freudvoll und leidvoll...». Впервые — Изд. 1886 г., стр. 391. Печ. по одному из двух автографов ЦГАЛИ. Датируется по списку АБ.

Гус на костре (стр. 246). Впервые — «Заря», 1870, № 5, стр. 3. Первоначальная редакция стихотворения (автограф ЦГАЛИ) помечена рукой М. Ф. Бирилевой 15 марта 1870 г., окончательный

текст в списке АБ датирован 17 марта 1870 г. Написано для прочтения на вечере с живыми картинами, данном в пользу Славянского благотворительного комитета 1 апреля 1870 г. (см. брошюру «Стихотворения и объяснительный текст к живым картинам», 1870, стр. 19—21; А. В. Никитенко. Дневник, т. 2. СПб., 1905, стр. 403). Ян *Гус* (1369—1415) — чешский патриот и проповедник-реформатор. Обвиненный в ереси, он был сожжен живым по приговору католической церкви. В русских славянофильских кругах гуситство рассматривалось как протест славянской религиозной мысли против западноевропейской. Такое представление о гуситстве отражено в стихах Т. *Вероломный кесарь* — германский император Сигизмунд, давший Гусу при его вызове на церковный собор в Констанце охранную грамоту, но затем, под давлением собора, признавший ее недействительной, как выданную еретику. *Не позабытая с тех пор.* Не позабытая благодаря ставшему пословицей восклицанию Гуса: «Sancta simplicitas!» («Святая простота!»).

К. Б. («Я встретил вас — и всё былое...» (стр. 247). Впервые — «Заря», 1870, № 12, стр. 26. Датируется по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). В «Заре» после текста стихотворения имеется помета: «Карлсбад». По указанию, сделанному Я. П. Полонским П. В. Быкову, инициалы в заглавии означают начальные буквы переставленных слов «Баронессе Крюденер» (см. Изд. 8-е, стр. 638). Стихотворение перекликается с посвященным А. М. Крюденер стихотворением «Я помню время золотое...». В 1870 г., когда Т. встретился с нею в Карлсбаде, она была уже во втором браке за графом Н. В. Адлербергом.

«Над русской Вильной стародавной...» (стр. 248). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 341, с датой: «1870». Печ. по автографу ЦГАЛИ. Почерк автографа не противоречит датировке Изд. 1886 г. По-видимому, написано в июле 1870 г. проездом через Вильну (Вильнюс) за границу. *Позднее былое.* Т. имеет в виду польское восстание 1863 г.

Два единства (стр. 249). Впервые — «Заря», 1870, № 10, стр. 3. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется концом сентября 1870 г., так как написано для прочтения на празднестве, устроенном Славянским благотворительным комитетом по случаю присоединения к православию тринадцати чехов 1 октября 1870 г. *Кровь льется через край* — намек на франко-прусскую войну 1870 г. *Оракул наших дней* — идеолог германского милитаризма Бисмарк. *Но мы попробуем спаять его любовью.* В единении русского и славянского народов Т. видел необходимое противодействие германскому милитаризму. «Самому русскому обществу, — писал он в письме к кн. Е. Э. Трубецкой от 6 декабря 1871 г., — самой независимой и самой национально настроенной его части, надлежит... всеми возможными средствами расширять всякого рода отношения со славянами в области языка, религии, искусства, промышленности...»

«Чему бы жизнь нас ни учила...» (стр. 249). Впервые — РВ, 1871, № 1, стр. 118, с пометой перед текстом: «А. В. Пл-вой». Написано не позднее начала ноября 1870 г., так как

12 ноября этого года было послано М. Ф. Бирилевой И. С. Аксакову как «последние стихи» поэта (см. ЛН, № 19—21, 1935, стр. 243). Посвящено Александре Васильевне Плетневой (1826—1901), урожденной кн. Щетининой, второй жене поэта и критика П. А. Плетнева.

«Да, вы сдержали ваше слово...» (стр. 250). Впервые— отрывок — РА, 1874, № 10, столбец 322; полностью — Изд. 1886 г., стр. 348. Печ. по автографу ЦГИА — при письме Т. к Горчакову от 6 (?) декабря 1870 г. Автограф стихотворения помечен неизвестной рукой декабрем 1870 г. Из письма Т. к Горчакову явствует, что окончательный текст стихотворения относится к началу месяца, но что первоначальная его редакция была написана раньше (см. ЛН, № 19—21, 1935, стр. 247—248). Стихотворение вызвано обнародованной 3 ноября 1870 г. декларацией государственного канцлера кн. Александра Михайловича Горчакова (1798—1883) о том, что русское правительство не считает себя больше связанным 14 статьей Парижского мирного договора 1856 г., ограничивавшей права России на Черном море. Пояснением к последним строкам стихотворения служит письмо Т. к А. Ф. Аксаковой от 22 ноября 1870 г., в котором «твердому и достойному образу действий кабинета» он противопоставляет «жалкое и даже омерзительное поведение петербургских салонов», заискивающих перед иностранцами (см. ЛН, № 19—21, 1935, стр. 245).

«Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (стр. 251). Впервые — РА, 1874, № 10, столбец 380. Печ. по автографу СП — в письме к Е. Ф. Тютчевой от 13 декабря 1870 г. Датируется по автографу ЦГАЛИ. Посвящено памяти брата поэта, Николая Ивановича Тютчева (1801—1870), отставного полковника Генерального штаба, и написано по дороге из Москвы в Петербург, куда Т. возвращался с его похорон.

Черное море (стр. 251). Впервые — «Стихотворения к живым картинам, данным в пользу Славянского благотворительного комитета 29 марта 1871 г.», СПб., 1871, стр. 43 (ценз. разреш. — 9 марта 1871). В списке альбома Э. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ) датировано 2 марта 1871 г., в списках М. Ф. Бирилевой (ЦГАЛИ и АВПР) — 8 марта 1871 г. Вызвано отменой 14 статьи Парижского договора 1856 г. (см. примечание к стихотворению «Да, вы сдержали ваше слово...»). Строки, выделенные курсивом в строфе 4-й, — цитата из стихотворения Пушкина «К морю». *Гробовая сень* — имеется в виду могила Николая I.

«От жизни той, что бушевала здесь» (стр. 253). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 352. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по спискам М. Ф. Бирилевой (ЦГАЛИ). В рукописях поэта сохранился отрывок первоначальной редакции стихотворения. См. раздел «Другие редакции», XIII. Написано под впечатлением поездки в село Вщиж в Брянском уезде Орловской губернии, некогда бывшее удельным княжеством. Близ Вщижа сохранились древние курганы. В своем стихотворении Т. намекает на кровавые предания, связанные с историей Вщижа.

«День православного Востока...» (стр. 253). Впервые — «Московские ведомости», 1883, № 107, 19 апреля. Печ. по списку П. И. Бартенева (ЦГАЛИ). В списке перед текстом помета: «Светлое воскресенье 1872». В автографах первоначальной редакции (ЦГАЛИ и СП) заглавие-дата: «16 апреля 1872». Послано младшей дочери поэта Марии Федоровне Бирилевой (1840—1872), умиравшей от чахотки в Рейхенгалле (Бавария).

«Всё отнял у меня казнящий бог...» (стр. 254). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 8. Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Написано во время предсмертной болезни поэта и обращено к жене, Э. Ф. Тютчевой.

II

Любезному папеньке! (стр. 257) Впервые — сб. «Звенья», кн. 2, 1932, стр. 268. Печ. по списку Е. Л. Тютчевой, матери поэта (МА). Перед текстом помета: «В день рождения папеньки — Федора Тютчева». Условно датируется 1813—1814 г., как самый ранний из дошедших до нас стихотворных опытов Т. День рождения Ивана Николаевича Тютчева (1776—1846), отца поэта, был 12 октября.

«Всесилен я и вместе слаб...» (стр. 257). Впервые — НС, стр. 85. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перед текстом помета: «Перевод Ф. Т. . .ва». Датируется предположительно на основании характера почерка. Иностранный подлинник стихотворения не установлен.

Двум друзьям (стр. 258). Впервые — сб. «Феникс», кн. 1, М., 1922, стр. 139. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф вырван из альбома, причем стихам предшествует текст альбомной записи (неизвестной рукой), датированной 4 декабря 1816 г. Содержание тютчевского стихотворения (упоминание о деве, «котора споборала религии святой», — мученице Варваре) указывает на то, что и оно написано в «Варварин день», то есть 4 декабря. К кому обращено — неизвестно.

«Пускай от зависти сердца зоилов ноют...» (стр. 258). Впервые — «Голос минувшего», 1923, № 3, стр. 88. Печ. по автографу СП. Написано на книге Вольтера «La Henriade» («Генриада» — изд. 1805). Перед стихотворением помета: «из книг Федора Тютчева 1818 г. 8 мая». Четверостишие является переделкой «Надписи к портрету М. М. Хераскова» И. И. Дмитриева:

Пускай от зависти сердца в зоилах ноют;
Хераскову они вреда не принесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.

Пиериды — музы.

«„Не дай нам духу празднословья“!..» (стр. 259). Впервые — сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861. стр. 417, с заглавием «Молитва». Печ. по списку из собрания Б. В. Томашевского — в тетради с разными стихами начала 1820-х годов. Первая строка является цитатой из великопостной молитвы Ефрема Сирина.

Противникам вина (стр. 259). Впервые — ТС, стр. 46. Печ. по списку из собрания Б. В. Томашевского — в тетради с разными стихами начала 1820-х годов. Эпиграф заимствован из 103 псалма.

Харон и Каченовский (стр. 261). Впервые — «Красный архив», 1923, № 4, стр. 392. Печ. по автографу ЛБ. На одном листе с наброском этого стихотворения переписан рукою Тютчева отрывок из пушкинской оды «Вольность», что позволяет предположительно относить эпиграмму к 1820-м годам. Направлена против профессора Московского университета Михаила Трофимовича *Каченовского* (1775—1842), издателя «Вестника Европы» и противника литературной школы Карамзина.

Средство и цель (стр. 261). Впервые — Г, 1829, № 44, стр. 262 (ценз. разреш. — 31 октября 1829 г.).

Императору Николаю I (стр. 261). Перевод стихотворения баварского короля Людвига I: «*Nicolaus*, das ist der Volkbesieger», написанного по поводу русских побед в Турции во время войны 1828—1829 гг. Впервые — ЛН, № 19—21, 1935, стр. 180. Печ. по автографу АВПР. Предположительно датируется октябрем 1829 г., так как автограф приложен к депеше русского посланника в Мюнхене И. А. Потемкина на имя вице-канцлера гр. К. В. Нессельроде от 12 октября 1829 г.

Знамя и слово (стр. 263). Впервые — «Zeitschrift für Slavische Philologie», 1929, т. 5, стр. 408. В строке 2-й, возможно, следует читать не «спасенья», а «спасения», так как иначе стопа усечена на один слог. Однако, не видя подлинника (Берлинская государственная библиотека), мы не решились внести эту поправку в основной текст ввиду наличия подобных «перебоев» в стихах Т. Обращено к немецкому писателю и публицисту Карлу-Августу Варнгагену фон Энзе (1775—1858), который в молодости служил в русской армии и участвовал в войнах против Наполеона, а впоследствии немало способствовал ознакомлению западного читателя с русской художественной литературой. *Союз святой* — союз русского и немецкого народов в войнах против Наполеона.

«Не знаешь, что лестней для мудрости людской...» (стр. 263). Впервые — «Былое», 1922. № 19, стр. 75. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Связано с западноевропейскими революционными событиями 1848 г., чем и определяется датировка эпиграммы.

Почтеннейшему имениннику Филиппу Филипповичу Вигелю (стр. 263). Печ. впервые по списку в письме Э. Ф. Тютчевой к П. А. Вяземскому от 24 ноября 1849 г. (ЦГАЛИ).

Датируется на основании свидетельства Э. Ф. Тютчевой. Четверостишие было послано поэтом Ф. Ф. *Вигелю* (1786—1856), автору известных «Записок», как бы от лица П. Я. Чаадаева, при литографированном портрете последнего (экземпляры литографии были присланы Тютчеву Чаадаевым для распространения в кругу его друзей и почитателей).

Русская география (стр. 263). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 141. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано, вероятно, в 1848—1849 гг., так как по содержанию близко к черновым наброскам публицистического труда Т. «Россия и Запад», относящегося к этому времени. *Град Петров* — Рим (см. ЛН, № 19—21, 1935, стр. 196). Заключительные строки намекают на библейское пророчество о царстве, которое «вовеки не разрушится» («Книга Даниила»).

«Нет, карлик мой! трус беспримерный!..» (стр. 264). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 128. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Обращено к государственному канцлеру гр. Карлу Васильевичу Нессельроде (1780—1862), австрофильская политика которого вызывала резкую критику со стороны Т.

«Уж третий год беснуются языки...» (стр. 265). Впервые — С, 1854, № 3, стр. 56. Вошло в Изд. 1854 г., стр. 137, в Изд. 1868, стр. 124. Печ. по автографу ЦГАЛИ. *Да не будет тако!* — слова из манифеста Николая I от 14 марта 1848 г. по поводу революционных событий в Австрии и Пруссии. По своему содержанию стихотворение перекликается со стихотворением «Море и утес» (1848).

«Тогда лишь в полном торжестве...» (стр. 265). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 127. Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Спиритистическое предсказание (стр. 266). Впервые — сб. «Звенья», кн. 1, 1932, стр. 87. Печ. по автографу ПД. Датируется осенью 1853 — весной 1854 г., когда Т особенно увлекался спиритизмом, и отражает его надежды на победный исход начавшейся Крымской войны. *Три столицы* — Константинополь, Киев и Москва.

По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая (стр. 266). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 169. Исправляем ошибочное чтение «Безумству» во 2-й строке вместо «Бесстыдству», как во всех списках. Написано по случаю приезда австрийского эрцгерцога Вильгельма на похороны Николая I. Эрцгерцог прибыл в Петербург 27 февраля 1855 г., чем и определяется датировка стихотворения, отражающего возмущение русских придворных и официальных кругов политикой Австрии во время Крымской войны (несмотря на австрофильскую политику Николая I, Австрия уклонилась от предложенного ей Россией нейтралитета). *Апостольский род* — австрийский император носил титул «апостолического величества».

Графине Ростопчиной («О, в эти дни — дни роковые. . .») (стр. 266). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 173. О гр. Е. П. Ростопчиной см. в примечании к стихотворению «Графине Е. П. Ростопчиной (в ответ на ее письмо)». Написано по случаю ее приезда в Петербург после продолжительного отсутствия. Это вынужденное отсутствие было вызвано следующими обстоятельствами: в 1846 г. Ростопчина опубликовала свою балладу «Насильный брак», в которой аллегорически изобразила взаимоотношения Польши с самодержавной Россией, чем навлекла на себя крайнее неудовольствие Николая I. Возвращение поэтессы в Петербург произошло уже после смерти царя. *Дни роковые* — Крымская война.

«Тому, кто с верой и любовью...» (стр. 267). Впервые — РА, 1907, № 2, стр. 276. Печ. по автографу ЛБ. Стихотворение вклеено в экземпляр Изд. 1854 г., посланный Т. писателю и министру народного просвещения Абраму Сергеевичу Норову (1795—1869). *Служил ей... кровью.* Норов участвовал в Отечественной войне 1812 г. и был ранен под Бородином.

«Есть много мелких, безымянных...» (стр. 267). Впервые — Изд. 1868 г., откуда вырезано по требованию поэта; вторично — в Изд. 1886 г., стр. 235. Печ. по списку АБ. Написано по следующему поводу. 20 декабря 1859 г. Т. получил от вел. кн. Константина Николаевича очки с надписью на пакете: «для будущего бала». Этот непонятный подарок заставил Т. предположить, что на балу, состоявшемся за два дня до присылки очков, он не заметил великого князя и не поклонился ему. Зная, что Константин Николаевич отличается грубостью, Т. принял очки за «урок» с его стороны. Раздраженный, он тотчас ответил ему стихами, которые и были доставлены по адресу. «Боюсь, чтобы не вышло истории», — отмечает в своем дневнике М. Ф. Тютчева. Однако присылка очков объяснялась предстоящим костюмированным балом в Михайловском дворце, на котором Т. и Константин Николаевич должны были появиться в одинаковых домино. Будучи близоруким и не желая быть узнанным по своим очкам, последний разослал ряду лиц очки. «Истории» все же не вышло, так как стихи Т., по существу весьма едкие, могли быть истолкованы и в лестном для адресата смысле: стоило только принять на свой счет не строки о «недосягаемых» для глаз «мелких» созвездиях, а строки о «красе небес родных».

Memento (стр. 268). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 187. Печ. по списку (неизвестной рукой) с поправкой Т. в строке 10-й (ЦГАЛИ). Восстанавливаем по автографу СП заглавие и подзаголовок, отсутствующие в списке. Датируется октябрем 1860 г., так как вызвано смертью императрицы Александры Федоровны (1798—1860), вдовы Николая I, умершей 19 октября этого года. Т. встречался с нею осенью 1859 г. в Швейцарии, о чем и вспоминает в этих стихах.

«Когда-то я была майором...» (стр. 269). Впервые — СН, кн. 8, 1904, стр. 57. Печ. по автографу ЦГАЛИ. По свидетельству И. Ф. Тютчева, опубликовавшего это стихотворение в СН, написано от имени дочери поэта Марии Федоровны к юбилею

кн. П. А. Вяземского. Пятидесятилетний юбилей литературной деятельности Вяземского справлялся 2 марта 1861 г. В строке 1-й содержится намек на любительский спектакль в декабре 1853 г., на котором М. Ф. Тютчева выступала в мужской роли майора. По этому поводу Вяземский приветствовал ее стихами:

Любезнейший майор, теперь ты чином мал,
Но потерпи — и будет повышенье:
В глазах твоих читаю уверенье,
Что будешь ты, в строю красавиц, генерал...
и т. д.

Об этом же спектакле вспоминал Вяземский и в другом стихотворении, посвященном М. Ф. Тютчевой и написанном 5 февраля 1865 г. в Ницце по случаю ее помолвки с Н. А. Бирилевым: «Я знал майором вас когда-то». Г. И. Чулков полагал, что стихотворение Т. «Когда-то я была майором...» является ответом именно на эти стихи и, следовательно, относится к 1861, а не к 1865 г. (см. Изд. «Academia», т. 2, стр. 484). Однако в списке Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ) имеется примечание, соответствующее сообщению И. Ф. Тютчева, а в АБ стихотворение переписано вместе со стихами «На юбилей князя П. А. Вяземского» и «Недаром русские ты с детства помнил звуки...», относящимися к 1861 г.

Александру Второму («Ты взял свой день... Замеченный от века...») (стр. 269). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 189. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в связи с крестьянской реформой.

«Недаром русские ты с детства помнил звуки...» (стр. 269). Впервые — «Тютчевиана», стр. 17. Печ. по автографу Института Маркса—Энгельса—Ленина. Написано под фотографическим портретом Тютчева; выше портрета надпись: «Нашему милому гостю д-ру Вольфсону». Посвящено немецкому журналисту Вильгельму Вольфсону (1820—1865), по приглашению Академии наук приезжавшему в 1861 г. в Петербург на юбилей Вяземского. В мае того же года Вольфсон получил от русского правительства ежегодное пособие в 3000 рублей серебром на издание журнала «Russische Revue». В строке 1-й — намек на то, что Вольфсон был уроженцем Одессы.

«Он прежде мирный был казак...» (стр. 269). Впервые — «Каторга и ссылка», 1931, № 11—12, стр. 210. Печ. по записи в дневнике Н. Н. Боборыкина от 5 октября 1861 г. (ПД). Эпиграмма вызвана мероприятиями попечителя Петербургского учебного округа Григория Ивановича Филиппсона, в прошлом казачьего атамана, по борьбе со студенческими волнениями 1861 г. и построена на каламбуре: фамилия Филиппсона в дословном переводе с немецкого означает «сын Филиппа»; Александр Великий был сыном Филиппа Македонского.

«Обоим Николаям...» (стр. 270). Впервые — Изд. «Academia», т. 2, стр. 262. Печ. по записи Е. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Послана Н. И. Тютчеву, брату поэта (см. примечание к стихотворе-

нию «Брат, столько лет...»), и Николаю Васильевичу Сушкову (1796—1871), мужу сестры, в день их именин. На поздравление Т. Сушков ответил стихотворной телеграммой:

Тезки, оба Николая,
Друга-брата обнимая,
От души благодарят
И целуют всех ребят.

А. А. Фету («Тебе сердечный мой поклон...») (стр. 270). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 196, как одно произведение со стихотворением «Иным достался от природы...» (см. примечание, стр. 367). Печ. по автографу ПД. Написано в ответ на стихотворное обращение Фета с просьбой о присылке ему портрета: «Мой обожаемый поэт...».

«Затею этого рассказа...» (стр. 270). Впервые — «Тютчевиана», стр. 15. Печ. по списку АБ. Эпиграмма на повесть Толстого «Казаки», вышедшую в свет в 1862 г.

«Ужасный сон отяготел над нами...» (стр. 270). Впервые — «День», 1863, № 32, 10 августа. Печ. по Изд. 1868 г., стр. 119. Вызвано польским восстанием 1863 г. и дипломатическим вмешательством Австрии, Англии и Франции в польские дела. *Распятие и нож* — намек на участие католического духовенства в польском восстании.

Его светлости князю Ал. Арк. Суворову (стр. 271). Впервые — РС, 1883, № 4, стр. 208. Печ. по автографу ЛБ. Датируется на основании ряда современных списков. Обращено к петербургскому военному генерал-губернатору Александру Аркадьевичу *Суворову* (1804—1882), внуку знаменитого полководца, и вызвано его отказом подписать приветственный адрес генерал-губернатору Северо-Западного края М. Н. Муравьеву Вешателю.

19-е февраля 1864 («И тихими последними шагами...») (стр. 272). Впервые — «Русский инвалид», 1864, № 43, 22 февраля. Возможно, что дата, стоящая в заглавии текста «Русского инвалида» и списка АБ, является в то же время датой создания стихотворения; в списке альбома ЦГАЛИ она помещена под текстом. Вызвано смертью гр. Дмитрия Николаевича *Блудова* (1785—1864), известного литературного и государственного деятеля. Блудов был президентом Академии наук и председателем Государственного совета. *Година обновленья.* Блудов умер 19 февраля 1864 г., в третью годовщину манифеста о крестьянской реформе.

«Не всё душе болезненное снится...» (стр. 272). Впервые — «Однодневная газета Комитета академических театров помощи голодающим». 1922, 28—29 мая. Печ. по тексту телеграфного бланка (ЦГАЛИ). Двустишие было послано дочери Дарье в день ее рождения.

«Кто б ни был ты, но, встретясь с ней...» (стр. 273). Впервые — «Русь», 1880, № 2, 22 ноября. В списке АБ помечено: «Ницца, 1864». По-видимому, написано в ноябре, так как вызвано встречами с императрицей Марией Александровной, которой тогда же Т. посвятил стихи «Как неразгаданная тайна...».

Князю Горчакову («Вам выпало призванье роковое...») (стр. 273). Впервые — изд. 1868 г., стр. 206. Строки 5—6 намекают на дипломатическую деятельность А. М. Горчакова во время польского восстания 1863—1864 гг. и на отпор, оказанный им иностранным державам. Последняя строка, по указанию И. С. Аксакова, относится к «грозившим русской печати новым стеснениям» (А. 1886 г., стр. 281).

«Красноречивую, живую...» (стр. 273). Впервые — НС, стр. 95. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Можно предположить, что четверостишие написано от лица М. Ф. Тютчевой. В апреле 1864 г. ей сделал предложение Я. П. Полонский; предложение его было отвергнуто ею в письменной форме. Не об этой ли «отповеди» и упоминается в стихотворной шутке Т.?

Ответ на адрес (стр. 273). Впервые — РА, 1885, № 10, стр. 298, под заглавием «Москвичам». Печ. по автографу ЦГАЛИ. Адрес московского дворянства о созыве земской думы, вызвавший эту эпиграмму, был подан 11 января 1865 г., что и определяет ее датировку. Эпиграмма Т. вызвала анонимный «ответ москвичей» (приводим по списку ЦГАЛИ):

Вы ошибаетеся грубо,
И в вашей Ницце дорогой
Сложили, видно, вместе с шубой
Вы память о земле родной.
В раю терпение уместно,
Политике ж там места нет;
Там все умно, согласно, честно,
Там нет зимы, там вечный свет...
Но как же быть в стране унылой,
Где ныне правит Константин
И где слились в одно светило
Валуев, Рейтерн, Головнин...
Нет, нам парламента не нужно,
Но почему ж нас проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко «Караул!» кричать.

Константин — вел. кн. Константин Николаевич (1827—1892), с 1865 г. председатель Государственного совета; *Валуев* Петр Александрович (1816—1890) — министр внутренних дел; *Рейтерн* Михаил Христофорович (1826—1886) — министр народного просвещения.

«Сын царский умирает в Ницце...» (стр. 274). Впервые — «Былое», 1922, № 19, стр. 68. Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Первоначальная редакция (автограф ЦГАЛИ) помечена 8 апреля 1865 г., окончательная редакция (автограф ЛБ) — 11 апреля 1865 г. Вызвано болезнью старшего сына Александра II вел. кн. *Николая Александровича* (1843—1865). Кто подразумевается в строке 8-й *(министр какой из русских)* — неизвестно.

12-ое апреля 1865 («Всё решено, и он спокоен...») (стр. 274). Впервые — «Русский инвалид», 1865, № 59, 14 апреля. Печ. по Изд. 1868 г., стр. 221, с сохранением заглавия, имеющегося в первопечатном тексте и в современных списках. Заглавие стихотворения является одновременно и датой его написания. По содержанию связано с предыдущим стихотворением.

«Как верно здравый смысл народа...» (стр. 275). Впервые — Изд. 1868 г., откуда вырезано по требованию автора; вторично — Изд. 1900 г., стр. 278. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе перед текстом помета на французском языке: «по адресу графа Строганова». Датируется по списку АБ. Гр. Сергей Григорьевич *Строганов* (1794—1882) был попечителем наследника, Николая Александровича. Эпиграмма вызвана слухами о том, что «уход» Строганова за ним пагубно отразился на здоровье последнего.

«Велели вы — хоть, может быть, и в шутку...» (стр. 275). Впервые — Изд. «Academia», т. 2, стр. 159. Печ. по списку ЦГИА. Обращено к Н. С. Акинфиевой (см. о ней стр. 368). *Дядя достославный* — кн. А. М. Горчаков.

Князю Вяземскому («Есть телеграф за неименьем ног...») (стр. 275). Впервые — «Тютчевиана», стр. 15. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В рукописи после текста приписка на французском языке: «Вот стихи достаточно плохие, чтобы понравиться получателю». Первый вариант поздравительной телеграммы П. А. Вяземскому ко дню его именин 29 июня 1865 г.

«Бедный Лазарь, Ир убогой...» (стр. 276). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 215, под заглавием «Телеграмма в Петергоф князю П. А. Вяземскому». Печ. по списку М. Ф. Бирилевой с поправками Т. (ЦГАЛИ). В автографе ЦГАЛИ перед текстом приписка на французском языке: «Это — лучше, но слишком длинно для телеграфа». Датируется по списку АБ. Второй вариант стихотворного приветствия Вяземскому по случаю его именин 29 июня 1865 г. *Лазарь* — бедняк, о котором рассказывается в евангельской притче (Лука, XVI, 19—31). *Ир* — см. стр. 346.

Графине А. Д. Блудовой («Как жизнь ни сделалась скуднее...») (стр. 276). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 223. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Посвящено Антонине Дмитриевне *Блудовой* (1813—1891), дочери гр. Д. Н. Блудова.

«Так! Он спасен! Иначе быть не может!..» (стр. 276). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 287. Печ. по списку ЦГАЛИ. Написано по поводу покушения Д. В. Каракозова (1840—1866) на Александра II 4 апреля 1866 г.

«Когда сочувственно на наше слово...» (стр. 277). Впервые — Изд. «Academia», т. 2, стр. 172. Печ. по автографу ПД. По-видимому, вызвано чьим-то сочувственным откликом на предыдущее стихотворение.

Князю Суворову («Два разнородные стремленья...») (стр. 277). Впервые — Изд. 1868 г., откуда вырезано по требованию автора; вторично — Изд. 1900 г., стр. 288. Печ. по списку М. Ф. Бирилевой (МА). Обращено к кн. А. А. Суворову (см. о нем стр. 382).

«И в божьем мире то ж бывает...» (стр. 277). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 216. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по списку АБ. Вызвано распоряжением Министерства внутренних дел о приостановке на три месяца газеты «Московские ведомости», к редакции которой, в лице М. Н. Каткова и А. И. Георгиевского, Т. в эти годы был близок.

«Когда расстроенный кредит...» (стр. 278). Впервые — «Былое», 1922, № 19, стр. 72. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Эпиграмма вызвана назначением адмирала Самуила Алексеевича *Грейга* (1827—1887) товарищем министра финансов.

«На гробовой его покров...» (стр. 278). Впервые — «Русский инвалид», 1866, № 229, 7 сентября. Вошло в Изд. 1868 г., стр. 228. Печ. по автографу ЦГАЛИ, под заглавием «Памяти графа М. Н. Муравьева». М. Н. Муравьев умер 31 августа 1866 г.

«Небо бледно-голубое...» (стр. 278). Впервые — «Литературная библиотека», 1866, октябрь, кн. 1, стр. 1. Печ. по одному из автографов ЦГАЛИ. Датируется по списку АБ. Вызвано приездом в Россию в сентябре 1866 г. датской принцессы Дагмары (1847—1928), невесты наследника (впоследствии Александра III).

«Хотя б она сошла с лица земного...» (стр. 280). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 235. Печ. по списку М. Ф. Бирилевой (ЦГАЛИ). Написано в связи с восстанием на острове Крит (см. стихотворение «Ты долго ль будешь за туманом...»).

«Как этого посмертного альбома...» (стр. 280). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 237, под заглавием «Графине А. Д. Блудовой при получении от нее книги с заметками гр. Д. Н. Б.». Печ. по списку М. Ф. Бирилевой (ЦГАЛИ). *Посмертный альбом* — книга «Мысли и замечания гр. Д. Н. Блудова» (СПб., 1866).

«Напрасный труд — нет, их не вразумишь...» (стр. 281). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 238. Печ. по одному из автографов ЦГАЛИ. Датируется на основании пометы в Изд. 1868 г. И. С. Аксаков в своей «Биографии Ф. И. Тютчева» приводит эти стихи в доказательство того, что «ничто не раздражало его в такой мере, как скудость национального понимания в высших сферах, пра-

вительственных и общественных, как высокомерное, невежественное пренебрежение к правам и интересам русской народности» (А. 1886 г., стр. 74).

На юбилей князя А. М. Горчакова («В те дни кроваво-роковые...») (стр. 281). Впервые — Изд. 1868 г., стр. 247. Вводим курсив в строках 5 и 15 согласно автографу ЦГИА. В автографе стихотворение озаглавлено «К портрету государственного канцлера князя А. М. Горчакова» и датировано 13 июня 1867 г. Написано по поводу пятидесятилетия государственной деятельности Горчакова. В 1867 г., в связи с юбилеем, он был назначен государственным канцлером. *Дни кроваво-роковые.* Вступление Горчакова в должность министра иностранных дел совпало с окончанием Крымской войны 1853—1856 гг. На этом посту он сменил австрофила Нессельроде. Т. считал своим долгом поддерживать «национальные побуждения политики Горчакова», о чем свидетельствуют письма поэта и неоднократные стихотворные обращения к нему.

«„И дым отечества нам сладок и приятен!"...» (стр. 282). Впервые — «Голос», 1867, № 170, 22 июня. Написано не ранее двадцатых чисел апреля 1867 г., так как является эпиграммой-экспромтом на роман И. С. Тургенева «Дым», который, по свидетельству В. П. Боткина, Т. в это время «только что прочел» (см. примечание к стихотворению «Дым»).

По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в «Journal de St.-Pétersbourg» (стр. 282). Впервые — «Русский», 1868, № 1, 1 января. Датируется по автографам ЦГАЛИ и ЦГИА. Вызвано обнародованием 5 декабря 1867 г. дипломатической переписки по восточному вопросу, в особенности же декларацией, в которой русское правительство отказывалось от дальнейшего гарантирования целостности Турецкой империи. Т. полагал, что заявление это вызовет всеобщее восстание восточных славян против Порты.

Михаилу Петровичу Погодину (стр. 282). Впервые — «Русский», 1869, № 37, 31 января. Печ. по автографу ЦГАЛИ — в письме Т. к Погодину от 30 августа 1868 г. из Москвы. Первоначальная редакция этого стихотворения написана на шмуцтитуле экземпляра Изд. 1868 г., подаренного Т. своему бывшему товарищу по Московскому университету Михаилу Петровичу *Погодину* (1800—1875), историку и публицисту крайне правого крыла славянофильства.

Памяти Е. П. Ковалевского (стр. 283). Впервые — «Москва», 1868, № 139, 25 сентября. Печ. по автографу в письме Т. к И. С. Аксакову от 22 сентября 1868 г. (СП). В письме к Аксакову поэт пишет: «Вчера я послал к Вам в редакцию несколько вирш по случаю кончины Егора Ковалевского...» и далее: «...а что до стихов, то, если вы им дадите место, то напечатайте их так...». Первая редакция, посланная Т. Аксакову 21 сентября, нам неизвестна. Егор Петрович *Ковалевский* (1811—1868) — писатель, путешественник, знаток Ближнего Востока.

«Печати русской доброхоты...» (стр. 283). Впервые — «Былое», 1922, № 19, стр. 71. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Эпиграмма вызвана преследованиями цензурой славянофильского органа «Москва» (газета И. С. Аксакова). Подобные же мысли высказывал Т. и в письме к брату от 13 апреля 1868 г. по поводу сделанного «Москве» предостережения: «Все они (т. е. чиновники Министерства внутренних дел. — *К. П.*) более или менее мерзавцы и, глядя на них, просто тошно, но беда наша та, что тошнота наша никогда не доходит до рвоты» (Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. М., 1957, стр. 467).

«Вы не родились поляком...» (стр. 284). Впервые — РА, 1884, № 1, стр. 243. Печ. по автографу ЦГАЛИ — в письме Т. к А. Ф. Аксаковой от 18 января 1869 г. Написано в первой половине января 1869 г., так как в письме к А. Ф. Аксаковой поэт сообщает, что стихи уже ходят по Петербургу. Это негодующе-сатирическое стихотворение обращено к издателю-редактору ультрареакционного аристократического органа «Весть» В. Д. Скарятину. *Всех тех, кому зажали рот!* Имеются в виду славянофилы, против которых выступала «Весть» и которые после закрытия в 1868 г. аксаковской «Москвы» не имели своей газеты.

«Нет, не могу я видеть вас...» (стр. 284). Впервые — Изд. «Academia», т. 2, стр. 246. Печ. по автографу ЦГИА. Датируется по списку А. Ф. Гамбургера (ЦГИА). Вызвано размолвкой Т. с Горчаковым.

«Великий день Кирилловой кончины...» (стр. 285). Впервые — «Празднование тысячелетней памяти первосвятителя славян св. Кирилла 14 февраля 1869 г. в С.-Петербурге и Москве». Прага, 1869, стр. 44. Печ. по списку в письме М. Ф. Бирилевой к И. С. Аксакову от 15 февраля 1869 г. (ЦГАЛИ).

11-е мая 1869 («Нас всех, собравшихся на общий праздник снова...») (стр. 286). Впервые — Изд. 1886 г., стр. 318. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Заглавие является одновременно и датой стихотворения, написанного по случаю празднования памяти просветителей славян Кирилла и Мефодия в Славянском благотворительном обществе. *Не утаится Град* — цитата из евангелия (Матф., V, 14).

«Как насаждения Петрова...» (стр. 286). Впервые — «Эстляндские губернские ведомости», 1869, № 51, 25 июня. Датируется по списку АБ. С 1869 г. газета «Эстляндские губернские ведомости», ранее издававшаяся на немецком языке, стала печататься на русском; этим и вызвано стихотворение. В строках 1—3 Т. имеет в виду сад, разведенный по приказанию Петра I вокруг построенного им загородного Екатеринентальского дворца в Ревеле (Таллине). *Екатерининская долина* — дословный перевод названия «Екатериненталь».

Андрею Николаевичу Муравьеву («Там, где на высоте обрыва») (стр. 286). Впервые — «Заря», 1869, № 9, стр. 1.

Датируется по списку АБ. Об А. Н. Муравьеве см. примечание к стихотворению «А. Н. М.». В конце июля — начале августа 1869 г. Т. виделся с ним в Киеве, где тогда жил Муравьев. *Воздушно-светозарный храм* — Андреевский собор в Киеве, построенный в XVIII в. знаменитым зодчим Растрелли.

Чехам от московских славян (стр. 287). Впервые — «Православное обозрение», 1869, № 9, стр. 341. Датируется по списку АБ. Прочитано на торжественном заседании Славянского комитета в Москве 24 августа 1869 г. по случаю пятисотлетия рождения Яна Гуса и присоединено к золотой чаше, посланной Комитетом в Прагу. *Такою страшною ценой.* Имеется в виду смерть Гуса (см. примечание к стихотворению «Гус на костре»).

А. Ф. Гильфердингу («Спешу поздравить с неудачей. . .») (стр. 289). Впервые — «Голос», 1869, № 357, 28 декабря. Печ. по списку АБ. Написано по поводу забаллотирования на выборах в адъюнкты Академии наук известного ученого — слависта, фольклориста и собирателя русских былин Александра Федоровича *Гильфердинга* (1831—1872). Т. высоко ценил заслуги Гильфердинга перед русской и славянской филологией.

«Куда сомнителен мне твой. . .» (стр. 290). Впервые — «Былое», 1922, № 19, стр. 72. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Г. И. Чулков, основываясь на характере почерка рукописи, относит эпиграмму к началу 1860-х годов. («Тютчевиана», стр. 43). Содержание эпиграммы не поддается точной расшифровке.

«Над Россией распростертой. . .» (стр. 290). Впервые — «Былое», 1922, № 19, стр. 72. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Эпиграмма направлена против шефа жандармов гр. Петра Андреевича *Шувалова* (1827—1889). Огромные полномочия, которыми пользовался Шувалов, дали повод петербургскому обществу прозвать его «Петром IV» и «Аракчеевым II» (см. П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М., 1934, стр. 270). Г. И. Чулков предположительно датирует эпиграмму 1867 г., «когда определилась роль Шувалова как временщика» (Изд. «Academia», т. 2, стр. 441).

«Так провидение судило. . .» (стр. 290). Впервые — НС, стр. 6. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Подлинник помечен рукой Э. Ф. Тютчевой: «27 ноября». За неимением точных данных для определения года принимаем датировку Г. И. Чулкова, который относит эпиграмму, на основании почерка рукописи, к 1860-м годам. Чем вызвана эпиграмма — неизвестно. В автографе перед текстом помета Э. Ф. Тютчевой: «Гильфердинг». Однако содержание эпиграммы находится в противоречии с высказываниями поэта о Гильфердинге.

«Доехал исправно, усталый и целый. . .» (стр. 290). Впервые — Изд. «Academia», т. 2, стр. 265. Печ. по телеграфному бланку, хранящемуся в ЛБ среди писем поэта к жене. Телеграмма послана из Москвы в с. Овстуг.

«Веленью высшему покорны...» (стр. 291). Впервые — «Русь», 1880, № 2, 22 ноября, под заглавием «В альбом П. А. Вакара». Печ. по списку Е. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Написано в альбом Платона Александровича Вакара (1820—1899), члена Комитета цензуры иностранной, председателем которого был Т.

«С новым годом, с новым счастьем...» (стр. 291). Впервые — «Тютчевиана», стр. 15. Печ. по тексту, выгравированному на серебряном салфеточном кольце в форме собачьего ошейника (СП). Кольцо было поднесено Э. Ф. Тютчевой ее собакой Ромпом на новый 1871 г. (на кольце проба: «1870»).

«Давно известная всем дура...» (стр. 291). Впервые — «Труды Ленинградского государственного библиотечного института имени Н. К. Крупской», т. 1, 1956, стр. 243 (публикация С. А. Рейсера). Четверостишие было записано Т. в альбом П. А. Вакара. Автограф не сохранился. За неимением данных для датировки относим эпиграмму предположительно к 1870 г., т. е. к тому же времени, когда поэт написал в альбом П. А. Вакара другое стихотворение — «Веленью высшему покорны...».

«Впросонках слышу я — и не могу...» (стр. 291). Впервые — «Мурановский сборник», вып. 1, 1928, стр. 43. Печ. по списку в письме Д. Ф. Тютчевой к ее сестре Е. Ф. Тютчевой от 4 февраля 1871 г. (МА). В письме стихотворению предшествует следующее пояснение: «Вот четверостишие, которое папа́ сочинил на днях, — он пошел спа́ть и, проснувшись, услышал, как я рассказывала что-то маменьке» (перевод с французского).

Ватиканская годовщина (стр. 292). Впервые — «Гражданин», 1872, № 3, 17 января, стр. 79. В автографе ЛБ заглавие: «Годовщина» и подзаголовок: «6/18 июля 1871». Под «ватиканской годовщиной» Т. разумеет годовщину провозглашения догмата папской непогрешимости 18 июля (нов. ст.) 1870 г. *Ватиканский далай-лама* — папа.

«Враг отрицательности узкой...» (стр. 293). Впервые — «Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина», 1872, стр. 88. Датируется по Изд. 1900 г. Написано М. П. Погодину по случаю его юбилея (см. о нем стр. 386).

Памяти М. К. Политковской (стр. 293). Впервые — «Гражданин», 1872, № 10, 6 марта, стр. 338. Датируется предположительно первыми числами марта 1872 г., так как было послано Т. редактору «Гражданина» кн. В. П. Мещерскому при письме от 3 марта 1872 г. Посвящено памяти писательницы и переводчицы М. К. *Политковской* (ум. 1872 г.).

«Мир и согласье между нас...» (стр. 294). Впервые — «Однодневная газета Комитета академических театров помощи голодающим», 1922, 28—29 мая. Печ. по тексту телеграфного бланка,

хранящегося в ЦГАЛИ. Обращено к старшей дочери поэта А. Ф. Аксаковой. День рождения А. Ф. Аксаковой — 21 апреля — был в то же время днем именин Т.

«Как бестолковы числа эти...» (стр. 295). Впервые — «Тютчевиана», стр. 17. Печ. по списку Э. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Список сделан на обратной стороне листа, являющегося обрывком автографа того же стихотворения. Написано в альбом Марии Карловны *Петерсон* (род. 1856), в замужестве гр. Монжела́, внучки первой жены поэта.

«Тут целый мир, живой, разнообразный...» (стр. 295). Впервые — «Ф. И. Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову». Л., 1926, стр. 12. Печ. по автографу ПД. Судя по почерку, датируется не позднее 1872 г. Написано на тетради стихов Екатерины Кирилловны *Зыбиной* (1845—1923), рожд. бар. Остен-Сакен. Отзыв Т. об ее стихах является не более как светским комплиментом этой посредственной поэтессе.

«Чертог твой, спаситель, я вижу украшен...» (стр. 295). Впервые — НС, стр. 99. Печ. по автографу СП. Г. И. Чулков, на основании почерка рукописи, датировал этот стихотворный отрывок последним годом жизни поэта (см. Изд. «Academia», т. 2, стр. 500). Однако почерк автографа все же несколько тверже и ровнее почерка, каким написаны другие стихотворения Т. этого времени его жизни. По-видимому, автограф датируется не позднее 1872 г. Двустишие представляет собой начало переложения церковного песнопения «Чертог твой вижу, спасе мой, украшенный...», исполняемого на седьмой неделе великого поста.

«Хотел бы я, чтобы в своей могиле...» (стр. 295). Впервые — «Красная нива», 1926, № 96, стр. 9. Печ. по списку ПД. За неимением точных данных для датировки принимаем предположительную датировку Г. И. Чулкова, относящего стихотворение к 1872 г., когда поэт, начиная с 4 декабря, «был прикован к кушетке своею болезнью» (Изд. «Academia», т. 2, стр. 490). Экспромт, обращенный к Елене Карловне *Богдановой* (1823—1900), рожд. бар. Услар, в первом браке Фроловой.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПРЕДСМЕРТНОЙ БОЛЕЗНИ

Наполеон III (стр. 296). Впервые — «Гражданин», 1873, № 2, 8 января, стр. 37. Печ. по списку И. С. Аксакова (ЦГАЛИ). Стихотворение продиктовано Т. жене 30 декабря 1872 г., причем стоило поэту невероятных усилий (4 декабря у Т. был первый удар). Запись Э. Ф. Тютчевой оказалась настолько несовершенной, что редактор «Гражданина» кн. В. П. Мещерский, которому Т. отдал стихи, пригласил «для восстановления версификации» А. Н. Майкова. По словам И. С. Аксакова, «нет сомнения, что Федор Иванович исправил бы их иначе» (Изд. «Academia», т. 2, стр. 401). В настоящем

издании стихотворение печатается по списку, внушающему большее доверие, чем текст «Гражданина», хотя за полное соответствие и этого списка замыслу автора ручаться нельзя. Стихотворение вызвано известием о смерти Наполеона III. *Царский сын* — старший сын Александра II Николай, умерший в 1865 г. (см. стихотворения «Сын царский умирает в Ницце...» и «12-е апреля 1865»).

«Тебе, болящая в далекой стороне...» (стр. 297). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 361. Печ. по спискам Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Посвящено Евгении Сергеевне *Шеншиной*, урожд. Арсеньевой (1833—1873). *Муж* — Николай Васильевич *Шеншин* (1827—1868), флигель-адъютант. *Тень* — М. Ф. Бирилева (см. о ней на стр. 365), приятельница Е. С. Шеншиной.

«Британский леопард...» (стр. 298). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 363. Печ. по спискам ЦГАЛИ и ЦГИА. Вызвано статьей в «Journal de St.-Pétersbourg» от 23 января 1873 г. по вопросу русской среднеазиатской политики (см. ЛН, № 19—21, 1935, стр. 250).

«Конечно, вредно пользам государства...» (стр. 299). Впервые — «Рупор», 1928, № 5, стр. 10. Печ. по тексту в письме Т. к А. Ф. Аксаковой от 30 января 1873 г., писанному под диктовку поэта его женой (ЦГАЛИ). Вызвано столкновением московского губернатора Петра Павловича *Дурново* (род. 1835) с московским городским головой Иваном Артемьевичем *Лялиным* (ум. 1894), явившимся к нему с визитом не в мундире, а во фраке. Общественное мнение обвиняло Дурново в том, что он обошелся с Лялиным не как с представителем города, а как со своим подчиненным. *Баскак* — так назывались татаро-монгольские военачальники на Руси середины XIII — начала XIV в., в обязанности которых входил сбор податей для Золотой орды.

«Во дни напастей и беды...» (стр. 299). Впервые — НС, стр. 119. Печ. по автографу ЦГАЛИ. По содержанию связано с предыдущим стихотворением, чем и определяется его датировка.

Итальянская весна (стр. 300). Впервые — НС, стр. 119. Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ).

«Мы солнцу юга уступаем вас...» (стр. 300). Впервые — Изд. «Academia», т. 2, стр. 275. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перед текстом помета по-французски: «Обращение к ее величеству в момент ее отъезда». Написано по поводу отъезда императрицы Марии Александровны (см. о ней на стр. 368) в Сорренто 1 марта 1873 г.

«Вот свежие тебе цветы...» (стр. 301). Впервые — НС, стр. 120. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Обращено к дочери Д. Ф. Тютчевой (см. о ней на стр. 369).

17 апреля 1818 («На первой дней моих заре...») (стр. 301). Впервые — РА, 1874, № 10, столбец 18. Печ. по двум

автографам ЦГАЛИ. Датируется по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Написано в 55-ю годовщину со дня рождения Александра II.

Императору Александру II (стр. 302). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 365. Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Вызвано намерением Александра II посетить больного поэта.

Бессонница («Ночной порой в пустыне городской...») (стр. 303). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 369. Печ. по спискам ЦГАЛИ.

«Хоть родом он был не славянин...» (стр. 304). Впервые — в сокращенной редакции — Изд. 1886 г., стр. 356; полностью — Изд. 1900 г., стр. 371. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется по списку ПД. Посвящено памяти А. Ф. Гильфердинга (см. о нем на стр. 388). *Родом он был не славянин.* Гильфердинг был еврейского происхождения.

«Бывают роковые дни...» (стр. 304). Впервые — РС, 1873, № 8, стр. IV в некрологе Т., написанном А. В. Никитенко. Печ. по автографу ПД. В автографе после текста имеется приписка: «Друг мой, когда я вас увижу? Мне страшно тяжело и грустно». Александр Васильевич *Никитенко* (1804—1877) — академик, профессор русской словесности в Петербургском университете, цензор.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

Святые Горы (стр. 305). Впервые — «День», 1862, № 37, 15 сентября. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В мае 1862 г. А. Ф. Тютчева писала своей сестре Екатерине: «Посылаю тебе новые стихи, которые я написала о Святых Горах и которые папá переделал на свой лад. Стихи, разумеется, несравненно лучше моих; однако же он не совсем передал мою мысль, как я ее понимала» (перевод с французского — ЦГАЛИ). Текст стихотворения А. Ф. Тютчевой таков:

Святые горы

Тихо, мягко, ночь Украйны,
Полна прелести и тайны,
Над дубравою лежит.
Темно небо так глубоко,
Звезды светят так высоко,
И во тьме Донец блестит.

За обительской стеной
Псалмопенье, звон святой
До заутрени молчат;
Под оградою толпой,
Освещенные луной,
Богомольцы мирно спят.

И с крестом там на челе
Белым призраком во тьме
Над Донцом утес стоит.
И, как дух минувших дней,
Он молитвою своей
Богомольцев сторожит.

Во скале той священной
Искони чернец смиренный
Подвиг веры совершал,
И в духовном созерцаньи
Сколько слез и воздыханий

Перед богом изливал.
Оттого, как дух блаженный,
Величавый и смиренный
Над Донцом утес стоит,
И в тиши поры ночной
Он молитвой вековой
Спящий мир животворит.

Святые Горы — монастырь на правом берегу Сев. Донца (б. Изюмский уезд Харьковской губернии).

ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage...» (стр. 307). Впервые — ТС, стр. 13. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Обращено к бар. Аполлонию Петровичу Мальтицу (1795—1870), второстепенному немецкому поэту и русскому дипломату, женатому на сестре первой жены Т. — Клотильде Ботмер. В автографе к тексту стихотворения сделана приписка на французском языке: «Простите. Как я ребячлив, как я слаб... Сегодня целый день я только и делал, что читал ваши стихи и думал о вас. — Мои дружеские приветствия Клотильде. Будьте счастливы — она и вы. Ф. Тютчев».

«Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface!..» (стр. 308). Впервые — СН, кн. 18, 1914, стр. 3, после письма Т. к жене от 14 октября 1842 г. Печ. по автографу ЛБ. Стихотворение написано на клочке бумаги, вложенном в одно из писем Т. к жене за 1842 г., но без точной даты.

Un rêve (стр. 308). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 3. Печ. по автографу СП. Обращено к Э. Ф. Тютчевой, второй жене поэта.

«Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège...» (стр. 310). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 445. Печ. по автографу АБ. В автографе дата сопровождается пометой: «St.-Pétersbourg» (С.-Петербург). Стихотворный перевод этих стихов принадлежит В. Я. Брюсову:

Безвременная ночь восходит безнадежно
На небо низкое; река, померкнув, спит,
Как груда мертвых льдов, и нити пыли снежной
Кружатся и звездят береговой гранит.

Нет выхода! Весь мир исчез в тумане этом,
Тот мир, где место есть живым, грозе, борьбе!
И, убаюканный тем смутным полусветом,
О полюс! — город твой влечется вновь к тебе!

Lamartine (стр. 310). Впервые — Изд. «Academia», т. 2, стр. 283. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется 1848—1849 гг., так как перекликается со стихотворением «Как он любил родные ели...» и написано на одном листе со стихотворением «Наполеон».

«Comme en aimant le coeur devient pusillanime...» (стр. 310). Впервые — сб. «Звенья», кн. 2, 1933, стр. 270. Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Стихотворение переписано вместе со стихотворениями «Еще томлюсь тоской желаний...» (1848), «Слезы людские, о слезы людские...» (1849?) и «Я очи знал, о, эти очи...» (не позднее начала 1852 г.). Других данных для датировки не имеется.

Стихотворный перевод этих стихов принадлежит С. М. Соловьеву:

Как любящую грудь печаль и ужас гложат,
Как сердце робкое сжимается тоской!
Я времени шепчу: остановись, постой,
Ведь предстоящий миг, подобно бездне, может
Зиять меж ней и мной.

Неумолимый страх, предчувствие потери
На сердце налегли; я прошлым удручен,
Я слишком долго жил, но пусть, по крайней мере,
Не канет в прошлое ее любовь, как сон.

«Vous dont on voit briller, dans les nuits azurées» (стр. 311). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 5. Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе после даты помета, также на французском языке: «Прогулка ночью с Нести». *Нести* — вторая жена поэта. Стихотворный перевод этих стихов принадлежит В. Я. Брюсову:

Огни блестящие во глуби светло-синей,
О непорочный блеск небесного венца!
О звезды! Слава вам! Божественной святыней
Зажглись вы над землей, — и длитесь без конца.

А люди, жалкий род, несчастный и мгновенный,
Которому дано единый миг дышать,
В лазурь глаза вперив, поет вам гимн священный —
Торжественный привет идущих умирать.

«Des premiers ans de votre vie...» (стр. 312). Впервые — РА, 1892, № 4, стр. 537. Печ. по автографу СП. Обращено к второй жене поэта.

Стихотворный перевод этих стихов принадлежит А. А. Фету:

О, как люблю я возвращаться
К истоку первых дней твоих
И, внемля сердцем, восхищаться
Рассказом — тем же всё — о них!

Как много свежести и тайны
На тех встречаю берегах!
Что за рассвет необычайный
Сквозил в тех дымных облаках!

В каких цветах был луг прибрежный,
Ручья как чисто было дно,
Как много дум с улыбкой нежной
Лазурью той отражено!

О детстве, понятом так мало,
Чуть упомянешь ты порой, —
И мнилось мне, что овевало
Меня незримою весной.

<Из Микеланджело> («Oui, le sommeil m'est doux! plus doux — de n'être pas!..») (стр. 312). Перевод стихотворения Микеланджело Буонаротти «Grato m'è sonno e più l'esser di sasso...». Впервые — сб. «Звенья», кн. 2, 1933, стр. 279. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Т. перевел стихотворение Микеланджело и на русский язык («Молчи, прошу, не смей меня будить...») (см. стр. 202 и примечания, стр. 363).

«Il faut qu'une porte...» (стр. 313). Впервые — «Тютчевиана», стр. 16. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано от лица дочери поэта Д. Ф. Тютчевой, которую уговаривали принять участие в любительской постановке комедии Альфреда де Мюссе «Il faut q'une porte soit ouverte ou fermée». Э. Ф. Тютчева упоминает об этом спектакле в письме к К. Пфеффелю от 24 ноября 1856 г. (МА), что дает повод относить четверостишие к ноябрю 1856 г. К кому оно обращено — неизвестно.

«D'une fille du Nord, chétive et languissante...» (стр. 313). Впервые — Изд. 1900 г., стр. 446. Данных для датировки не имеется. Принимаем предположительную датировку Г. И. Чулкова (изд. «Academia», т. 2, стр. 371). Обращено к Е. Н. Анненковой (см. о ней стр. 366).

«De ces frimas, de ces déserts...» (стр. 313). Впервые — «Однодневная газета Комитета академических театров помощи голодающим», 1922, 28—29 мая. Печ. по автографу СП. Написано

на книжке стихов Т. (Изд. 1854 г.), посланной поэтом в Женеву дочери Д. Ф. Тютчевой.

«La vieille Hécube, hélas, trop longtemps éprouvée...» (стр. 314). Впервые — «Тютчевиана», стр. 16. Печ. по автографу ЦГАЛИ. *Гекуба* — собака М. Ф. Тютчевой.

«Lorsqu'un noble prince, en ces jours de démence...» (стр. 314). Впервые — РА, 1874, № 10, столбец 356. Печ. по автографу ЛБ — в письме к Э. Ф. Тютчевой от 24 июля 1867 г. Дата стихотворения определяется по содержанию письма. Четверостишие вызвано пожалованием английской королевой Викторией ордена Подвязки турецкому султану, посетившему Лондон летом 1867 г. Т. послал эпиграмму леди Бьюкенен, жене английского посла в Петербурге. *«Honny soit qui mal y pense»* — девиз ордена Подвязки.

«Ah, quelle méprise...» (стр. 314). Впервые — «Тютчевиана», стр. 16. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется 1870 г., так как вызвано желанием младшей дочери поэта М. Ф. Бирилевой работать в качестве сестры милосердия в Георгиевской общине. Первая запись о посещении общины встречается в дневнике М. Ф. Бирилевой под 9 декабря 1870 г. (МА).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

II

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПРЕДСМЕРТНОЙ БОЛЕЗНИ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Другие редакции

Тютчев Федор Иванович

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *М. Е. Новиков*

Техн. редактор *С. И. Брусиловская*

Корректоры
Ф. С. Флейтман и *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 28/VI 1957 г. Подписано в печать 26/IX 1957 г. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 27 (22,14). Уч.-изд. л. 21,04. Тираж 40 000. Зак. № 577. Цена 7 р. 95 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28

Типография № 5 УПП
Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3.

